

ISSN 2312-377X

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (35)

2017

Сургут

Учредитель и издатель:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС 77-63200 от 1 октября 2015 г.

Издается с марта 2000 г.
Выходит 2 раза в год.

Главный редактор:
С.М. Косенок, д.пед.н., профессор

Редакционная коллегия:
В.В. Мархинин, д.филос.н., профессор
О.В. Ищенко, д.ист.н., профессор
В.Н. Логвин, д.ист.н., профессор
А.И. Прищепа, д.ист.н., профессор
Д.В. Кирилюк, к.ист.н., доцент
Т.Ю. Денисова, к.филос.н., доцент
Н.И. Хохлова, к.психол.н., доцент
А.А. Хадынская, к.филол.н., доцент

Ответственный редактор:
А.П. Чалова, к.филол.н.

Переводчик:
В.А. Семенов

Полные тексты статей размещаются в базе данных Научной электронной библиотеки
на сайте elibrary.ru и включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции:
628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-29-88, факс (3462) 76-29-29, e-mail: chalova_ap@surgu.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
------------------	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Курнос В. В. Взаимодействия Волжской Булгарии и Новгорода с населением Северного Урала и Западной Сибири в X–XIII вв.....	6
Задорожная О. А. Истоки происхождения купечества городов Тобольской губернии (1725–1825 гг.)....	11
Задорожная О. А. Кожевенные предприятия купцов Тобольской губернии (1775–1825 гг.).....	24
Прищепа А. И. К дискуссии об исторической необходимости сплошной коллективизации в СССР...	30
Кирилюк Д. В. Проблема повышения качества преподавания в школах Югры в конце 1950-х – середине 1980-х гг	34
Кузнецова А. А. Музыкальное и художественное творчество как форма проявления инакомыслия в Западной Сибири в сер. 1960 – сер. 1980-х гг.	40
Кондакова Л. Ю. Состояние и развитие материально-технической базы государственных массовых библиотек г. Сургута: 1965–1980-е годы	46
Иванов А. С. Идентичность спецпереселенцев Югры и проблема оценки трудовой деятельности...	53

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Солодовников А. Ю. Динамика численности и структуры населения Нефтеюганского района	58
Солодовников А. Ю. Браки и разводы в Нефтеюганском районе: демографический анализ	67
Мархинин В. В. (мл.), Пуртова В. С., Ушакова Н. В. Этноконфессиональная идентичность молодежи: предпосылки развития и преодоления межнациональных конфликтов.....	74
Стась И. Н. Урбанизация в парадигме социологической науки XX века	79

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Мархинин В. В. (мл.) Политическая философия Джованни Ботеро: моральная эмансипация политики и (анти)макиавеллизм.....	84
---	----

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Полторжицкая Г. И., Будникова Н. Н. Использование веб-квест технологии при обучении профессиональному русскому языку в иноязычной аудитории	89
---	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сергиенко Н. А. Когнитивные основы теории языковой категоризации.....	97
Симонова О. А., Ситникова А. Ю. Урбанонимия Сургута и способы ее перевода на английский язык.....	102
Ткаченко Л. И., Чмых И. Е. Некоторые аспекты перевода названий художественных фильмов.....	107

ПЕРЕВОДЫ

Оттуа Ж. (пер. Мархинина В. В.) Технонаука: между технофобией и технофилией.....	110
Наши авторы	119
Требования к оформлению материалов	122

Дорогие друзья!

Первый в 2017 году выпуск журнала посвящен актуальным проблемам развития науки, образования, культуры и социальной сферы. Публикуемые в номере материалы разделены по отраслям знаний: история, социология, философия, педагогика, психология и филология. Особое место в номере уделено материалам исторической отрасли научного знания.

Основная тематика статей по истории связана с различными аспектами изучения истории региона в контексте общего развития российского государства от Древней Руси до настоящего времени и отражает вектор развития северного края, его тесную связь с историей всей страны и уникальность формирования собственного жизненного уклада. Это и торговые связи Югры с Европой в Средние века, и развитие купечества в Тобольской губернии в XIX веке, и жизнь спецпереселенцев в годы коллективизации, и время советской «оттепели», и новейшая история Западной Сибири. Ученых интересуют не только значимые исторические вехи в развитии края, но и те проблемы, с которыми сталкивались северяне: удаленность от центральной России, нехватка материальных ресурсов, что отражалось в развитии культуры, образования и социальной сферы северного региона, а также вопросы урбанизации, сохранения этнической идентичности народов и успешного взаимодействия в полиэтническом регионе.

Многие темы статей отражают поиск современных решений для актуальных проблем гуманитарных наук: современные технологии обучения русскому языку как иностранному, использование нетрадиционных методов и форм обучения в психологической практике. Ряд материалов посвящен теоретическим исследованиям в области политологии, философии, социологии, филологии, которые также актуальны для современного развития общества и науки: антимаккиавелизм и его преломление в политических воззрениях, проблемы развития технаучки, когнитивные исследования в области языковой категоризации.

Авторы уделяют внимание исследованию практических проблем в области гуманитарного знания: особенностям наименования географических объектов в северном регионе, проблеме перевода иностранных текстов и его специфике.

Среди авторов как ученые, преподаватели, аспиранты и студенты из Сургутского государственного университета, так и преподаватели из Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, а также специалисты в разных профессиональных областях: краеведы, экологи, библиографы.

Надеемся, что очередной номер журнала заинтересует читателей и каждый из них найдет полезный для себя материал.

*С уважением
редакция журнала
«Северный регион: наука, образование, культура»*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94.01/.03(47+571.1)

Курносков В. В.
Kurnosov V. V.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И НОВГОРОДА С НАСЕЛЕНИЕМ СЕВЕРНОГО УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В X–XIII ВВ.

RELATIONS BETWEEN VOLGIAN BULGARIA, NOVGOROD AND THE NORTHERN URALS, WEST SIBERIA POPULATION IN 10–13 CENTURIES

В статье говорится о сходстве и различиях политики Волжской Булгарии и Новгорода, направленной на монополизацию торговли пушниной, проводимой в Приуралье и Зауралье в X–XIII вв. Особое внимание уделяется мерам того и другого государства по защите своих торговых интересов в регионе. Приводятся примеры эффективности и недостатков выбранной стратегии.

The paper covers similarities and differences between Volgian Bulgaria and Novgorod policies aimed at monopolizing the fur trade in the Cisurals and Transurals in 10-13 centuries. Special emphasis is paid to the steps that both countries took to protect their respective trade interests in the region. Examples of the strategy's benefits and drawbacks are included.

Ключевые слова: Югра, Волжская Булгария, Новгород, торговля, взаимоотношения.
Keywords: Ugra, Volgian Bulgaria, Novgorod, trade, mutual relations.

Уникальность товаров Приуралья и Зауралья, которые можно было добыть только на Севере, была причиной включения в средневековье этого региона в сферу политической и торговой экспансии предприимчивых соседей – Волжской Булгарии и Новгородской республики. Этими товарами были меха белки, соболя, куницы, черной и красной лисы, горносталя, бобра, песца и т.д. Также из Западной Сибири вывозили мамонтовые бивни, моржовые клыки и шкуры, невольниц и т. д. [12]. В статье рассматриваются следующие вопросы: какую политику проводили Волжская Булгария и «Господин Великий Новгород» в отношении народов северо-востока Европы и Западной Сибири, конечной целью которой являлся контроль над торговлей «мягким золотом»? В чем схожие черты и принципиальные различия этой политики? Насколько она была эффективной и как отражалась на взаимоотношениях с местным населением? Хронологические рамки работы – X–XIII вв. н.э.

Необходимо отметить, что соотношение упоминающихся в письменных источниках географических терминов и конкретных мест носит проблемный характер в отечественной историографии. Так, локализация Вису в районе Верхнего Прикамья, а Йуры, или Югры в русских летописях, – к северу или к северо-востоку от него, хотя и носит гипотетический характер, тем не менее принята большинством исследователей [2; 4; 12; 13].

Тема торговли с северными народами в трудах арабоязычных писателей появляется в X в. Б. Н. Заходер предполагает, что попавшая в «Каспийский Свод» информация выдержала две-три редакции, то есть относит ее к более раннему времени [6, с. 59]. С. Ю. Худяков считает, что установление торговых контактов Прикамья со странами Средней Азии состоялось к VII–VIII вв., «еще до образования Волжской Булгарии» [13, с. 331]. С возникновением государства северные территории все больше начинают входить в сферу торгового и военно-политического влияния болгар. Булгары основывают

в Прикамье фактории. Некоторые из них перерастают в городки Афкуль, Ыбыр и Чулыман. Приблизительно к XI в. практически все Прикамье становится частью Волжской Булгарии [3].

Перечень товаров, ввозимых в Прикамье и Западную Сибирь, прослеживается как по письменным источникам, так и по археологическим материалам. Это оружие, ткани, соль, пастовые, стеклянные и хрустальные бусы. Но особым спросом на севере пользовались серебряные сосуды, украшения и серебряные принадлежности костюма [6, с. 64; 7; 12; 13]. По мнению исследователей, завоз серебряных изделий в Прикамье начался в IX в., после арабского завоевания Персии и Средней Азии [12; 13]. О масштабах торговли свидетельствуют найденные в Прикамье более 100 кладов, в каждом из которых было не по одному серебряному кувшину [12].

В письменных источниках отмечается особая роль пермских купцов в торговле Волжской Булгарии с Зауральем. Об этом сообщает арабский географ-энциклопедист XIV в. ал-Омари: «Купцы наших стран <...> не забираются дальше города Булгара; купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера» [11, с. 240]. Данные письменных источников подтверждают археологические материалы. Так, болгарский импорт в Зауралье и Сибири встречается, как правило, совместно с предуральскими предметами [12]. По мнению Ю. С. Худякова, «такая схема эстафетной торговли функционировала в начальный период развития торговых связей Булгарии с Западной Сибирью. Однако, после того как основные маршруты, по которым торговцы проходили через Уральские горы, были разведаны, болгарские купцы стали совершать самостоятельные торговые экспедиции в Зауралье. Об этом свидетельствует география распространения импортных и болгарских изделий в Западной Сибири, которая охватывает обширный ареал от низовий Оби до верховий Иртыша. На многих территориях, где были обнаружены болгарские, западноевропейские и восточные ремесленные изделия, не найдено предметов, характерных для культур Прикамья» [13, с. 332].

В то же время политика болгар в отношении жителей Прикамья не только ограничивалась торговыми контактами. Так, Ал-Гарнати пишет о Вису как об одной из частей Булгарии, жители которой платили харадж, т.е. мусульманскую поземельную подать [10, с. 33]. По мнению А. М. Белавина, упоминание о харадже является убедительным «свидетельством втягивания пермских племен в состав государства волжских болгар на правах соседей-данников, вассалов» [2, с. 33]. О военных походах болгар на Вису свидетельствуют находки болгарских стрел на ряде родановских городищ и следы пожарищ [3]. А. М. Белавин считает, что болгары больше воздействовали на укрепление связей с Приуральскими землями активной торговлей, нежели репрессивными методами [2, с. 167].

Начало торговых контактов Булгарии с Западной Сибирью датируют X в. [12; 13]. Именно с этого времени болгарские и пермские купцы начинают ввозить восточную художественную утварь, оружие, изделия прикамских ремесленников и болгарских ювелиров. Причем, как полагает Н. В. Федорова, «болгарские ювелиры <...> великолепно знали не только объем потребностей своих северных покупателей, но и их, если можно так выразиться, духовные запросы: изображенные ими на блюдах и бляхах сюжеты максимально приближены к восприятию северянами, некоторые типы ювелирных украшений, особенно в XII–XIV вв. <...> видимо, делались на заказ» [12, с. 97].

Торговое сообщение с Западной Сибирью начиналось в низовьях Камы и осуществлялось по нескольким путям. Один из них пролегал по рекам через Средний Урал и выходил к Среднему Приобью. Другой от Северного Приуралья переходил через Уральские горы в район Нижнего Приобья. Эти пути активно использовались болгарскими купцами вплоть до монгольского нашествия в XIII в. [13].

Контроль над торговлей являлся государственным делом Волжской Булгарии. Власти следили за безопасностью торговых путей, строго регламентировали дневки и

ночевки для судоходных и сухопутных караванов на подконтрольной территории [3]. Дипломатия Булгарии была призвана защищать свои торговые интересы, и здесь болгары использовали весь имеющийся на их вооружении арсенал: от мер протекционизма до силового воздействия на конкурентов. Так, попадание сведений о «немой», т.е. бесконтактной, торговле с Йурой в труды арабоязычных писателей средневековья, информаторами которых выступают болгары, исследователи связывают с защитой торговых интересов последних [4; 12], как один из способов отпугивания возможных конкурентов. Кроме того, болгары не допускали в Зауралье арабских и индийских купцов, так же, как и представителей северных народов, в пределы своей страны. У Ибн-Фадлана приводится рассказ об индийском купце, который долго добивался разрешения отправиться на север у царя болгар [2, с. 31]. Как ни хотелось Ибн Баттуте, по его личному заверению, пробраться в «страну мрака», он отказался от этого предприятия «вследствие больших хлопот, [потребных] на это, и малой пользы [от такой поездки]» [6, с. 64]. На вопрос арабского путешественника ал-Гарнати болгарскому информатору, почему жители Севера не посещают их страну, последовал следующий ответ: «Когда в эти области вступает кто-нибудь из них, даже в сильную жару, то воздух и вода холодеют, как зимой, и у людей гибнут посевы» [10, с. 31].

Силовое воздействие болгар на жителей Предуралья И. А. Гагин связывает с появлением новгородцев в регионе. По его мнению, походы носили демонстративный характер, целью которых было удержание данников и торговых партнеров в сфере своего влияния [4]. Защитой торговых интересов была вызвана торговая война с Северо-Восточной Русью. Когда в 1212 г. Всеволод Большое Гнездо построил город Устюг у слияния рек Сухоны и Юга, болгары дважды осаждали его (1218, 1219 гг.), хотя и безуспешно. После чего последовал ответный рейд владими́ро-суздальских дружин в 1220 г. [3].

Таким образом, политика Волжской Булгарии в отношении Йуры и Вису была нацелена на долгосрочные торговые взаимоотношения, о чем свидетельствуют многочисленные следы именно торгового присутствия болгар к востоку и западу от Уральских гор. Насколько эта политика себя оправдывала, можно судить по тому, что, вплоть до нашествия монголо-татар, Волжско-Камский великий торговый путь был главной магистралью, по которой продукция городского ремесла Европы и Азии проникала и за Урал [3].

В своем движении в Западную Сибирь новгородцы пользовались несколькими путями. Наиболее ранний и наиболее опасный – «северный» путь – через три моря (Белое, Баренцево и Карское). По нему новгородцы попадали к устью Оби [8]. Другой – «черезкаменный» путь – проходил по речной системе Северной Двины, западные притоки которой связаны с центром русской равнины, а восточные подходили к притокам Печоры. Далее волоком попадали в притоки Печоры и западными ее притоками добивались до Уральских гор, откуда волоком следовали до левых притоков Оби [6, с. 64].

Первое упоминание о Югре в «Повести временных лет» помещено под 1096 годом. По сюжету, описывающему события 4-летней давности, новгородец Гюрята послал отрока в Печеру «к людям, дающим дань Новгороду» [9, с. 10], после чего тот отправился торговать с Югрой. Из этого отрывка следует, что к 1092 году Новгород уже торгует с Югрой, а также собирает, хотя, возможно, и эпизодически, дань с пермских племен [5, с. 48].

По мнению Б. Б. Овчинниковой, «движение новгородцев на восток в IX–XII вв. было довольно разнородным. Его первую волну составляли охотники на пушного зверя и мелкие торговцы; их группы нередко снаряжались на деньги богатых купцов и бояр, заинтересованных возможностью легкого обогащения. Со второй половины XI в. в дальние походы стали отправляться промысловики из пермских племен, которые с каждым годом все больше и больше нуждались в «мягком золоте» для уплаты дани» [8, с. 18].

Отношения промысловиков с местным населением носили мирный характер и строились на условиях взаимовыгодного обмена. Археологические следы торгового присутствия новгородцев обнаружены в памятниках к востоку и западу от Уральского хребта, но особенно их много в Приуралье [7; 12]. Как считает С. В. Бахрушин, частные предприниматели имели прочные торговые связи в Югре [1, с. 65].

С XII в. Новгородская республика начинает организовывать военные экспедиции в Западную Сибирь с целью поступления регулярной дани из Зауралья. Вероятными причинами активизации агрессивной политики могли послужить, во-первых, более прочные позиции Волжской Булгарии в регионе, которые можно было потеснить только военным подчинением торговых партнеров булгар; во-вторых, довольно успешная данническая политика в Перми.

Первый поход на Югру и Самоядь зафиксирован в 1114 г.: «И еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощных странах...» [5, с. 49]. Вероятнее всего, это был неожиданный для жителей Зауралья набег с весьма скромными результатами [8].

О следующем походе говорится в 1-й Новгородской летописи под 1187 г.: «В то же лето избиени быша Печерские данники и Югорские в Печоре, а друзии за Волоком, и паде голов о сте кеметьства» [5, с. 49–50]. Из текста следует, что поход за «данью» был неудачным и что принимали в нем участие значительные силы, более 100 человек (только 100 воинов было убито) [12].

Под 1193 г. в 1-й Новгородской летописи описан, по меткому замечанию Н. В. Федоровой, «знаменитый (по частоте упоминания, но не по результатам) поход воеводы Ядрея с ратью» [12, с. 92]. Согласно летописи, новгородцы захватили один город и осадили другой, после чего вступили в переговоры с Югрой. Однако, вместо обещанных соболей и серебра, Югра собрала войско и разгромила новгородцев. Причем, как считает С. В. Бахрушин, важную роль в поражении новгородцев сыграли другие новгородцы, сторонники торгового освоения края «совет державших с югрою на братью свою» [1, с. 65].

Несмотря на то, что в грамотах XIII в. «Югра» фигурирует в качестве новгородской волости, регулярного поступления дани Новгород так и не добился [1, с. 65]. Фактически череда поражений новгородцев в Зауралье свидетельствовала о крахе политики правительственной колонизации. Военные вторжения только мешали взаимовыгодному торговому сотрудничеству и приводили к ожесточенному сопротивлению со стороны аборигенов [8]. В то же время, как отмечает Н. В. Федорова, археологические следы новгородской торговли в Западной Сибири были представлены гораздо слабее по сравнению с теми же следами Волжской Булгарии [12].

Таким образом, нацеленная на долгосрочные торговые связи с народами вису и йура стратегия Волжской Булгарии позволяла ей контролировать торговлю мехами на Волго-Камском пути, несмотря на противодействие со стороны Новгорода, а затем Северо-Восточной Руси. Политика военной колонизации Новгорода оказалась малоэффективной в исторических условиях X–XIII вв. Видимо, Новгороду не хватало людских ресурсов для установления контроля над Зауральем. Косвенно это подтверждается сведениями из летописи о белках и оленях, падающих из тучи [5, с. 49], явно призывающих добровольцев к последующим походам.

Литература

1. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII веках. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928. 199 с.
2. Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : Изд-во ПермГПУ, 2000. 196 с.

3. Белавин А. М. Камский торговый путь // История татар с древнейших времен : в 7 т. / отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань, 2006. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. С. 226–230.
4. Гагин И. А. «Вису» и «Югра» в свете внешней политики волжской Булгарии // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. С. 12–17.
5. Дмитриев А. А. Пермская старина : сб. ист. статей и материалов о Пермском крае. Пермь, 1893. Вып. 5. Покорение Угорских земель и Сибири. 220 с.
6. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М. : ИВЛИ «Наука», 1962. 213 с.
7. Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1984. С. 163–236.
8. Овчинникова Б. Б. Взаимодействия Новгорода с Югрой // Проблемы истории России. Вып. 7. Источник и его интерпретации. Екатеринбург : Волот, 2008. С. 13–30.
9. Полное собрание русских летописей. Т. II. Изд. 2-е. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 938 стб. 108 с.
10. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу в 1131–1153 гг. / публ. А. Л. Монгайта и О. Г. Большакова. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. 136 с.
11. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящийся к истории Золотой Орды. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1884. Т. 1. С. 564 с.
12. Федорова Н. В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4(12). 2002. С. 91–101.
13. Худяков Ю. С. Путь из Булгарии в Сибирь // История татар с древнейших времен : в 7 т. / отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань : РухИЛ, 2006. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. С. 330–336.

УДК 94(571.12)

*Задорожная О. А.
Zadorozhnyaya O. A.*

**ИСТОКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУПЕЧЕСТВА
ГОРОДОВ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (1725 – 1825 гг.)**

THE MERCHANTRY ORIGIN OF THE TOBOLSK PROVINCE CITIES (1725 – 1825)

В статье рассматривается проблема происхождения представителей гильдейского купечества городов Тобольской губернии через выделение основных социальных слоев сибирского и в целом российского общества. Особое внимание уделяется механизму пополнения сословия потомственных купцов, которое являлось одним из участников формирования всероссийского рынка и фактором экономического развития Западной Сибири.

In the paper the problem of the representatives' origin of the guild merchants of the Tobolsk province cities through the provision of basic social strata of the Siberian and Russian society is considered. Special attention is paid to the mechanism of replenishment of hereditary merchants, which has been one of the members forming the Russian market and a factor in the economic development of Western Siberia.

Ключевые слова: гильдия, купечество, Тобольская губерния, город, семья, род, крестьянство, мещанство, посадские люди.

Keywords: guild, merchantry, Tobolsk province, city, family, genus, peasantry, petty bourgeoisie, craftsmen.

Одним из наиболее важных сословий сибирских городов со второй половины XVIII в. становится гильдейское купечество, так как его роль в экономическом развитии отдаленных регионов значительно усилилась. Этот процесс отразился на структуре делового мира Тобольской губернии и способствовал постоянному пополнению торгового сословия. По данным источников, в Тобольской губернии с 1775 по 1825 гг. в гильдии записалось 595 родов, из которых только 20 можно отнести к потомственной группе (табл. 1). В среднем 58% (345 купеческих фамилий) находилось в гильдейском обществе от 1 до 3 лет. Поэтому установить первоначальную сословную принадлежность многих купеческих семей довольно сложно.

Таблица 1

**Количество купеческих родов в Тобольской губернии,
объявляющих капитал с 1775 по 1825 гг.***

Город	Число родов	Весь период	5	4	3	2	1
Тобольск	178 (30%)	9	13	9	23	27	97
Тюмень	137 (23%)	7	4	6	6	32	82
Тара	55 (9,2%)	1	4	3	1	26	20
Туринск	42 (7%)	1	1	5	5	9	21
Ишим	42 (7%)	1	1	2	1	10	27
Курган	43 (7,2%)	-	1	-	3	13	26
Ялуторовск	35 (5,9%)	1	2	1	-	3	28
Омск (неполные данные)	34 (5,7%)	-	-	-	2	4	28
Березов	20 (3,5%)	-	1	1	1	6	11
Сургут	9 (1,5%)	-	-	-	-	4	5
итого:	595 (100%)	20	28	27	42	133	345

Примечание: весь период – купеческие семьи, которые были в гильдии весь изучаемый период; 5 – были в купечестве пять периодов; 4 – были в купечестве четыре периода и т.д.

В источниках, как правило, указывалось купеческое поколение и сословие, в котором ранее состоял купец и члены семьи. Поэтому среди родоначальников торговых фамилий упоминается только один из ссыльных – березовский купец 3 гильдии Новицкий; трое купцов 3 гильдии из крепостных крестьян (отпущенные): в Ишиме – Васильев, в Тобольске – Иванов и Спириин. В мемуарах сибирских жителей встречаются сведения о предках-соратниках атамана Ермака Тимофеевича, участниках Второго ополчения, о «боярских» сыновьях, прибывших для выполнения важных поручений и т.д. Более точно сословную принадлежность в Тобольской губернии можно определить для семей, которые прибывали в регион по распоряжению центральной власти, это служилые или работные люди, казаки, мастеровые. Именно они осуществляли присоединение, освоение некоторых зауральских территорий, строили здесь населенные пункты крепости, искали полезные ископаемые, собирали ясак с местных народов, их потомки остались проживать в регионе. Начало тобольскому купеческому роду Ширковых положил служилый человек XVII в. [12]. В дозорной книге Тюмени 1700 г. упоминались кожевенных дел мастера Прасоловы, один из которых, Осип, положил начало торговому делу. В сибирских крепостях со второй половине XVII в. конный казак Родион, казачьи дети Осип и Алексей Прасоловы выполняли различные службы [34]. В Туринске 20 семей Панаевых в указанный период записались в купечество. Все они относились к 4 ветвям одного рода служилых казаков, потомки которых числились в посадских, занимаясь торговлей и ремеслом.

Организованный поток переселенцев с начала XVIII в. являлся результатом важнейших исторических событий, например, во время Северной войны на оружейный завод в Тобольске прибыли мастеровые люди. В соответствии с традициями градостроительства они поселились в отдельных слободах: семьи тульских оружейников разместились под Паниным бугром, а москвичи основали Пиляцкую слободу [38]. Жители последней получили сначала прозвище Пилята, а затем фамилию Пиленковых. Отметим, что среди мастеров были не только свободные люди: Никифор Иванов сын Пиленок прибыл в качестве рекрута из имения помещика Глебова [37, с. 106–107]. Документы сохранили некоторые даты: 14 марта 1700 г. оружейный мастер с товарищами прибыл в Тобольск; в 1702 г. Пиленок сопровождал в Петербург пробную партию оружия – шесть фузей и несколько мушкетов. По мнению Н. А. Абрамова, москвичи получили прозвище Пиленки, так как были мастерами по изготовлению оружейных стволов [32]. В Переписной книге за 1763 г. упоминалась настоящая фамилия одного из будущих Пиленковых: «Дмитрий Антипов сын Ленов он же Пиленок, он же Киселев». После закрытия оружейного завода мастеровым пришлось искать средства для существования: одни продолжали заниматься ремеслом, другие нашли новые занятия. Торговый человек Андрей Пиленок из Тобольска скупал у местного населения мягкую рухлядь, а у оптовых торговцев брал для продажи китайский товар [26, с. 6]. Даже после записи в гильдию А. Пиленок не оставил ремесло, так как среди продаваемого товара упоминались изделия собственного производства. Братья купца, Иван Большой и Иван Младший, по-прежнему состояли мастерами в цеху. В исследуемый период в городах Тобольской губернии упоминалось несколько купцов Пиленковых, которые не состояли в родственных отношениях и проживали в Тобольске (две семьи), Ишиме (две семьи), Туринске (одна семья).

Тульские оружейники, основавшие вторую ремесленную слободу, после закрытия предприятия также остались в Сибири. Медведевы называли себя «природными тоболяками», сохранив свое ремесленное занятие. Посадский человек Варфоломей Медведев организовал в губернской столице мастерскую по изготовлению железных изделий, которые продавались даже на русско-китайской границе в Кяхте [17, с. 1]. Но основным регионом для сбыта произведенной и приобретенной продукции была Сибирь, которую без специального разрешения властей не разрешалось покидать даже «свободным людям». Поездки по обширному и малоосвоенному району способствовали тому, что

профессиональные ремесленники втянулись в меновую торговлю с иностранцами [33, л. 9 об. – 11; 1, с. 42–43].

В освоении Зауралья принимала участие православная церковь, которая для расширения своего влияния на окраинах отправляла духовенство. Основатель рода Кремлевых, вероятно, прибыл в свите митрополита Киприана для строительства Тобольского Кремля. Впоследствии представители семейства состояли в различных социальных группах: от ремесленников, крестьян, священнослужителей до крупных государственных чиновников. [31, с. 37 об., 54] В губернской столице Алексей Кремлев был известен как розничный торговец в городской и сельской округах. Его потомки – потомственные граждане Тобольска – продолжали заниматься торговым промыслом, не разделяя свое наследство [37, с. 43].

В пополнении гильдейского купечества большая роль принадлежала посадским людям, которые занимались розничной торговлей, ремесленным производством или выполняли обязанности посредников. В отдельную группу можно выделить «старожилов», как правило, это посадские люди, проживающие в данном городе в течение нескольких поколений. Также «Жалованная грамота городам» выделила две категории мещан, из которых потомственные занимались «мелочным торгом, ремеслом, промыслами...» [28, с. 367]. Этому способствовало то, что представители этой группы городских жителей владели разными торговыми помещениями: лавками, шалашами, полками на рыночных площадях и т.д. В источниках отмечалось, что мещане активно занимались розничной торговлей даже за пределами городов [6, л. 5, 61–66 об.]. Основатель купеческой династии Михаил Башарин в качестве коробейника посещал с мелочным деревни Тюменской округи. Семейное дело продолжали его сыновья, которые впоследствии открыли собственную городскую лавку. После удачной женитьбы Петр Михайлович Башарин записался в купцы первой гильдии, что позволило ему стать известным в регионе оптовиком.

Мещане, как отмечалось выше, выполняли обязанности постоянных или временных приказчиков, поверенных гильдейских купцов, которым удавалось в короткие сроки обеспечить себе прочные связи в деловом мире региона. Эту особенность отмечал С. С. Шашков: «Ловкие приказчики тузов сильно обворовывали своих хозяев, в конце концов, сами становились тузами» [39; 40]. В первой половине XVIII в. верхотурский купец-откупщик М. Походяшин вкладывал капитал в различные направления коммерческой деятельности по всей территории Сибири [24, с. 601–603]. Его покупателями, деловыми партнерами и должниками были не только представители податных сословий, но и состоятельные купцы, влиятельные чиновники. Преемником капитала разорившегося Походяшина стал его приказчик Зеленцов, «на развалинах ... богатства» которого поднялся род купцов Поповых [41, с. 37]. Род бывших торговых людей Великого Новгорода Поповых разделился на две купеческих ветви: пензенскую и сибирскую [20, с. 85; 21, с. 98; 22, с. 99–104; 23, с. 112–113]. Родоначальник сибирской династии Яков Алексеевич Попов своими «торговыми и промышленными оборотами» охватил «весь приуральский, приишимский, припечерский край» [4, с. 51–54]. Его сыновья, Иван и Андрей, исполняли обязанности управляющих Богословских заводов промышленника Зеленцова, получая в качестве оплаты четвертую часть прибыли. Со временем завод полностью перешел в собственность братьев Поповых, которые, по распоряжению Верховной власти, вынуждены были продать его казне. Как правило, потомственные мещане стремились закрепиться в гильдейском обществе надолго. В том случае, когда это не удавалось купцы из мещан, возвращались обратно в прежнее сословие.

В городских обществах Тобольской губернии состояли мещане с двойным (крестьянским) окладом – это бывшие торгующие крестьяне. Имея капитал и сложившееся торговое дело, сельские жители приобретали городскую недвижимость, обеспечивая себе законное право на мещанское звание. После очередной ревизии мещанин с окладом мог выйти из крестьянского сословия, став, например, купцом. Так как для представителя

крестьянского мира было невыгодно платить, например, подушную подать и проценты с капитала, сложилась четкая схема перехода: крестьянин – торгующий крестьянин – мещанин с двойным окладом – мещанин (редко этот статус пропускался) – купец. Этот путь был долгим и требовал больших капиталовложений. Поэтому выходцы из крестьянства редко состояли в купцах первых двух гильдии, предпочитая владеть торговым помещением, ремесленной мастерской или доходным домом.

Хотя среди купечества Тобольской губернии выходцев из крестьянства мещан было немало, но только 14 указали свое прежнее происхождение: в Тюмени – Аласины, Космаревы, Мальцевы, Парфеновы; в Омске – Нефедьевы, Федоровы; в Таре – Нутиковы (Сыщиков), Заливины, Чудиновы, Машенсковы, Чудиновы; в Кургане – Зыряновы, Фоняковы; в Тобольске – Воробьевы; в Ялуторовске – Минаевы. Порой путь в купцы был более продолжительным: отставной казак Николаев сначала записался в крестьянское общество, затем – в тарское мещанство, через некоторое время перешел в купеческое общество. В гильдию по Тюмени А. И. Аласин вступил как мещанин с 40 алтынным окладом. К моменту переселения в город поставщики сырья для кожевенных предприятий Аласины состояли в родственных связях с местными купцами Белокашиным и Никоновым. Длительное пребывание в сословии обеспечивалось не только семейно-родственными связями, но и большим нераздельным капиталом. В тарское купечество братья Федор, Михаил, Иван и Афанасий Сыщиковы (Нутиковы) вступили из «новозаписавшихся крестьян», хотя в мещанах с двойным окладом состояли несколько лет. Но торговая деятельность в городе оказалась рискованным и мало доходным занятием для большой семьи. Поэтому купеческие братья открыли торговые лавки, построили кожевенное предприятие. Это было затратно, поэтому Иван Иванович вышел из купеческого общества, а в гильдии остались только Федор и Михаил с сыновьями.

Таким образом, посадские, мещане и старожилы являлись основным источником пополнения гильдий в городах Тобольской губернии. На эти три группы горожан приходилось 37% от общего числа купеческих фамилий данного региона [25, с. 506–511]. В Омске из вышеуказанных групп записалось в гильдии около 26%, в Тюмени и Кургане по 30%, Ишиме – 40%, Тобольске и Сургуте по 44%, Таре – 46%, Туринске – 50% и Ялуторовске – 51% от общего числа семей. Для городских слоев населения законодательство обеспечивало более свободную запись в гильдии по сравнению с крестьянством, поэтому мещане с двойным окладом или цеховые из крестьян.

Большое влияние на процесс пополнения купеческих гильдий оказали представители ремесленных цехов Тобольской губернии, из которого вышло 57 фамилий или 9,6% от общего числа. В Тюмени из цеховых в гильдии записалась 21 семейства, которые составили костяк потомственного купечества ремесленной столицы губернии. Среди купцов, вышедших из цеховых, преобладали владельцы мелких мастерских, семейных предприятий обрабатывающей промышленности. Этой группе принадлежало 4 кожевни, 4 мыловарни, несколько салотопенных и свечных заводов [16; 17 с. 55–57]. Отметим, что местные власти разрешали совмещать торговлю и ремесло. Купцы могли не только состоять в цеху, но и занимать должности выборных руководителей в этой организации. Основателем торговой династии Барашковых был Василий Осипович, отец которого поселился в посаде около 1750-х гг. Основным источником дохода семьи длительное время являлось кожевенное ремесло, поэтому будущий тюменский купец прошел путь от ученика до подмастерья и цехового мастера. Даже после записи в гильдию в 1789 г. ремесленное занятие для Барашковых оставалось ведущим в структуре их деятельности, а произведенная продукция сбывалась в лавке [35].

В губернской столице 27 цеховых записалось в купеческие гильдии, например, цеховой Антип, сын казака Марка Селиванова. Мастер с сыновьями, Петром и Михаилом, трудился в собственной ремесленной мастерской. Казалось, что семья Селивановых была прочно связана с цехом: сыновья стали мастерами, дочери, Матрена и Ирина (Арина),

вышли замуж за ремесленников [12, л. 293; 37, с. 139]. Для самого Антипа Марковича пребывание в цеху было важным, так как человек должен трудиться руками и отвечать за результаты труда. Мастер был категорически против торговых занятий сыновей, которые стали купцами только после смерти отца (1763 г.) [1, с. 44]. Из-за небольшой численности населения в малых городах Тобольской губернии – Березове, Сургуте и Ялуторовске – цеховые предпочитали сохранять «родовое», более стабильное занятие, не стремясь в гильдию. В Ишиме, Таре и Туринске в купцы записалось только по одной семье цеховых, но удержаться в новом сословии не удалось. Сын основателя купеческой фамилий Гуляевых, Василий, стремился привлечь к торговому занятию своих сыновей, Степана и Емельяна: первый поступил на государственную службу, а младший предпочел вернуться к ремесленному производству.

Купцы 3 гильдии из ремесленников нередко оставались связанными с цехом и гильдией, что приводило к «скрытой борьбе» между сословными корпорациями. В классическом средневековье борьба между этими двумя корпорациями в Западной Европе способствовала не только расцвету ремесла, появлению новых видов продукции и профессий, но и привела к «революции цехов» против городской верхушки. Партнерские отношения между купцами и ремесленниками не были равноправными, так как конечным результатом выступала прибыль. В городской торговле ремесленник сохранял некоторые привилегии, но транзитный оптовый торг становился монополией профессионального купца из гильдии. Кроме того, российский купец стремился стать главной фигурой общероссийского рынка. При повышенном спросе на ремесленные изделия в удаленных регионах государства скупщик платил производителю несколько больше, чем последний получил бы сам. Это «мирило» гильдейские и цеховые организации с некоторыми привилегиями профессиональных торговцев и не отражалось на статусе самостоятельных производителей. Для расширения своих возможностей цеховой мастер мог записаться в торговую корпорацию, но сохранял тесную связь с прежним сословием. Поэтому среди руководителей цехов встречались представители гильдий: в Тобольске старшинами в мыловаренном цеху состояли: купец 3 гильдии Е. Аллабаров, в цеху медного дела – П. Захаров, гончарном цеху – Г. Уфимцев [5, л. 115–116 об.]. Но торговля оставалась рискованным занятием, поэтому бывшие цеховые после разорения переходили в другие слои, например, курганский купец из ремесленников Красильников записался в государственные крестьяне.

Особое место среди источников пополнения гильдий занимала группа ямщиков из разных населенных пунктов Тобольской губернии: в Тобольске – 7 семей, в Тюмени – 8, Туринске – 4, Березове – 3. Первоначально ямщиков нанимали для выполнения ямской повинности, т. е. перевозок казенных грузов. Со временем эта «обязанность» превратилась в потомственное занятие – перевозку груза и пассажиров гужевым транспортом. Для организации яма в удобном месте власти или местное население выдавали ямщикам подмогу, т. е. все необходимое для промысла, и первое время даже платило жалованье. В Тобольской губернии поселки ямщиков строились на расстоянии 40–50 верст с разрешения местной администрации, а руководители системы самоуправления – старосты и целовальники – при необходимости становились старостами торговых караванов. Со временем более удачные ямщики нанимали несостоятельных возчиков, открывая собственное дело. Местные власти с конца XVIII в. пытались регулировать отношения заказчиков и ямщиков, последние стали искать возможности для выхода из-под контроля. Процесс первоначального накопления капитала, например, семейства Трениных был тесно связан с перевозками казенного и частного груза как внутри Тобольской губернии, так и вне ее. Именно они одними из первых в регионе превратили транспорт в доходное направление деятельности и сделали его основой в структуре своего предприятия. Семейство Трениных известно в городском обществе Тобольска своей рассудительностью, основательностью в делах, честностью в предпринимательской

деятельности. В губернской столице они появились во второй половине XVIII в. из ямщиков Самарского яма [7, л. 28; 5, л. 161]. Основатель династии Тюленевых впервые упоминался в книге Андреевского погоста: «у ямщика Федора Ивановича Тюленева родился сын Федор в 1735 году», через несколько лет – дочери Мария, Анна и сын Иван [8, л. 165, 167; 15]. Третьими представителями самаровских ямщиков стали братья Куклины, которые записались в купцы Березова и Тобольска. Братья в начале XIX в. объединили свои капиталы, что позволило расширить объем товарооборота и вести самостоятельно все свои дела. Впоследствии потомки бывших ямщиков состояли в купеческих обществах Екатеринбург, Самары и ряда сибирских городов. Отметим, что для некоторых выходцев из этого социального слоя перевозки оставались важным направлением предпринимательской деятельности. В 1782 г. в купеческом обществе Тюмени записались из тобольских ямщиков братья Проскураковы – Федор, Иван большой, Иван младший, Семен Савельевичи. Они были знакомы с внутренним рынком Зауралья, его специфическими особенностями, имели деловые связи во многих городах Тобольской губернии, умели вести торговлю на ярмарках и т. д. Запись в гильдию повышала их социальный статус и обеспечила некоторыми привилегиями.

Однако, по сравнению с российским купечеством, которое пополнялось напрямую представителями крестьянского сословия, численность гильдейцев Тобольской губернии, по статистическим данным, увеличивалась за счет городского населения [2, с. 63; 1, с. 52]. В то же время крестьянские миграции в регионе формировали городское общество. Наличие большого числа селений по торговым трактам привели к тому, что сибирские крестьяне становились временной или постоянной услугой оптовиков и втягивались в товаро-денежные отношения. В их функции входили: скупка сельскохозяйственной продукции, перевозка товара, сопровождение обозов, участие в торгах и ярмарках. Отметим, что на появление и развитие многих промыслов в регионе оказало влияние формирование всероссийского рынка. Так, речное судоходство и строительство судов с конца XVIII в. стало фактической монополией как бывших, так и настоящих жителей сельских округов. В деревнях Тюменской округи можно было заказать речные суда, бараки, дощаники и лодки, на которых товар доставлялся для населения Тобольского Севера, на ярмарки Восточной Сибири и Урала [13, л. 1–1 об.].

К началу XIX в. в Тобольской губернии сформировался многочисленный слой торгового крестьянства, который отошел от земли и переселился в города, торговые селения и крепости [14, л. 52–53 об.]. При этом закрепиться, перейти в городские сословия могли только те, кто имел стабильное материальное положение. В основном в Зауралье проживали государственные крестьяне, т. е. лично свободные, в отличие от крепостных из Центральной России. Поэтому для перехода в городские сословия им требовалось выполнить ряд юридических формальностей: 1. Заниматься мещанским или купеческим промыслом. 2. Иметь недвижимость в городе. 3. Предоставить отпускное свидетельство от крестьянской общины. 4. Иметь согласие купеческого или мещанского общества. 5. Внести аванс в размере трехгодовой подати по обоим состояниям [27]. Состоятельные крестьяне, переселяясь в город, старались занять устойчивое положение в торгово-промышленном мире. Отметим, что купечество было заинтересовано в записи торгующих крестьян в гильдии, чтобы защищать свои торговые права и привилегии. Но для самих претендентов это было связано не только с расширением торговой или промышленной деятельности, но и с необходимостью изменения прежних понятий и представлений. Последнее обстоятельство нередко становилось одной из причин возвращения в крестьянский мир.

Всего в гильдии городов Тобольской губернии записался 101 глава крестьянских семей, как правило, уже с сыновьями (табл. 2). Наибольшее число переходов из крестьян в купечество приходилось на 90-е XVIII – начало XIX вв., что было связано с общим изменением конъюнктуры продовольственного рынка. В этот период крестьяне-

перекупщики, нажив капиталы, стремились повысить социальный статус через вступление в гильдию. Наибольшее число купцов-выходцев из крестьянского сословия приходилось на Тюмень – 30 фамилий, Курган – 16 фамилий и Тару – 10 фамилий (табл. 2). В Кургане бывшие крестьяне стали заниматься городской торговлей, так как значительную часть капитала вложили в покупку недвижимости на новом месте жительства. При этом 7 купцов с сыновьями вернулись в прежнее состояние из-за несостоятельности. В указанный период стала проявляться новая тенденция: после возвращения в деревню или перехода в мещанство старшего поколения купеческие сыновья оставались в гильдии. Так, в пяти фамилиях Кургана пришлось разделить семейный капитал, что позволило одновременно записаться в купечество и крестьянство (Кузнецовы, Меньшиковы), купечество и мещанство (Безруковы, Обрядовы, Михалевы). Выходцы из крестьян в гильдейском обществе Ишима сохранили свой образ жизни, мало чем отличающийся от прежнего. Наиболее выделились своей замкнутостью семья бывшего дворового человека Васильева, переяславского купца Космарева (бывшего крестьянина) и ишимского мещанина Костина (бывшего крестьянина). Среди крестьян, записавшихся в гильдейские организации городов Тобольской губернии, около 90% приходилось на жителей зауральских территорий. Из центральной части России (в том числе Урала) прибыло 7 семей: монастырские крестьяне Калязина – Лобзины стали омскими купцами, крестьянин Одинцовской волости Брагин и крепостной из Ржева Иванов – тобольскими купцами, крестьяне Костромской губернии Марковы записались в гильдию Туринска, крестьяне Пермской губернии Онучин, Сольвычегодской волости Абрамов и иногородний крестьянин Опрокиднев вступили в купечество Тюмени. К 1830-м гг. сложилась группа, включавшая двадцать шесть фамилий, из бывших крестьян (табл. 2), которым удалось закрепиться в купечестве Тобольской губернии. Многие из них имели стабильное положение в деловом мире, но перейти из третьей гильдии в первую смог только один купец, во вторую – восемь. В эту группу входили представители тюменского купечества – Барашковы, Сорокины, Голонецкие, Щетинины; тобольского – Кузнецовы, Колмаковы; тарского – Николаевы; ялуторовского – Бронниковы; туринского – Меньшиковы.

Таблица 2

Количественные показатели о купцах-выходцах из крестьянского сословия по городам Тобольской губернии в период 1775-1825 гг.

Города	Остались в купцах	Перешли в			Неизвестно	Всего
		мещане	цеховые	крестьяне		
Тобольск	4	5	1	-	1	11
Тюмень	11	11	2	-	6	30
Тара	2	5	2	1	-	10
Туринск	1	4	-	1	-	6
Ишим	1	4	-	-	1	6*
Курган	4	3	-	7	2	16
Ялуторовск		10	-	-	2	12
Омск	2	2	-	1	2	7
Березов	1	1	-	-	1	3
Сургут	-	-	-	-	-	-
Итого	26	45	5	10	15	101

Примечание: * – к крестьянам записали дворовых.

Отметим, что представители привилегированного сословия в России дворянства (боярство) мало представлены в купечестве Тобольской губернии. Только два семейства указывали в источниках свое привилегированное происхождение – сургутские купцы Тверетиновы, тарские – Немчиновы. Известными торговцами в Сургуте и Сургутской

округе были купцы Тверетиновы. Первые упоминания этой фамилии содержатся в Таможенной книге Сургута за 1674/1675 гг., где записано: «...в октябре сургутской казак Ивашко Володимеров Твертинов продал мяса говядины на три рубля пошлины взято пять алтын», «в декабре продал говядины на двадцать алтын. Пошлины взято шесть денег». В Переписной книге Сургута за 1702 г. упоминалось несколько человек с этим прозвищем: «казачий десятник Никита Тверетин сын Ивана», «служилый человек Павел Тверитников», «казак Иван Тверистанова сын Василий», «дьяк Григорий Тверетин», «Василий Тверитунова сыновья Иван и Яков». Сопоставление различных источников XVII – начала XVIII вв. позволяет утверждать о родственных отношениях между некоторыми из вышеупомянутых людей: Василий, сын казака Ивана Тверистанова, и Василий Тверитунов – одно и то же лицо, с ним проживало два сына, Иван и Яков, но прозвище его брата, казачьего десятника Никиты, – уже Тверитин. Служба принесла этим людям казачьи чины, а за особые поручения, в соответствии с «Табелью о рангах», Никита Иванович был пожалован дворянским званием. Однако никакого капитала или земельных владений дворянин не нажил, поэтому после выхода в отставку на деньги своего тестя организовал небольшое торговое дело. Представитель следующего поколения семьи, Федор Никитич, первым записался в купеческое общество по городу Сургуту. Этот вроде бы незначительный эпизод требует более тщательного изучения: как местная администрация позволила стать купцом дворянину? Возможно, Федор воспользовался тем, что своего купечества в уездном городе не было, и желающие подавали прошение в Тобольский магистрат. Второй сын казачьего десятника, Петр Никитович, некоторое время состоял чиновником в местной администрации. Однако основным источником доходов этого дворянина и его двух сыновей, Федора и Никифора, была ремесленная мастерская. В соответствии с российским законодательством представители дворянства лишены были возможности вступать в торгово-промышленное сословие, но из-за особых условий сибирского региона и особенностей формирования здесь дворянского сословия давалось временное разрешение на занятие торговлей. В 1791 г. Главным магистратом было принято решение и утверждены правила «о записывающихся по городам в гильдии из дворян или имеющих штаб или обер-офицерских чинов, если таковые окажутся». В ответах уездных администраций Тобольской губернии из «сибирских дворянских детей» упоминался «Петра Тверетинова сын Федор, состоящий в третьей гильдии с капиталом 1025 рублей». Он занимался в основном розничным торгом в собственной лавке или разъездной торговлей по ближайшим округам, о чем свидетельствуют источники. Его младший брат, Никифор Петрович, владел наследственным ремесленным заведением и поэтому состоял в цеху. В купечестве потомки боярского сына почитались «купчинами честными и порядочными» как жителями города, так и деловыми партнерами. Переход дворян в другие сословные группы для городов Сибири было не редкостью: из боярских детей вышли тарские купцы Нерпины, тобольские – Володимеровы. В купеческом обществе Тары Нерпины состояли с начала XVIII в., занимаясь торговлей сибирскими (пушнина, продовольствие), китайскими и среднеазиатскими товарами. В конце XVIII в. Иван Федорович Нерпин уже состоял в первой гильдии с капиталом 10500 руб. В купеческое общество Березова в 1775 г. с капиталом 3 тыс. руб. записался Ефим Иванович Сверчков. В семье березовского казачьего атамана он был приемным сыном, вместе с вольной он получил капитал для обзаведения хозяйством.

Особую группу в гильдейском обществе составили 80 фамилий потомственного купечества. Больше всего потомственных купцов состояло в гильдиях Тобольска (16), Тюмени (11), Ишима (11), Кургана (10), так как через эти города проходили основные товаропотоки всего Зауралья. Отметим, что в группе потомственного купечества Березова, Ишима, Омска, Сургута, Тюмени преобладали выходцы из купеческого слоя Тобольска, в Тобольске – иногородние торговцы из центра России. На купеческое происхождение в документах указывалось по-разному: «купеческие дети» – Расторгуевы (Тара),

Котельниковы (Тобольск), «из купцов» – Захаровы, Миловановы, Назаровы (Ишим), «из купеческих сыновей» – Кузнецовы (Тара), Худяковы (Тобольск) и т. д.

Но из этих 80 фамилий к старожилам конкретного города относилось только 12 семей (15%), купечеству Зауралья – 48 семей (60%), купцам из центра России – 20 семей (25%). Соответственно, в пополнении гильдейских обществ Тобольской губернии преобладала внутрисибирская миграция, в ходе которой было записано 48 фамилий. Среди сибирских городов лидером по численности переселившегося купечества, как указано выше, можно считать Тобольск, в который 4 семьи переехало из Тюмени, по 3 семьи – из Омска, Кургана, 2 семьи – из Ишима, по 1 семье – из Семипалатинска, Березова и Колывани. Многие купцы вели транзитную торговлю, поэтому, взяв паспорт в местной администрации, могли длительный период находиться за пределами своих городов. Именно миграции являлись источниками для формирования купеческого общества малых городов Тобольской губернии: Березова, Сургута, Ялуторовска.

В группе потомственных купцов, переселившихся в другие города, можно выделить три категории:

- «постоянные» купцы – те, кто после переселения оставался в купеческом сословии, занимаясь стационарной или ярмарочной торговлей с большим товарооборотом;
- «мигрирующие» купцы, которые нередко с большим капиталом регулярно переселялись из одного города в другой;
- «временные» купцы, которые через некоторое время перешли в другие сословия.

В конце XVIII в. тобольский купец третьей гильдии И. С. Нижегородцев (из посадских) поселился в Березове [10, л. 848]. Объединив вокруг себя местных купцов, он получил неофициальный статус монополиста в скупке мягкой рухляди и поставке отечественных товаров на Тобольский Север. Его земляки: И. Т. Лукиматушкин стал известным меценатом Омска, М. И. Постников основал династию судовладельцев Ишима, братья Большаковы в Семипалатинске конкурировали с золотопромышленниками Поповыми [15, л. 162; 30, с. 51].

К концу XVIII в. наметилась тенденция, когда представители влиятельных купеческих родов региона осваивали узловое торговое города или районы постоянного сбыта товара. Поэтому в документах местных административных учреждений, городских органов самоуправления нередко встречались одни и те же фамилии: Медведевы, Пиленковы, Кремлевы, Ширковы, Дьяконовы, Селивановы и др. Глава купеческого дома Кремлевых, Александр Иванович, перевел все свое торговое дело в Ялуторовск, но сохранил тесные деловые и родственные связи с купечеством Тобольска. Его сыновья учились в Тобольской мужской гимназии, проживая у родственников. Получив часть семейного капитала, Иван Андреевич Пиленков записался купцом в Красногорске, его сын Степан состоял в 3 гильдии по Туринску, внуки Ивана вернулись в купеческое общество Тобольска [38, с. 120]. Еще один Пиленков, Иван Васильевич, значился в 3 гильдии по городу Ишиму с 1815 по 1829 гг., а затем вернулся в купечество Тобольска. Так представители купеческих семей основали филиалы отцовых фирм на территории региона [19, с. 93–96]. Наверное, самым мобильным купцом был Александр Петрович Селиванов: из тобольского купечества он вступил в кяхтинское, затем перешел в купцы по Иркутску, а после смерти главы семейного дома вернулся в Тобольск. Конечно, для купцов с небольшим капиталом переселение в меньший, по сравнению с Тобольском, город Тюмень давало возможность расширить свое торговое предприятие и укрепиться в деловом мире. Надежды порой не оправдывались, так как на новом месте купец встречал фамилии прежних конкурентов.

Вторая категория иногородних купцов – «мигрирующая» – включала десять человек, выходцев из сибирских городов. Бывший тобольский купец третьей гильдии Е. Ф. Курсиков, перейдя в купеческое общество Омска, втянулся в меновую торговлю со среднеазиатскими народами; переселившись в Курган, он большую часть капитала вложил

в транзитные поставки; в первой четверти XIX в. он состоял в Тюмени купцом второй гильдии, поставляя для местных кожевенных и салотопенных предприятий сырье. Главным занятием сына тобольского купца (выходца из Тулы) А. Л. Старикова стала торговля с соседними народами – в Кяхте и Семипалатинске. Омский купец З. А. Пеньовский, приобретенные на ярмарках кожи, отдавал для выделки надомникам, затем открыл собственные кожевенные заведения в Ялуторовске и Тюмени. Большинство «мигрирующих» купцов имело солидный капитал и довольно прочные деловые и семейные связи в торговом мире. Главным становилось вложение капитала в разные направления деятельности с целью его сохранения, увеличения прибыли.

В деловой мир Тобольской губернии записалось 18 купцов из городов центральной России: Верхнего Устьюга, Никополя, Холмогор, Тулы, Санкт-Петербурга, Москвы, Вязьмы, Переславля, Воронежа – и 2 с Урала – Екатеринбург. Конечно, установить их истинное происхождение довольно сложно, поэтому мы использовали сведения, предоставленные купцами в местные органы власти. Процесс записи иногородних торговцев был довольно сложным по российскому законодательству. В 1789 г. в Тобольский магистрат подал прошение санкт-петербургский купец И. И. Сафонов, рассмотрение его бумаг длилось более трех месяцев. В 1792 г. документы о записи в гильдию по Тобольску подал великоустюжский купец П. Зувев, который состоял там с 1791 г. [14, л. 3–4 об.].

По-разному складывалась судьба иногородних купцов из Центральной России: как правило, они ранее посещали ведущие и региональные ярмарки Сибири. Имея представление о механизме предпринимательской деятельности, купцы из центра страны занимали промежуточное место между крупным и мелким западносибирским купечеством. Купцы, привлеченные в Сибирь «легендарными» прибылями, без прочной основы в регионе нередко разорялись. Особо выделялась группа «временных» иногородних купцов, которые прибыли и записались в купцы по Тобольской губернии на 2–3 года или для осуществления конкретного коммерческого проекта. В начале XIX в. купеческое общество Кургана пополнилось компанией профессиональных торговцев из Вязников – Ф. Баженов, А. Багашев, Ф. Гарышев, Ф. Козлов [11, л. 3 об. – 6 об.]. На протяжении не одного десятка лет они поставляли в зауральские города российские промышленные изделия, а вывозили мягкую рухлядь, китайский чай, ткани. В Кургане состояли в первой гильдии, что расширяло возможности коммерческих операций. На месте оказалось, что транзитная торговля – рискованное мероприятие, требующее постоянных капиталовложений, да и сибирские купцы имели более прочные деловые связи, основанные на родственных отношениях. К 1830-м гг. партнеры расстались: Гарышевы вернулись в мещанство Вязников, а остальные семьи остались в курганском мещанстве [41, с. 37].

Таблица 3

**Происхождение купеческих фамилий городов Тобольской губернии
(1775-1825 гг.)**

Из каких сословий:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Всего
местные	8	13	24	18	4	47	130	32	100	22	398
из Сибири	12	21	11	7	5	3	11	1	14	11	96
не из Сибири	-	2	6	3	-	1	13	3	5	1	34
неизвестно		6	2	6	-	4	24	6	18	1	67
Итого	20	42	43	34	9	55	178	42	137	35	595

Примечание: 1 – Березово, 2 – Ишим, 3 – Курган, 4 – Омск, 5 – Сургут, 6 – Тара, 7 – Тобольск, 8 – Туринск, 9 – Тюмень, 10 – Ялуторовск.

Иногороднее население (из Сибири, не из Сибири) при пополнении гильдий городов Тобольской губернии составляло 22% (табл. 3). Эта группа включала 130 семей, среди них было 68 потомственных купцов, 33 мещанина (в том числе 4 посадских), 14 крестьян, 8 ремесленников и 7 ямщиков. Так, в Тобольскую губернию переселились выходцы из Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Устюга, Холмогор, Никополя, Вязников, Екатеринбурга, Архангельска, Воронежа, Костромы и т. д. Все эти города располагаются по основному Московско-Сибирскому торговому тракту или его ответвлениях, т. е. вновь записавшиеся еще до переселения были связаны с торговой деятельностью или ее организацией.

Среди выходцев из Сибири в группе иногороднего населения указали место прежнего жительства 96 глав семей, из которых на потомственных купцов приходилось – 48 семей, на мещан (в том числе 4 посадских) – 30, ямщиков – 7, цеховых – 4 и крестьян – 7 (табл. 4). Решающая роль для пополнения купеческого сословия Тобольской губернии принадлежала «природным» жителям уездных городов, что объясняется более ранним началом их предпринимательской деятельности, прочными деловыми связями в торгово-промышленном мире. Иногородние (сибирские) купцы, как указывалось выше, формировали купеческие общества малых и средних городов данной губернии. В то же время именно эти источники пополнения сословия определяли общероссийское законодательство, предоставившее некоторые преимущества мещанам (посадским), цеховым ремесленникам и купеческим детям во время записи в гильдии, по сравнению с крестьянством [29]. Источники позволяют выделить основные группы для формирования гильдейского купечества в городах Тобольской губернии, которые отражены в таблице 4.

Таблица 4

**Источники пополнения купечества городов Тобольской губернии
(1775-1825 гг.)**

Город	«Старожилы»	Число	Иногородние жители	Число
Березово	посадские	2	купцы	7
Ишим	крестьяне, мещане	9	купцы, мещане	22
Курган	крестьяне	10	купцы, мещане	15
Омск	мещане (старожилы), военные	12	купцы, крестьяне	7
Сургут	-		купцы	3
Тара	мещане (посадские), крестьяне	31	мещане	3
Тобольск	мещане (посадские, старожилы) цеховые	101	купцы	12
Туринск	мещане (посадские),	22	мещане, цеховые	4
Тюмень	мещане (посадские), цеховые, крестьяне	70	купцы, крестьяне, цеховые	84
Ялуторовск	крестьяне	12	купцы	9

Такая картина пестрая картина происхождения купечества городов Тобольской губернии связана со специализацией и особенностями развития городов в данный период: Омск превращался в крупный военный и административный город; Ишим, Ялуторовск, Курган являлись центрами сельскохозяйственной зоны; Тобольск, Тюмень, Тара, Туринск входили в число наиболее влиятельных административных центров губернии со статусом первых русских городов в Зауралье, поэтому здесь осела значительная часть служилых людей.

При этом наблюдался обратный процесс: купцы Тобольской губернии записались в гильдейские организации Центральной России. В московские купцы записались из Тобольска Худяков, из Тюмени – Чеусов, из Ялуторовска – Мамонтов, в казанские и

ирбитские купцы из Туринска – Панаевы, в екатеринбургские купцы из Тобольска – Куклины, из Тюмени – Тетерины, в охотские купцы – из Тюмени Никонов и др. Некоторые из них стали основателями знаменитых родов, например московских промышленников Мамонтовых. Со второй половины XVIII в. тобольский мещанин Ф. Мамонтов состоял в купцах третьей гильдии по Ялуторовску [9, л. 155; 35, л. 35 об.]. Основные направления предпринимательской деятельности были связаны со Средней Азией – это поставка продовольствия и сырья для крестьянской округи. Даже переселившись в Чистополь, И. Ф. Мамонтов продолжал поставлять среднеазиатский товар уже в центральные районы страны, но поддерживал с родным краем деловые связи [3, с. 52–62]. Купец 3 гильдии Лукашевич переехал в Польшу.

Таким образом, с 1780 по 1820-е гг. существовали различные источники пополнения купеческого сословия Тобольской губернии. Источники позволяют по различным критериям выделить несколько групп: старожилы и иногородние, сельское и городское население, «сибиряки» и приезжие из центральной части России, представители различных сословий: мещане, крестьяне, духовенство, военные и т.д. Каждый из подобных признаков позволяет выделить особенности вышеуказанных групп, например, мещане были: старожилы и иногородние, мещане с двойным окладом, мещане из потомственного промыслового или торгового населения и т.д. При этом мещанство для гильдий Тобольской губернии было главным источником формирования, но и промежуточной группой при записи в купцы для представителей податных сословий. Нередко прежняя сословная принадлежность определяла первое или основное занятие купеческой семьи в дальнейшем: выходцы из ямщиков занимались организацией перевозок и т.д. Происхождение купца накладывало отпечаток на возможные брачно-семейные отношения: в первом поколении редко заключались браки с купеческими фамилиями, но для последующих поколений это давало возможность закрепиться в деловом мире.

Литература

1. 400 лет Тобольску : сборник архивных документов. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 264 с.
2. Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М. : Наука, 1988. 189 с.
3. Боханов А. Н. Савва Мамонтов // Вопросы истории. 1990. № 11. URL: <http://annales.info/rus/small/mamontov.htm> (дата обращения: 11.03.2017)
4. Громыко М. М. Западная Сибирь в начале XVIII века. Новосибирск : Наука, 1965. 268 с.
5. ГУТО ГА в г. Тобольске. (Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»). Ф. 8. Оп. 1. Д. 111.
6. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 8. Оп. 1. Д. 142.
7. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 62.
8. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 84.
9. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 213.
10. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 290.
11. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 530.
12. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 20. Д. 1.
13. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 18а.
14. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1 Д. 175.
15. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 364. Оп. 1. Д. 11.
16. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 369 Оп. 2. Д. 4.
17. Ежегодник Тобольского музея. Тобольск : 1910. Выпуск XVIII. 170 с.
18. Задорожная О. А. Кожевенные предприятия тюменских купцов в конце XVIII–

начале XIX вв. // Словцовские чтения : мат-лы XV Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. Тюмень : Изд-во ТГУ, 1993. С. 55–57.

19. Задорожня О. А. Торговый дом «Плотников и сыновья» в Тобольске // Проблемы экономической и социальной истории Сибири XVII – начало XX вв.: сб. научных статей. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2003. С. 260-275.

20. Из прошлого Ирбитской ярмарки // Ирбитский ярмарочный листок (ИЯЛ). 1896. №19.

21. Из прошлого Ирбитской ярмарки // ИЯЛ. 1896. № 21.

22. Из прошлого Ирбитской ярмарки // ИЯЛ. 1896. № 22.

23. Из прошлого Ирбитской ярмарки // ИЯЛ. 1896. № 25.

24. Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. М. : Терра, 1995. Т. 1. 704 с.

25. Кондрашенков А. А. Западносибирский посад в конце XVIII века // Города феодальной России : сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М. : Наука, 1966. 563 с.

26. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири : в 4 т. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 1997. Т. 3. Кн. 3. 123 с.

27. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб. : в типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 20. 1034 с.

28. ПСЗРИ. СПб. : В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 22. 1168 с.

29. ПСЗРИ. СПб. : В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 23. 969 с.

30. Путешествие по Западной Сибири доктора О. Финша и А. Брэма. М. : Типография М. Н. Лаврова и К°, 1882. 582 с.

31. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 199. Оп. 2. Д. 497.

32. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3576.

33. РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 25.

34. РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/60.

35. РГАДА. Ф. 486. Оп. 1. Д. 1.

36. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М. : Наука, 1958. 557 с.

37. Тобольск : материалы для истории города XVII и XVIII столетий. Тобольск : Типография М. Г. Волчанинова, 1885. 144 с.

38. Тобольские губернские ведомости. 1860. № 35.

39. Шашков С. С. Сибирское общество в начале XIX в. // Дело. 1867. № 1.

40. Шашков С. С. Сибирское общество в начале XIX в. // Дело. 1867. № 2.

41. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония : к юбилею трехсотлетия : современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1882. XI, 471 с.

УДК 94(571.12)

Задорожная О. А.
Zadorozhnyaya O. A.

**КОЖЕВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КУПЦОВ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
(1775–1825 гг.)**

THE MERCHANT TANNERIES OF THE TOBOLSK PROVINCE (1775–1825)

В данной статье анализируется процесс становления купеческих кожевенных предприятий в Тобольской губернии в последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв. Прослеживается два этапа формирования купеческого производства, связанных с административным значением Тобольска и ремесленным статусом Тюмени. Выделяется структура кожевенного предприятия, состав необходимого оборудования и материалов для производства. На основе анализа динамики появления и развития кожевен у тюменского купечества выделяются новые приемы организации производства, формирование списка выпускаемой продукции.

In the paper the process of merchant tanneries establishment in the province of Tobolsk in the last quarter of 18 – first quarter of 19 centuries is analysed. Two steps of merchant production formation related to the administrative value of Tobolsk and craft status of Tyumen can be traced. The structure of tannery, composition of necessary equipment and materials for production are pointed out. Based on the dynamics analysis of the emergence and development of Tyumen merchant tanneries new methods of production organising are distinguished, forming the list of products.

Ключевые слова: купец, кожевня, производство, чан, юфть, продукция, Тобольская губерния.

Keywords: merchant, tannery, manufacture, tub, yuft, production, Tobolsk province.

В последней четверти XVIII в. в купеческом обществе наметились серьезные изменения как внутри гильдий, так и в структуре имущественных отношений. Купцы втягиваются в промышленную деятельность как ее участники и как собственники производственных помещений, оборудования. В Тобольской губернии в указанный период купеческие семьи открывали различные промышленные предприятия. Наибольшее распространение получило кожевенное производство, так как в Сибири кожаные изделия использовались в большем объеме, чем в центре. Так, все жители региона, независимо от социальной принадлежности, ходили в кожаной обуви и одежде. По данным Е. Ф. Зябловского, в Западной Сибири было больше кожевенных предприятий, чем в остальной части страны. В 1764 г. в Тобольске из 480 ремесленников к сыромятному относилось 12, сапожному и башмачному – 116, чарошному – 73, шапошному – 26, скорняшному – 11, кожевенному – 11, строгального делу – 7 человек. В дальнейшем в ведомостях о принадлежности ремесленного или промышленного предприятия уже указывалось сословие: мещане, цеховые, ямщики, отставные военные, крестьяне и купцы.

По данным источников, Тобольской губернии в указанный период насчитывалось 69 купеческих кожевен с различным периодом деятельности. Сведения о наличии промышленных предприятий регулярно собирались органами исполнительной власти, которая рекомендовала открытие тех или иных производств. В соответствии с утвержденными городскими планами все производственные помещения должно было выноситься за пределы городов в отведенных местах. Такое решение окончательно было принято в 1784г.: «...в нарочном расстоянии от жилого размещать кожевенные и прочие заводы <...> по течению реки ниже города» [9, л. 6 – 6 об.]. Основной причиной являлось

соблюдение пожарной безопасности, а также загрязнение водоемов вредными сбросами. Правление Тобольского наместничества в 1789 г. потребовало собрать сведения обо всех нарушениях в этом вопросе. В результате А. В. Алябьев получил сведения о многочисленных нарушениях в Тобольске правил строительства предприятий в Подчувашской слободе, «которые иметь в городе законом запрещено» [3, л. 2]. Наиболее крупными кожевнями на 1801 г. владели купцы С. Ершов, С. Мамаев, купеческая вдова Е. Сыромятникова. Власти пытались бороться с нарушениями размещения предприятий, например, направляли предписания о вынесении производства в соответствии с законодательством.

В целом, в Тобольской губернии владельцами кожевен были: в Тобольске семейства Ершовых, Сыромятниковых, Мамаевых, Поповых, Назаровых; в Таре – Нерпиных, Пятковых, Нутиковых (Сыщиков), Можайтиновых; в Ялуторовске – Минаевых, Бронниковых, Кожевниковых; в Кургане – Багачовых, Саматовых и др. Но самое большое количество кожевенных предприятий принадлежало тюменским купцам Прасоловым, Башариным, Барашковым, Аласиным, Проскураковым.

При этом первые заведения в данной отрасли появились в столице Тобольской губернии, так как здесь сосредоточился купеческий капитал, который пользовался административной поддержкой. Как правило, наблюдалось два пути занятия промышленным производством: купец из ремесленников записался в гильдию и продолжал заниматься своим промыслом; торговец, накопив капитал, стремился вкладывать его в разные отрасли для сохранения.

Семья тобольских купцов Ершовых в указанный период владела 4 кожевенными предприятиями, построенными самими собственниками. Так, после пожара 1788 г. С. Ершов подал прошение о разрешении строительства вместо сгоревших строений. Под строительство на берегу Иртыша площадью 2 тыс. кв. саженей (40*50 саженей) на расстоянии в 200 саженей от соляных складов в Подчувашской слободе. Выделение участка под строительство не вызвало особых проблем, так как это было только расширение собственного владения купца. На составленном плане предусматривалось строительство жилых домов, хозяйственных построек, двух корпусов кожевенного предприятий с производственными процессами, подсобные помещения. Архитектор Гусев предложил типовые фасады домового и производственного строений выполнить в одном стиле в один этаж. В типовом проекте кожевня имела 11 окон, чтобы было достаточно освещения в дневной рабочий период.

Согласование необходимой документации растянулось с 1788 по 1801 гг., поэтому купец в нарушение всех будущих решений занялся строительством самостоятельно. Соответственно, проект впоследствии отличался от реального строения. В описи имущества С. Ершова дается следующая характеристика двух кожевен, построенных на выделенном участке «длиною 50, шириною 40 саженей»: «...завод кожевенный, при нем изба, состоящая из двух покоев, из коих одна горница с четырьмя окнами, с оконницами стеклянными ставни одинаковые на крюках с болтами железными, двое дверей на крюках железных, в покоях две печи» [1, л. 29]. В 1806 г. Яковом Петровичем Ершовым было построено новое предприятие: «...устроено собственным моим приобретением соответственного звания моему состоянию усовершенствования производил по мере прибытков» [3, л. 30]. Купец построил его без разрешения местной администрации.

Кожевня Я. Ершова была большим производством, в отличие от других предприятий этого типа. Жилые и производственные помещения находились на участке 36 на 14 саженей, часть которого была выделена Городской думой после пожара и часть наследственная. Купеческая усадьба занимала площадь 684 кв. сажени, из которых 260 приходилось на производственные помещения. Размеры только производственного корпуса под толчеями имели площадь 14 на 5 саженей, второй корпус для сушильни – 19 на 10 саженей. Оба деревянных корпуса имели по два отделения. В сушильне было

устроено четыре больших печи для соблюдения производственного процесса. Предприятие работало круглогодично с несколькими выходными.

В кожевню производилось четыре сорта продукции: белая, красная и черная юфть, подошвенная кожа. Самым доходным товаром для купца была юфть, которую в Европе называли «русскими кожами» из-за известной только здесь технология обработки сырья. Для изготовления белой юфти выбиралось самое качественное сырье, а готовую продукцию для поддержания товарного вида приходилось смазывать смесью березового дегтя и тюленьего жира. Часть выделанной белой юфти красили красным сандалом, затем, после просушки, покрывали смесью квасцов. На черную юфть после дубления сразу же наносили соли железа, а для сохранения – ворвань. На производство подошвенных кож шла только толстая говяжья шкура, которую перед продажей держали под прессом. Из вышеуказанных сортов кожи сибирским населением использовалась для изготовления обуви только черная юфть, а остальная продукция вывозилась за пределы региона.

На протяжении указанного периода технология выделки кож оставалась сложной. Поэтому на предприятиях Ершовых и других купеческих предприятиях использовался один и тот же инвентарь: зольные и дубильные чаны из дерева, ножницы для стрижки шерсти, железные «тупики» и деревянные колодки для снятия шерсти с кож, клещи для вытаскивания кож из чанов, ножи-подкидки для снятия мездры и т.д. На предприятии Ершова было установлено 3 (2) толчеи для дробления коры, приводимые в движение лошадьми (зимой) и ветром (летом). Также для замачивания сырых кож использовались чаны большого объема в 160 кож. Купец с 1806 по 1831 гг. ежегодно применял от 9 до 12 чанов, из которых 8 предназначалось для мочения кож в дубу и 3 – в золе. Эта процедура не только смягчала кожи, от ее качества зависел будущий сорт товара. В среднем выделка одной партии кож осуществлялась в течение 13-14 недель. Но беря предварительные заказы, хозяин не всегда мог рассчитывать на быстрое выполнение, поэтому при необходимости для обработки сырья привлекались надомники.

Большую роль в производственном процессе играла квалификация наемных работников, которых было занято в первые годы 7-8, с 1816 по 1820-е гг. – 10 (2 мастера из дворовых купца, 4 подмастерья, 2-4 чернорабочих с одинаковой оплатой труда), в 1825 г. – 8 человек (3 мастера, 3 подмастерьев и 2 чернорабочих). В среднем на производстве было занято 2-3 мастера и столько же подмастерьев. При необходимости обязанности мастера выполнял сам хозяин, а подмастерьями, как правило, трудились младшие члены семьи или ближайшие родственники. Такая ситуация часто описана в источниках, когда мастерами трудились владельцы предприятий: Я. Усков, А. Поварнин, В. Притупов, П. Сафонов, Молотков, Д. Измайлов.

В Таре среди владельцев кожевенных предприятий выделялись семейства Нерпиных и Пятковых. Первое предприятие И. Ф. Нерпина было построено на земле, купленной у мещанина В. Д. Медовщикова, при гражданском выпасе на берегу реки. Предприятие с несколькими отделениями разместилось в деревянном доме общей площадью 60 на 30 сажений. В первое отделение размещалось 25 чанов и 2 красильных котла, во втором – толчея. В среднем в производственном процессе было занято два мастера и 50 человек рабочих. Но особенностью этого предприятия было деление рабочих на отдельные артели во главе со старостой, который руководил всеми операциями и был напрямую связан с мастером. Такая организация трудовой деятельности позволяла работать практически по сменам, увеличивая объемы производства с 5 500 изделий (до 1816 г.) до 8 710 штук. После смерти купца его вдова занималась в основном торговыми делами, поэтому объемы производства были сокращены.

Со временем первенство от губернского Тобольска перешло к ремесленной Тюмени, с которой связано дальнейшее развитие обрабатывающей промышленности в Тобольской губернии. В отличие от Тобольска, где промышленное производство больше связано с административным фактором, Тюмень и ее уезд стали важнейшим фактором для местного

производителя. Так, в Тюменском уезде было сосредоточено множество различных промыслов, кустарных заведений, групп сельских ремесленников и т.д. Процесс превращения города в промышленно-ремесленный центр приходится на 1780–1790-е гг., когда наблюдалось переселение сельских ремесленников в город, а затем вступление в гильдии. По данным источников, с 1780–1820-е гг. тюменским купцам разных гильдий принадлежала 41 кожевен. Многие семьи владели несколькими кожевенными предприятиями и стали своеобразными «изобретателями» новых способов обработки сырья, организации как самого процесса производства, так и трудового коллектива.

Первые кожевенные предприятия у тюменских купцов Барашковых появились в 1786 и 1790 гг., после согласования с местной администрацией. По словам купца, из-за небольшого капитала он мог производить только 300 штук в год. Расширить производство удалось только сыновьям купца, Егору и Ивану Барашковым, которые совместно владели производством. На предприятии производили юфтевые кожи (красной юфти – 6 тысяч, белой – 2 тысячи), которые сбывались на Троицкой таможне, а также черная яловая и подошвенная кожи для воинских команд Тобольской губернии. Это обеспечивало как постоянный доход, так и высокий объем производства. Поэтому братья вели совместное дело, а в 1810 г. даже расширили производственные площади, закупив новое оборудование и увеличив численность наемных работников. Кожевенное заведение теперь располагало двумя отдельными деревянными корпусами размерами 13 на 4 и 10 на 4 сажени. Оборудованием служило 36 чанов вместимостью 10 шкур каждый, что позволяло одновременно обрабатывать до 360 шкур. В отличие от своих земляков, братья Барашковы сумели организовать малозатратное совместное производство. Важным новшеством для купцов была организация приобретения необходимых для производства компонентов, обмен собственной готовой продукции на заказанные ранее транзитным торговцам материалы, которые доставляли из других регионов. Часть компонентов производства привозилась родственниками или владельцами из торговых поездов. Из-за увеличения собственных семей братья юридически разделили отцовское наследство, хотя производство вели по-прежнему совместно. Теперь две кожевни купца расположились вдалеке от реки, но вблизи от жилых построек, что вызывало беспокойство властей. В наследственной кожевне купец установил новые чаны – 9 дубильных и 6 зольных, во второй кожевне, меньшей по размеру, разместилось только 7 дубильных и 3 зольных чана. Но это позволило одновременно обрабатываться 25 партий кож по 10 штук. Но такое размещение оборудования в разных местах показалось нерентабельным, поэтому в 1819 г. началась большая реорганизация.

На базе двух кожевен был создан единый производственный комплекс с разделением технологических операций. 24 чана было установлено в одном просторном корпусе, а освободившиеся площади второго помещения стали использовать для просушки и обработки кожи. Сушильный корпус отапливался 4 печами, для каждой заготавливалось на год по 10 сажень дров. Все производство позволило владельцу более тщательно осуществлять свои обязанности управляющего и главного мастера, а также организовать под собственным контролем производство готовых изделий без надомников. Второй из братьев – Егор Васильевич – со временем также стал владельцем двух кожевенных предприятий, одно из которых досталось по наследству. Проблема состояла в том, что производственные корпуса находились далеко друг от друга, а второе предприятие построил под видом людской на заднем дворе собственной купеческой усадьбы. В 1820-е гг. также без разрешения он расширил вторую кожевню, которая включала теперь три корпуса размерами 6,5 на 3,5 сажени, 12 на 4 сажени, 8 на 4 сажени. В каждом корпусе проводилась отдельная производственная операция. Всего в источниках упоминалось 6 кожевен, принадлежащих семье Барашковых, в том числе работавшая с 1783 по 1819 гг. кожевня П. Барашкова. Отметим, что Барашковы наладили совместный сбыт

произведенной продукции, а также поставку необходимого сырья и материалов для производства.

В целом, в Тюмени самыми крупными по производственным мощностям кожевенными предприятиями владели несколько купеческих семей: Проскураевы, Барашковы, Прасоловы, Пеньовские, Башарины и Колмогоровы. По своему типу это были типичные мелко-кустарные заведения с условным разделением труда, использованием труда надомников. Нередко в качестве руководителей или работников привлекались члены семей, что обеспечивало более дешевую рабочую силу. При этом часть предприятий постепенно меняла владельцев из-за передачи в качестве приданого или наследства, оплаты долга, сдачи в аренду, кули-продажи и т.д.

В течение указанного времени наблюдалось два процесса: сокращение числа кожевенных предприятий и увеличения среднегодового производства продукции. В 1810 г. в Тюмени среднегодовое производство продукции составляло 4 343 кожи, в 1819 г. – 6269. В то же время на 1825 г. среднегодовое производство сократилось до 2 970, что связано с ужесточением законодательства в отношении ежегодного товарооборота купца и объявленного капитала, а также с появлением товарного типа промышленного предприятия.

Большое влияние на размеры произведенной продукции оказывал спрос на всероссийском рынке. При этом для купеческих кожевенных предприятий также важны планы и возможности купцов, например, в 1809 г. самое маленькое количество произведенной продукции – 1200 штук, а самое большое – 9 тысяч штук; в 1819 г. соответственно 1500 и 13 тысяч; в 1825 г. – 800 и 8 тысяч штук. При этом надо учитывать расширение ассортимента произведенной продукции: в последней четверти XVIII в. – красная, белая и черная юфть и подошвенные кожи; в первой четверти XIX в. – красная, белая и черная юфть, чарошная, яловая, баранья, козья, подошвенная кожи.

Тюменские купцы внесли множество изменений в кожевенное производство, в его организацию продаж и т.д. Но множество изменений в кожевенном производстве связано в целом с купечеством Тобольской губернии. Так, после переезда в Ялуторовск купец Бронников с сыновьями занялся привычным делом – розничной торговлей, но достаточного дохода для увеличившегося семейства она не давала. Пришлось искать свой прием или путь, с этой целью была приобретена кожевня. Предприятие с учетом торговой деятельности семьи работало только 70 дней в году, но выпускало 1 тысячу изделий нескольких сортов для разных категорий потребителей. Первоначально владелец покупал сырые кожи в ближайшей округе, а потом стал отправлять сыновей за сырьем на Семипалатинскую ярмарку. После разделки живого скота помимо шкуры на местном рынке удавалось продать мясо, кости и другие отходы. Но сало практически не пользовалось спросом в уездном городке, поэтому купец неподалеку от кожевенного предприятия открыл салотопню. После завершения работ в кожевне рабочие переходили в салотопню, где в течение 112 дней вытапливали до 5 тысяч пудов продукции (200 бочек). Третьим пунктом в структуре деятельности купца Бронникова была организация сбыта собственной продукции в Тюмени: кожи продавались местным ремесленникам, а сало транзитным екатеринбургским купцам.

Таким образом, кожевенное производство привлекало купцов возможностью увеличения прибыли. Владельцы открывали параллельно с основным производством небольшие по объемам производимой продукции – салотопенные, свечные и мыловаренные предприятия, для которых сырьем было сало-сырец или отходы кожевен.

Но развитие этого производства проходило в два этапа: на первом – кожевенные предприятия были открыты в Тобольске; на втором – основное производство разместилось в Тюмени, затем в Омске, Ишиме и Ялуторовске [7, л. 37 об. – 40]. В этих городах на кожевенное производство оказывали сильное влияние семейно-родственные отношения.

Литература

1. ГБУТО (Государственный архив в г. Тобольске.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 255.
2. ГБУТО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 128.
3. ГБУТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1.
4. ГБУТО. Ф. 329. Оп. 1. Д. 31
5. ГБУТО. Ф. 329. Оп. 2. Д. 8.
6. ГБУТО. Ф. 329. Оп. 2. Д. 31.
7. ГБУТО. Ф. 329. Оп. 2. Д. 88.
8. ГБУТО. Ф. 329. Оп. 2. Д. 376.
9. ГБУТО. Ф. 329. Оп. 3. Д. 45.

УДК 94(47).084

Прищепина А. И.
Prishchepina A. I.

К ДИСКУССИИ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СССР

TOWARDS THE DEBATE UPON THE HISTORICAL NECESSITY OF COMPLETE COLLECTIVIZATION IN THE SOVIET UNION

В статье анализируются историографические оценки причин и форм осуществления «социалистических преобразований» в аграрном секторе России, вошедших в ее новейшую историю под названием «сплошная коллективизация». В ней ставится вопрос о реальности осуществления альтернативной модели реформирования советской деревни, сравниваются различные научные подходы к обоснованию необходимости высоких темпов и принудительных форм ее осуществления и, в частности, «политики раскулачивания», анализируются различные исследовательские оценки экономических, социальных и политических последствий сплошной коллективизации.

In the paper the historiographical assessments of the causes and forms of the implementation of the “socialist transformation” in the agricultural sector of Russia included in its contemporary history called “the collectivization” are analysed. The question of the feasibility of the alternative models of reforming the Soviet village is raised, various scientific approaches to a substantiation of the necessity of high rates and coercive forms of its implementation and, in particular, the “politics of dispossession of kulaks” are compared, various research evaluations of economic, social and political consequences of complete collectivization are examined.

Ключевые слова: раскулачивание, середняк, казачество, классовая борьба, репрессии, экономической эффективности, ссылка.

Keywords: dispossession of kulaks, middle peasants, the Cossacks, class struggle, repressions, economic efficiency, link.

Сплошная (или массовая) коллективизация деревни, механизм и последствия которой до сих пор не получили должного исторического осмысления, стала своеобразным завершением революционного процесса 1917 года.

В советской историографии монополю господствовала точка зрения, согласно которой осуществленная в СССР модель коллективизации, как объяснял И. Сталин и его последователи, была вызвана необходимостью индустриализации СССР и создания военно-промышленного комплекса, без чего первое в мире социалистическое государство оказалось бы «раздавлено враждебным окружением капиталистических государств», полагая при этом, что «пока в стране преобладает индивидуальное крестьянское хозяйство, рождающее капиталистов и капитализм, будет существовать опасность реставрации капитализма» [7, с. 1–9]. Во время своей поездки в Сибирь, продолжавшейся с 15 января по 6 февраля 1928 г., И. Сталин посетил основные хлебные районы края. Он принял участие в заседаниях бюро окружных комитетов ВКП(б) и совещаниях актива Барнаульской, Бийской, Рубцовской и Омской окружных партийных организаций совместно с представителями Советов и заготовительных органов, где так обосновывал переход партии к новой аграрной политике: «Я командирован к вам в Сибирь на короткий срок. Мне поручено помочь вам в деле выполнения плана хлебозаготовок <...>. Что вы думаете, какие меры собираетесь предпринимать, чтобы выполнить свой долг перед страной? <...> Разве это не факт, что урожай у вас в этом году действительно небывалый? <...> Посмотрите на кулацкие хозяйства, там амбары и сараи полны хлеба, хлеб лежит под

навесами ввиду недостатка мест хранения <...>. Поставить нашу индустрию в зависимость от кулацких капризов мы не можем. Поэтому нужно добиться того, чтобы в течение ближайших трех-четырех лет колхозы и совхозы, как сдатчики хлеба, могли бы дать государству хотя бы третью часть потребного хлеба <...>. Для этого надо перейти от социализации промышленности к социализации сельского хозяйства» [7, с. 1–9]. Эта убедительная аргументация, по сути оправдывающая беспрецедентное в истории ограбление и уничтожение крестьянства, решение о котором Сталин назвал «революцией сверху», в той или иной мере находит отражение и в современной учебной литературе. Авторы подобных пособий отмечают, что «обеспечение индустриализации дешевой рабочей силой за счет массового ухода крестьян из деревни, перекачка средств из аграрного сектора экономики в промышленный для осуществления индустриализации, преодоление зависимости государства от единоличных крестьянских хозяйств для обеспечения хлебозаготовок» и т.д. являются причинами коллективизации [4, с. 500].

Современное благополучное развитие аграрного сектора в России актуализирует вопрос об исторической необходимости сплошной коллективизации в СССР. Вопреки ее традиционному объяснению все более уверенно утверждается иная точка зрения. В свое время выдающийся русский философ И. А. Ильин указывал на несомненную причинно-следственную связь между социальными катаклизмами 1917–1922 гг. и 1929–1933 гг. С точки зрения ученого, «революционные партии позвали крестьянство к «черному переделу», осуществление которого было сущим безумием, ибо только «тело земли» переходило к захватчикам, а «право на землю» становилось спорным, шатким, непрочным». «Историческая эволюция давала крестьянам землю, право на нее, мирный порядок, культуру хозяйства и духа, свободу и богатство; революция лишала всего <...>. Коммунисты ограбили и пролетаризировали крестьян и ввели государственное крепостное право» [8].

Разделяя эту глубокую оценку аграрной «революции сверху», ряд историков опровергают закливания советского правительства о грядущей мировой войне в конце 1920-х гг. как миф, предназначенный для сокрытия подлинных целей коллективизации, и утверждают, что «никакой реальной опасности извне Советскому Союзу не было вплоть до 1941 года. Ни одно государство Европы или Азии не только не собиралось, но и не могло позволить себе по причине ограниченности ресурсов открыть военные действия против СССР» [8].

На самом деле высшая номенклатура ВКПб преследовала следующие цели. Во-первых, поскольку независимо от занятой во время Гражданской войны позиции крестьянство оставалось носителем определенной системы ценностей, представленных экономической самостоятельностью, традиционным укладом быта, прочностью и самодостаточностью семейных отношений, стремлением к накоплению и личному достатку, верой в бога и совестливостью, вытекающей из религиозного сознания, этот последний потенциальный источник опасности для однопартийного режима должен был быть уничтоженным [8]. Во вторых, ускоренное построение «социализма» в деревне, формально обусловленное «благородной» целью спасения СССР от «внешней агрессии» представляло уникальный повод Сталину в борьбе за превращение Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) в единственный носитель государственной власти в СССР безжалостно ликвидировать ростки любой оппозиции, политически и физически уничтожить всех несогласных с его методами строительства социализма и добиться полного единовластия внутри ВКПб, заложив основу для создания режима личной власти [8].

В-третьих, ограбление крестьянства и перевод населения страны на положение промышленных и сельскохозяйственных рабов создавали искомые ресурсы для производства невиданных еще в мире объемов вооружений. Постоянное наращивание выпуска военной продукции должно было обеспечить партии несомненное превосходство

над потенциальным противником и привести после мировой революции к советизации Европы. Очарованные перспективами молниеносного построения социализма в одной отдельно взятой стране, делегаты XVI партийной конференции без всякого сопротивления приняли план первой пятилетки, фактически подписав тем самым смертный приговор российскому крестьянству [8].

Безоговорочно разделяя эту точку зрения, часть историков и публицистов, на что обратили внимание А. В. Дервянко и Н. А. Шабельникова, категорически отрицают правомерность коллективизации, утверждая, что она свернула крестьянство с естественного исторического пути, продвигаясь которым по векам, проложенным П. А. Столыпиным, Россия сформировала бы мощный сельскохозяйственный фермерский сектор [3, с. 324].

В противовес этому другие исследователи считают, что столыпинский путь фермерского сельского хозяйства России был слишком тяжелым и длительным, так как сопровождался разрушением общины, разорением большинства крестьян. Они утверждают, что само российское крестьянство в силу исторической традиции, экономической слабости, натурального производства, плохой вооруженности сельскохозяйственным инвентарем и скотом вряд ли могло в обозримом будущем модернизировать производство, и потому коллективизация была объективно необходима для большинства бедноты и середняков. При этом, однако, ее не следовало проводить столь быстрыми темпами, включая в колхозы все сельское население и применяя насилие. Они согласны с тем, что «фактически происходил процесс "вторичного закрепощения крестьян"» [3, с. 324].

Исторический опыт свидетельствует, что сами колхозы, утратив большинство свойств сельскохозяйственной артели, превратились в своеобразные государственные предприятия, подчиненные местным органам власти и партии. Вероятный путь развития деревни – добровольное создание самими крестьянами различных форм организации производства, свободных от государственного контроля, строящих свои отношения с государством на основе равноправия, при поддержке государства, с учетом рыночной конъюнктуры, был блокирован.

Каков же был реальный экономический эффект от этого глобального социального эксперимента? Большинство историков считает, что коллективизация имела тяжелые последствия для страны. «Сократилась урожайность, поголовье скота, потребление продовольствия на душу населения», – пишет В. В. Кириллов [4, с. 503]. И. Н. Кузнецов солидарен с ним и так же уверенно заявляет, что «если взять в качестве главного критерия увеличение выхода сельскохозяйственной продукции, то сплошную коллективизацию, проведенную в те сроки и теми методами, как это было сделано в 1930-е гг., надо признать экономической и социальной катастрофой. Коллективизация не привела к существенному увеличению общих объемов производства, а в расчете на душу населения произошло прямое его снижение» [5, с. 355–357]. Однако этот автор предупреждает, что подъем сельскохозяйственного производства, взятый сам по себе, не был в то время показателем успеха или неуспеха аграрных преобразований. Преобразования завершили создание в стране единой системы социалистических общественных отношений. В глазах большинства современников, в том числе и в глазах значительного числа сельского населения, они выступали как основа нового мира, новой организации хозяйственной, социальной, культурной жизни, не знающей эксплуатации и неравенства.

К тому же колхозное переустройство позволило решить ряд кардинальных проблем экономического развития. Коллективизация гарантировала мгновенное по масштабам исторического времени создание минимально достаточных условий индустриализации в той мере, в какой они зависят от переустройства деревни. В этом смысле она достигла успеха. На протяжении одного-двух десятилетий доля занятых в сельском хозяйстве сократилась более чем в полтора раза: с 80% всего работающего населения в 1926 г. до

56% в 1937 г., 54% – в 1940 г. и 48% – в 1950 г. В течение 1930-х гг. из сельского хозяйства высвободилось примерно 15–20 млн. чел. Они составили основную массу новых работников промышленности, костяк того пополнения, которое позволило за 12 лет увеличить численность рабочего класса с 9 до 24 млн. чел. Без новых рабочих, пришедших из деревни, индустриализация была бы так же неосуществима, как и без новых машин, станков, механизмов [5, с. 357].

Литература

1. Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2007. М. : Аспект Пресс, 2010. 846 с.
2. Григорьев А. Д. Индустриализация России в XIX веке и СССР в XX веке: преемственность и различия // Культура. Наука. Образование. Проблемы и перспективы : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск, 12-13 февраля 2015 года. Ч. 1. Нижневартовск, 2015. С. 234–235.
3. Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. История России : учебное пособие. М. : ТК Велби, Прогресс, 2006. 560 с.
4. Кириллов В. В. История России : учебное пособие. М. : Юрайт издат, 2006. 661 с.
5. Кузнецов И. Н. Отечественная история: учебник. М. : Дашков и К, 2012. 816 с.
6. Речь товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. URL: <https://www.oldgazette.ru/lib/stalin2/02.html> (дата обращения: 21.03. 2017)
7. Сталин И. В. О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства: Из выступлений в различных районах страны в январе 1928 года (Краткая запись) // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М. : ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. С.1–9.
8. Уничтожение крестьянства в 1930 г. Русская трагедия 20 века. URL: historicaldis.ru/blog/43095940131o-kollfctvizatsii (дата обращения: 21.03.2017).

УДК 371.2(091)(571.122)

Кирилюк Д. В.
Kirilyuk D. V.

**ПРОБЛЕМА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАНИЯ В ШКОЛАХ ЮГРЫ
В КОНЦЕ 1950-х – СЕРЕДИНЕ 1980-х гг.¹**

**THE PROBLEM OF SCHOOLTEACHING IMPROVEMENT IN UGRA
IN THE LATE 1950S AND IN THE MIDDLE 1980S**

Данная статья посвящена проблеме повышения качества школьного образования в Ханты-Мансийском округе. Анализируются вопросы организации учебно-методической работы в местных школах, повышения педагогического мастерства югорских учителей. При помощи историко-сравнительного метода выявляются противоречивые результаты данной работы в регионе в конце 1950-х – первой половине 1980-х гг.

The paper is devoted to the problem of schoolteaching quality improvement in Khanty-Mansi Autonomous Okrug. The issues of educational and methodical work arrangement in local schools, the teachers' pedagogical skills improvement are analysed in the research. By means of comparative-historical method the contradictory results of the work in the region in the end of 1950 – the first half of 1980 are revealed.

Ключевые слова: школа, уровень квалификации, повышение качества преподавания, учебно-методическая работа, педагогическое мастерство.

Keywords: school, educational degree, teaching quality improvement, educational and methodical work, pedagogical skill.

В конце 1950-х гг. советская общеобразовательная школа оказалась перед лицом новых задач, поставленных государством. Их главная направленность, в соответствии с реформой 1958 г., заключалась в «укреплении связи школы с жизнью», что означало повышенное внимание к вопросам трудового обучения учащихся. Наряду с этим школы были вынуждены решать свои «традиционные» проблемы, связанные с необходимостью повышения качества преподавания учителей и повышения знаний учащихся. Достичь поставленных целей было невозможно без качественной организации учебно-методической работы в школах. Важно отметить, что система образования в Советском Союзе к началу рассматриваемого периода развивалась довольно неравномерно. Школы Югры существовали в условиях отсутствия надежных средств сообщения с крупными центрами образования и культуры страны, медленного пополнения их квалифицированными кадрами.

Поэтому повседневная учебно-методическая работа школ играла важную роль в повышении качества образовательного процесса в учреждениях общего образования края. Именно она была главным накопителем педагогического мастерства и опыта, а также способствовала распространению этих знаний и умений среди местных учителей. Тем самым должна была сохраняться необходимая преемственность поколений преподавателей, создаваться благоприятные предпосылки для улучшения работы общеобразовательных учреждений. Но всегда ли было так в Югре в реальности?

В первой половине 1960-х гг. на территории Ханты-Мансийского округа проводилась уже достаточно большая работа по внедрению передового опыта школ и учителей страны. В 1964/65 уч. г. во всех районах Среднего Приобья были созданы и

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-11-86008), тип проекта: «а(р)».

работали так называемые опорные школы. Всего к концу года было создано 19 подобных учреждений, через них проводилась большая методическая работа, и распространялся опыт передовиков. К примеру, каждая школа города Ханты-Мансийска провела по одной научно-практической конференции. Их тематика носила по большей части прикладной характер: «Обучение и воспитание в единый процесс», «Использование технических средств в обучении и воспитании детей», «Политическое воспитание школьников», «Опыт работы школы по воспитанию коммунистической убежденности учащихся», «Опыт работы школ по эстетическому воспитанию учащихся» и т.д. [3, л. 82]. Согласно данным окружкома КПСС, опорные школы оправдали себя и в районах Обского Севера.

Кроме того, в целях повышения педагогического мастерства окружных учителей проводился комплекс масштабных и точечных мероприятий. К примеру, в Кондинском районе было создано 12 кустовых методических объединений, совещания в которых проводились 3–4 раза в год. Регулярно проводились педагогические чтения по наследию Н. К. Крупской и А. С. Макаренко [1, л. 44]. Вышеуказанные меры во многом способствовали тому, что некоторые учителя региона проводили свои занятия на очень высоком теоретическом и методологическом уровне. В Сургутском районе, например, такими были уроки С. А. Хохряковой, Ю. М. Балалаевой и других – настоящих мастеров педагогического труда в национальных школах округа во второй половине 1960-х гг. В их методике преподавания большое внимание уделялось самостоятельной работе учащихся, различным творческим заданиям [4, л. 37].

Однако применительно к региону следует заметить, что учебно-методическая работа в местных школах в течение 1960-х гг. находилась все же не на высоком уровне. Например, в Ларьякском (Нижневартовском) районе в 1960 г. учителя отмечали, что проводимые формы методической работы не побуждали педагогов к творческому подходу к делу обучения и воспитания, кустовые методические объединения своей работой не развернули. Районный методкабинет, возглавляемый Е. И. Долгушиным, не имея ни помещения, ни кадров, совершенно устранился от накопления и систематизации опыта школ и учителей. Районный отдел почти не вникал в работу школ и оказывал мало практической помощи в организации перестройки учебного процесса [15, л. 3].

Во многом сходной в 1960-е гг. была и ситуация с качеством организации учебно-методической работы в национальных школах ХМАО. В ряде школ отсутствовало взаимопосещение уроков учителями, а в некоторых из них, таких как Юганская восьмилетняя школа, не было ни методического уголка, ни функционировавшей методической секции, ни плана методической работы, ни взаимопосещений уроков, ни планов повышения деловой квалификации учителя [17, л. 34; 18, л. 75; 19, л. 170]. Исключение составляли некоторые общеобразовательные учреждения и те школы, которые являлись центрами кустовых методических объединений, к работе которых привлекались все учителя школ куста. В Сургутском районе в 1960-е гг. ими были, например, Тундринская восьмилетняя школа и Угутская школа-интернат, в которых активно работали методические секции, обсуждавшие теоретические доклады и открытые уроки [16, л. 82; 19, л. 83].

Еще одним свидетельством невысокого уровня постановки учебно-методической работы в школах Ханты-Мансийского округа был слабый в ряде общеобразовательных учреждений контроль руководителей и завучей за работой учителей. В указанное время директора многих восьмилетних школ редко посещали уроки своих преподавателей, анализ же посещенных занятий ограничивался небольшими замечаниями, а оценка теоретического уровня проведенных уроков, глубины изложения материала, уровня знаний, умений и навыков учащихся часто и вовсе не давалась [8, л. 9].

Объяснение сложившемуся положению дел нужно искать в отсутствии достаточного числа квалифицированных педагогических кадров, а также богатых педагогических традиций в регионе. В 1950-е гг. педагогические коллективы школ Югры

пополнялись довольно медленно, их основу составляли выпускники Ханты-Мансийского педагогического училища. Несмотря на то, что они позволили школам края повысить уровень профессионализма в решении основных задач учебно-воспитательного процесса, знаний данных специалистов все же было недостаточно, в том числе и для совершенствования учебно-методической работы в общеобразовательных учреждениях округа. Не случайно в начале 1960-х гг. в малокомплектных школах Югры проверки со стороны окружного отдела народного образования выявляли учителей, не способных планировать самостоятельную работу учащихся на уроке, работать одновременно с несколькими классами [11, л. 36].

Во второй половине 1960-х гг. расширились рамки обмена передовым опытом, в целях повышения качества учебно-методической работы учителей региона областным отделом народного образования практиковался выезд учителей в школы других областей. К примеру, в 1966 г. учителя Тюменской области опирались на опыт работы московских, ленинградских, ростовских, липецких, казанских и других передовых учительских коллективов страны: в мартовские каникулы группа учителей области выезжала для изучения передового опыта в названные города [6, л. 218].

Однако в целом и в это время учебно-методическая работа во многих школах Ханты-Мансийского округа по-прежнему нередко находилась в неудовлетворительном состоянии. Особенное беспокойство окружных властей вызывала ситуация с распространением опыта лучших учителей. По мнению обкома ВЛКСМ, местные предметные секции и кустовые методические объединения не способствовали росту педагогического мастерства молодых учителей, секции классных руководителей в большинстве школ действовали нерегулярно и некачественно [8, л. 9].

Следствием подобной работы методобъединений была низкая методическая грамотность педагогов отдельных дисциплин общих и национальных школ. Так, учительница русского языка Высокомысовской восьмилетней школы излагала материал непоследовательно и путано, а у учителя 1–4-х классов той же школы совершенно не выдерживались этапы урока, в результате чего терялось много времени. Подобные факты были характерны и для других общеобразовательных учреждений округа [4, л. 38].

Некоторые отделы народного образования Югры, как указывают документы, слабо реагировали на данную ситуацию. Например, Нижневартовский район, по мнению партийного комитета района, практически не занимался внедрением в практику работы школы передового опыта и достижений педагогической науки, методический кабинет самоустранился от изучения и обобщения опыта лучших учителей. Не случайно, в Нижневартовском районе не были изжиты случаи и откровенного непрофессионализма среди отдельных педагогических коллективов. К примеру, в 1968/69 уч. г. в Мегионской средней школе партийные органы отмечали отсутствие атмосферы дружбы, уважения, творческой направленности в работе школьного педколлектива. Часто учителя разговаривали между собой в повышенном тоне, иногда переходя на крик и даже на взаимные оскорбления. На замечания со стороны коллег учителя реагировали неправильно и болезненно, в результате в ходе проведения уроков в школе нередко были случаи грубости учителей с учащимися [2, л. 44].

В 1970-е гг. в связи с ростом профессиональной квалификации штатов учителей окружных школ заметно активизировалась работа методических объединений при общеобразовательных учреждениях. К примеру, в Нижневартовском районе это направление деятельности было поставлено на высоком уровне: большинство учителей выступало с лекциями, докладами, сообщениями на методических совещаниях. Темы подобных выступлений имели большое значение для повышения качества учебно-воспитательного процесса: «Современный кабинет иностранного языка», «Самостоятельные работы на уроках математики», «Роль воспитательной работы в деле сохранения контингента учащихся» и т.д.

В рамках работы методических объединений проводились открытые уроки, внеклассные мероприятия, выписывалась новейшая методическая литература. Опыт работы лучших учителей передавался в окружной и областной институты усовершенствования учителей, через которые распространялся в других школах Тюменского региона [9, л. 3]. В целях повышения педагогического мастерства и обмена опытом учителей также были изданы методический бюллетень, брошюры «НОТ в школу», сборник «Ленинские идеи в теории и практике народного образования» [7, л. 58].

Хорошо работали также методические кабинеты Кондинского района – районное методическое объединение преподавателей обслуживающего труда, межшкольные методические объединения Леушинского куста. При методических кабинетах постоянно действовали семинары руководителей школ и методических объединений, классных руководителей [13, л. 32]. Вследствие этого качество знаний учащихся района по большинству предметов, особенно гуманитарного цикла, окружным отделом народного образования во втором периоде отмечалось как высокое [13, л. 34].

В указанные годы в школах Среднего Приобья последовательно совершенствовалась и методика преподавания предметов. Для педагогического воздействия учителя на учащихся постепенно начали использоваться различные звукотехнические средства. Преподаватели региона стали широко применять передовые методы обучения: метод дифференцированного, проблемного обучения, разнообразные виды работ, направленные на развитие логического мышления учащихся и т.д. [5, л. 8].

Большое значение в передаче педагогического мастерства в школах ХМАО в рассматриваемый период имело наставничество опытных учителей над молодыми. Постепенно эта форма работы приобрела широкое распространение в окружной школе. Наставники посещали и анализировали уроки молодых преподавателей, оказывали помощь в планировании их работы, участвовали в подготовке уроков и мероприятий, подборе методической литературы. Положительные примеры наставничества отмечались в Октябрьском районе, Сургуте и Нижневартовске [10, л. 21]. Они обобщались обкомом ВЛКСМ и распространялись в школах области. За свой труд наставники на общих учительских собраниях городов и районов награждались почетными грамотами [9, л. 22].

Вместе с тем в указанное время в Ханты-Мансийском округе качество проводимых занятий далеко не всегда соответствовало требованиям окружного школьного руководства. Особенно это касалось школ удаленных территорий края. К примеру, в 1980 г. по школам Кондинского района на невысоком методическом уровне прошли 68% всех посещенных уроков. 30% из них вообще не достигли задач, поставленных учителями [13, л. 35]. Общим недостатком в работе местных учителей по-прежнему было слабое использование и применение технических средств обучения, наглядности, дидактического материала, текстов художественных произведений, первоисточников классиков марксизма-ленинизма. Отсутствовало использование таких форм и методов, как дифференциация обучения и воспитания, проблемность, программирование, НОТ ученика и самообразование, кабинетная система обучения, опережающее изучение нового материала со слабыми учащимися и другие [13, л. 10, 18–19].

Наиболее тревожным был тот факт, что не были решены в полной мере вопросы, связанные с качеством преподавания основных школьных предметов, например русского языка. Так, в 1980 г. в результате проверки учреждений народного образования Березовского района были вскрыты серьезные недостатки в преподавании русского языка, наблюдались случаи завышения оценок при аттестации знаний учащихся во время проверки учителями контрольных работ. В школе в целом было плохо налажено планирование учебно-воспитательной работы. Вследствие этого, по мнению инспекторов окроно, резко снизилось качество знаний учащихся в школе [12, л. 88]. Неслучайно резкой критике одновременно была подвергнута работа местного методкабинета, который не имел твердого графика работы, слабо контролировал деятельность методобъединений

школ, не изучал и не распространял передовой педагогический опыт [13, л. 46, 48]. Невысокий уровень преподавания отмечался также в это время и в школах Нижневартовского района [13, л. 239].

Кроме того, по-прежнему не были ликвидированы низкие результаты учащихся по трудовому обучению и физкультуре. Наиболее важной причиной этого было отсутствие высококвалифицированных учительских кадров по данным дисциплинам и слабая методическая работа соответствующих предметных секций. Естественным следствием были сообщения окружного отдела народного образования о том, что уроки названных предметов в конце 1970-х – начале 1980-х гг. проходили недостаточно качественно [13, л. 34].

Причины этому вновь были связаны с уровнем квалификации педагогов Ханты-Мансийского автономного округа. Несмотря на значительное увеличение в регионе мастеров педагогического труда, их распределение по школам Югры происходило неравномерно. Большинство учителей высокой квалификации устраивались на работу в крупные городские школы, тогда как в школах небольших населенных пунктов и сел уровень образования преподавателей был ниже. Например, в Половинкинской средней школе Кондинского района в начале 1980-х гг., несмотря на то, что 86,6% учителей 4–10 классов имели высшее образование, это было на 10% ниже, чем в среднем по округу [13, л. 9].

Однако дело заключалось, конечно же, не только в уровне образования. Совокупность фактических сведений позволяет нам также утверждать, что в конце рассматриваемого периода в школах региона, помимо творческих и талантливых педагогов, преданных своему делу, работало много учителей, формально относившихся к своим должностным обязанностям. Поэтому ни получение ими диплома об образовании, ни методические совещания, курсы и семинары не способствовали их глубокому профессиональному росту. Например, в 1983 г., в результате проверки Угутской средней национальной школы Сургутского района было выявлено, что учителя слабо готовятся к урокам, не пользуются методическими пособиями, слабо используют на уроках ТСО и наглядность. Из 34 посещенных инспекторами уроков 19,5% были отмечены как уроки «III категории» [14, л. 6], то есть на слабом методическом уровне. И это притом, что данная школа в начале рассматриваемого периода была центром кустового методического объединения.

В целом, в Сургутском районе 41% проверенных уроков были проведены с заметными отклонениями от нормы. Еще 1% занятий оказались и вовсе провальными [14, л. 37]. При этом работа методкабинета в Сургутском районе по внедрению идей оптимизации в учебно-воспитательный процесс в это же время была признана удовлетворительной [14, л. 37], то есть даже высокие результаты учебно-методической работы школ Югры не гарантировали повышение качества преподавания учителей края.

Подводя итог вышесказанному, нужно отметить, что в конце 1950-х – первой половине 1980-х гг. в школах Югры заметно повысилось качество учебно-методической работы. Во многом это был объективный процесс, связанный с общим ростом квалификации учителей региона. Если в начале рассматриваемого периода большинство учителей Ханты-Мансийского округа имели образование на уровне педагогического училища, то к середине 1980-х гг. в графе «образование» у них числилось «пединститут» и «университет». Это позволило ускорить процесс накопления и распространения в Ханты-Мансийском округе передового педагогического опыта.

Вместе с тем в регионе к концу рассматриваемого периода не была решена проблема невысокого качества проводимых занятий. Во многих школах края около двух третей проводимых уроков не соответствовали требованиям окружного школьного руководства, что свидетельствовало о сохранении в округе немалого числа учителей с недостаточно высокой квалификацией либо недостаточно преданных своей профессии. Кроме того, в середине 1980-х гг. в крае стала ощущаться нехватка собственных высших учебных заведений, которые могли бы стать объединяющими центрами повышения квалификации преподавателей и снизить зависимость Югры от приезда учителей из других регионов страны.

Литература

1. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 93. Оп. 56. Д. 49.
2. ГАСПИТО. Ф. 96. Оп. 37. Д. 10.
3. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2134.
4. ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 20. Д. 72.
5. ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 23. Д. 26.
6. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 182. Д. 3.
7. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 195. Д. 124.
8. ГАСПИТО. Ф. 1444. Оп. 32. Д. 76.
9. ГАСПИТО. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 628.
10. ГАСПИТО. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 796.
11. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 410.
12. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 660.
13. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 662.
14. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 723.
15. Архивный отдел Администрации г. Нижневартовска – Нижневартовский городской архив (НГА). Ф. 29. Оп. 1. Д. 51.
16. Архивный отдел Администрации г. Сургута – Сургутский городской архив (СГА). Ф. 12. Оп. 1. Д. 132.
17. СГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 169.
18. СГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 175.
19. СГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 182.

УДК 94(571.1)

*Кузнецова А. А.**Kuznetsova A. A.*

**МУЗЫКАЛЬНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО
КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В СЕР. 1960 – СЕР. 1980-х гг.**

**MUSICAL AND ARTISTIC CREATIVITY AS A FORM OF DISSENT
IN WESTERN SIBERIA IN THE MIDDLE 1960s – MIDDLE 1980s**

В статье рассматривается музыкальное и художественное творчество диссидентов Западной Сибири как форма проявления инакомыслия. Особое внимание уделено таким городам как Новосибирск, Томск и Омск. В статье сделан вывод об усиливавшихся противоречиях в духовной сфере советского общества, ощутимом разрыве между официальной идеологией и потребностями общества в культурной сфере.

In the paper the musical and artistic creativity of dissidents in Western Siberia as a form of dissent are considered. Special attention is paid to such cities as Novosibirsk, Tomsk and Omsk. It is concluded in the paper about the increasing contradictions in the cultural sphere of the Soviet society having a significant gap between official ideology and the needs of society in the cultural sphere.

Ключевые слова: инакомыслие, диссиденты, Западная Сибирь, бардовский фестиваль, бульдозерная выставка.

Keywords: dissent, dissidents, Western Siberia, the bard festival, the bulldozer exhibition.

Политика «оттепели» была воспринята творческой интеллигенцией как период начала демократизации и свободы, а в правящих кругах некоторое время даже планировалась отмена идеологической цензуры. Однако с приходом к власти в 1964 г. Л. И. Брежнева политика демократизации начала сворачиваться. Необходимость соответствия идеологии социалистического государства породила жесткий контроль культурной жизни своих граждан со стороны государства. Конституцией СССР 1977 г. закреплялись многочисленные права, в том числе право на пользование достижениями культуры, на свободу творчества [8]. Однако реализация этих прав, так же как и свободы слова, печати, собраний, упиралась во множество действовавших законов и нормативных актов и оставалась неосуществимой.

Однако власти вынуждены были учитывать и изменившиеся внешние условия. Огромное значение имели место ратифицированные Советским Союзом важные международные документы, повлиявшие на сферу культуры. Так, в 1948 г. СССР была подписана Всеобщая декларация прав человека, в которой признавалось право каждого человека «свободно участвовать в культурной жизни общества» [2]. В 1973 г. СССР ратифицировал Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, обозначив стремление Советского Союза к международным нормам культурной политики [10, с. 218]. Достигший к середине 1970-х гг. процесс разрядки международной напряженности был неразрывно связан с вопросом о «правах человека». В ходе переговоров советской стороне постоянно предъявлялись претензии по поводу соблюдения правовых гарантий перед своими гражданами. Бывший министр иностранных дел СССР А. А. Громыко отмечал, что США с первых встреч заявили о намерении строить отношения на основе так называемой «увязки» – установления взаимосвязи между торгово-экономическими, военными договорами и выполнением Советским Союзом обязательств по «правам человека» [6, с. 317–318]. Такая практика получает правовое

оформление в «Заключительном акте» Общевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, прошедшего летом 1975 г. в Хельсинки [7]. Подписанные советским руководством соглашения явились основанием для возникновения правозащитных групп, занимавшихся «контролем» по их соблюдению. В этот период наиболее заметной становится деятельность Московской Хельсинской группы и ее специализированных структур [1].

Таким образом, внешняя и внутренняя, в т. ч. культурная, политика партии и советского государства хоть и была в рамках жесткой регламентации идеологических диктатов, но одновременно отражала и реальность нового времени, а также международные принципы. Властям необходимо было думать о «политическом авторитете». Советское художественное искусство становится востребованным за рубежом: расширяются рамки культурного обмена, получают признание в СССР зарубежные произведения литературы, искусства, увеличиваются масштабы гастролей как отечественных, так и иностранных исполнителей и коллективов. В этих условиях существование искусства в узких рамках социалистического реализма было весьма проблематично.

Благодаря тенденциям интеграции с мировыми культурными процессами в сер. 1960 – сер. 1980-х гг. ярко проявились новые направления и формы творчества в изобразительном искусстве

Так, появлялись независимые художники, пытавшиеся отстоять свою точку зрения, найти свой стиль в искусстве, чем все более отходили от социалистического реализма, господствовавшего во всех сферах искусства. Конечно, путь на официальные выставки таким художникам был закрыт, поэтому они искали разные способы показа своего творчества, организовывая выставки на квартирах творческой интеллигенции, в небольших клубах, фойе вузов и т. д.

Художники «нонконформисты» были весьма далеки от политических требований, однако реализация права на свободу творчества воспринималось властью как политическое заявление: картины, выполненные в несоциалистическом ключе, относились к «вылазкам антисоветских, враждебных элементов» [10, с. 220].

В рассматриваемый период в Доме художников Омска, наряду с его хозяевами, встречались журналисты, литераторы, актеры, архитекторы. Здесь бывали талантливые журналисты и писатели А. Пахомов, В. Попов, М. Петров, П. Белозеров, поэт-бард В. Озолин.

В 1960-е гг. осуждению и разному партийных и прочих «стражей» подверглись картины омских художников Н. М. Брюханова, Н. Я. Третьякова, Г. А. Штабнова, С. К. Белова. Их обвинили в том, что они искажают образы советских людей [12]. Примерно в это же время омские власти подвергли критике повесть «Горжественная весна» начинающего сатирика Л. В. Шевчука за ее «идейную порочность». Бюро обкома КПСС приняло постановление, в котором издательство обвинялось в серьезной ошибке за публикацию повести, и 15-ти тысячный тираж книги был уничтожен [9].

Для изобразительного искусства Омска еще в 1963 г. случился «местный» манежный разнос современной живописи. За ним последовали оргвыводы. Их очень ждала та часть художественной интеллигенции Омска, которая по идеологическим и эстетическим мотивам не была близка исканиям молодых творцов. Форма произведений молодых для консерваторов была просто неприемлемой, и они были вполне удовлетворены реакцией властей, которые считали, что человек – это деталь в социально-политическом механизме, он должен обеспечивать дееспособность этого механизма. Здесь было важно идеологическое обеспечение и лучшая его форма – единомыслие. В области советского искусства эту функцию великолепно исполнял метод соцреализма. Но самобытные молодые омские художники считали, что человек – это уникальное существо, которое в силу своей природы обязано выбираться из «стада». Человек должен «понять

себя из себя самого», что особенно становится актуальным в переломные времена, эпохи ломки и кризиса. Для человека вредно единомыслие, его стихия – разномыслие, но себе дороже выходило индивидуальное мышление [15, с. 128].

Эти сложности в реализации творческого потенциала молодых художников заставляли их искать все новые и новые возможности. Приходилось выставлять за рубежом свои работы, которые были вывезены из страны в обход установленных порядков. Представление своих картин художниками на суд иностранных зрителей оценивалось властями однозначно: как использование буржуазной пропагандой творчества молодых художников в антисоветских целях. Таким образом, любое занятие нонконформистской живописью приравнялось к антисоветской деятельности. В результате в августе 1969 г. власти вводят обязательную цензуру на проведение художественных выставок в Москве [10, с. 222].

В ответ на всевозможные препятствия, чинимые властями, художники решались на отчаянные поступки. Так, 15 сентября 1974 г. состоялась т. н. «бульдозерная выставка», получившая скандальную известность. Большинство участников выставки после случившегося вынуждены были эмигрировать. Но одновременно разнос выставки стал прекрасной рекламой картин молодых дарований. Властям пришлось смягчить свое отношение к неформальному искусству в результате резонанса, который получила выставка в стране и за рубежом. В 1970-е гг. в Ленинграде и Москве успешно прошли многие выставки неформальной живописи.

Также в рассматриваемый период интенсивно развивается музыкальное творчество. В популярных жанрах появляются новые направления, такие как авторская песня, которая в определенной степени была выражением инакомыслия в некоторых общественных кругах. Другими популярными направлениями в музыке становятся рок-музыка, объединявшая в большей степени молодежь, а также джаз, который получил распространение в стране еще в 1940-е гг. Эти музыкальные течения воспринимались властями как «ломка гармонии, анархия в музыке». Один из лекторов отдела пропаганды и агитации г. Томска Я. А. Домбровский в своих лекциях об особенностях идеологической борьбы так характеризовал эту музыку: «Пошлость, развязность, конвульсии и истошный вой перед микрофонами, и другие особенности исполнения музыкальных вещей в "американской манере" не могут способствовать формированию в человеке возвышенных чувств» [14, л. 21-22].

Несмотря на то, что власти осознавали, что запретами не остановить эти новые музыкальные веяния, данный метод не раз применялся на практике. Для примера можно указать проведение лекции-концерта о джазовой музыке группы исполнителей г. Томска с приглашением джазового оркестра из г. Кемерово во Дворце культуры. Для проверки этого факта горкомом КПСС была создана комиссия. Программа концерта состояла в основном из произведений американских и английских исполнителей. Вечер был отменен в связи с вмешательством партийных, профсоюзных и комсомольских работников. Было также установлено, что ранее состоялась встреча этих исполнителей джазовой музыки в Доме ученых по инициативе клуба молодых ученых. Заместитель директора Дома ученых О. П. Боярская дала разрешение на проведение этого мероприятия, не уточнив программу вечера и состав исполнителей. Выступление вынуждены были прекратить из-за «недостойного поведения отдельных участниц, вызванного низкопробным исполнением джазовой музыки». Обвинялись в произошедшем «организаторы, проявившие политическую незрелость, беспринципность. Эти товарищи не заметили, что под видом "джазового клуба" им была навязана попытка создания ночного клуба, вредного для эстетического воспитания молодежи» [13, л. 307-308].

В 1960–1970-е гг. в стране широко распространяется движение бардов, иногда объединявшихся в клубы самодетельной песни. Сюда входили профессиональные поэты, артисты, композиторы (Б. Окуджава, Ю. Ким, Ю. Визбор, В. Высоцкий) и самодетельные

авторы. Клубы самодеятельной песни существовали чаще всего самостоятельно от властей, зачастую фестивали и слеты проходили в обход официальных органов, без их разрешения.

Одним из наиболее громких событий второй половины 1960-х гг., которое вышло за пределы Академгородка и имело серьезные последствия для его участников, стал бардовский фестиваль.

Организаторами фестиваля бардов выступили кафе-клуб «Под интегралом», имевший большую известность, и Совет творческой молодежи при Советском РК ВЛКСМ Новосибирска. Президентом и идейным вдохновителем клуба «Под интегралом» был доцент, сотрудник физического факультета НГУ – А. И. Бурштейн. Созданный 1 декабря 1963 г. клуб сразу же сконцентрировал неконформистские литературно-художественные мероприятия.

Решение об организации бардовского фестиваля было принято в мае 1967 г. на I Всесоюзной конференции по проблемам самодеятельного песенного творчества. В связи с возникавшими организационными сложностями, дату фестиваля переносили два раза.

В итоге с 7 по 12 марта 1968 года фестиваль поэтической песни молодых бардов состоялся. Программным кредо фестиваля стало положение: время требует новых форм борьбы с консерватизмом и забвением уроков прошлого. Противостоять этим недостаткам, по мнению организаторов мероприятия и его главного участника – члена Союза писателей СССР А. Галича, – успешно мог новый жанр современного искусства – «пародийная песня» [3, л. 29].

Опасаясь, что программа фестиваля и состав исполнителей не будут утверждены районными комитетами комсомола и партии, руководство клуба немного схитрило: билеты на концерты распространило заранее (29 февраля) и только потом оповестило органы власти о дате проведения фестиваля. Советский РК ВЛКСМ отмежевался от участия в столь неординарном мероприятии, о чем уведомил областной комитет КПСС [5, л. 29]. Обкому ничего не оставалось, как пустить на самотек сложившуюся ситуацию.

Выступления бардов были организованы в Доме ученых, его зал ежедневно был переполнен зрителями. Всего за три дня на концертах побывало свыше 5 тыс. человек [3, л. 30]. Р. Орлова, близко знакомая с А. Галичем, вспоминает удивление барда: не имея полных залов в столице, ему их «неожиданно подарил Новосибирск» [11, с. 338]. Во время своих выступлений А. Галич исполнил новые песни, признанные местным партийным руководством «злопахательскими в отношении советской действительности», с «ярко выраженной сионистской окраской» [3, л. 31, 33-40]. В результате Новосибирский обком информировал о творчестве А. Галича Московский горком КПСС, вероятно, опасаясь последствий [3, л. 31].

Научное сообщество Академгородка было взбудоражено прошедшим фестивалем самодеятельной песни. Часть университетских преподавателей представляли лекционный материал с сюжетами, взятыми из бардовских текстов. Песни Галича звучали в шумных компаниях студентов, которые обсуждали их смысловую нагрузку. Необходимо было «охладить» общественный настрой, поэтому на прошедших в марте партийных и комсомольских собраниях было решительно «осуждено» творчество А. Галича. Обком ВЛКСМ, попытавшийся снять с себя всю ответственность за совместную организацию и проведение фестиваля, направил в Новосибирский обком КПСС информацию о проходившем в стенах Академгородка фестивале, который «организован фактически без ведома партийных, советских, комсомольских органов, как центральных, так и местных» [3, л. 29-30].

После проведения фестиваля активисты клуба «Под интегралом» были обвинены в антисоветской деятельности: Анатолия Бурштейна лишили кафедры в университете, многим организаторам фестиваля пришлось искать другое место работы. Само

существование клуба стало отныне невозможным, т. к. он «распространял нездоровую идеологию» [4, л. 18].

Клуб закрылся, а его основатели вскоре разъехались: Анатолий Бурштейн – в Израиль, Григорий Яблонский – в США, «министр песни» Валерий Меньшиков и «министр фотографии» Владимир Давыдов перебрались в Москву.

Бардовский фестиваль сыграл значительную роль в формировании эстетических ориентиров и общественно-политических взглядов больших групп интеллигенции 1960-х гг. в Новосибирском научном центре.

Таким образом, музыкальное и художественное творчество являлось одной из форм проявления инакомыслия в таких крупных городах Западной Сибири, как Новосибирск, Омск, Томск. Советские идеологические догмы, находившиеся в рамках художественного метода соцреализма, не давали полной свободы творчества и сдерживали культурный прогресс общества. Система контроля, сформированная десятилетиями диктата власти в области искусства и культуры, пришла в противоречие с культурными процессами рассматриваемого периода. Отсутствие возможности реализации творческого потенциала, ограничение свободы творчества для некоторых деятелей культуры и одновременно слияние отечественного искусства с мировым культурным сообществом приводят к негативным для развития советской культуры ситуациям, таким как эмиграция деятелей культуры. Вместе с тем взаимоотношения власти и творческой интеллигенции следует рассматривать не только через призму противостояния этих сторон, не только как борьбу кризисной тоталитарной системы с новыми явлениями в культуре. Свободолюбивые творческие личности и их желание реализовать свое право на свободу творчества дает нам повод сделать вывод об усиливавшихся противоречиях в духовной сфере, об осязаемом разрыве между официальной идеологией и потребностями общества в этой культурной сфере. При таком дефиците необходимых «культурных продуктов» избежать столкновения власти и творческой интеллигенции в рассматриваемый период не представлялось возможным.

Литература

1. Волохов С. П. Социально-политические протесты середины 1950-х – середины 1980-х гг. (на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской областей) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.
2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 26.01.2017).
3. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 34. Д. 667.
4. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 34. Д. 668.
5. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 34. Д. 714.
6. Громыко А.А. Памятное : в 2 т. Кн. 2. М. : Политиздат, 1990. 512 с.
7. Заключительный акт // Во имя мира, безопасности и сотрудничества: К итогам Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки 30 июня – 1 августа 1975 г. М. : Политиздат, 1975. С. 14-95.
8. Конституция СССР 1977 г. [Электронный ресурс] // 100 главных документов российской истории. URL: <http://xn--d1aml.xn--h1aaridg8g.xn--p1ai/20/konstitutsiya-sssr-1977-goda/> (дата обращения: 26.01.2017).
9. Лейфер А. Личный фонд, или Отпуск на Канарских островах [Электронный ресурс] // Голоса Сибири: литературно-художественный альманах. URL: http://golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp_1/002_leyfer_003.htm (дата обращения: 26.01.2017).
10. Никонова С.И. Особенности развития советской культуры в 1965–1985 гг. // Вестник ТГУ. Вып. 8 (64). 2008. С. 218–225.
11. Орлова Р. Воспоминания о непростом времени. М. : Слово, 1993. 398 с.

12. Сизов С. Г. Три истории из жизни «провинциального диссидента» Л. Шевчука [Электронный ресурс] // Третья столица (Омск). URL: <http://www.chitalnya.ru/work/1169805/> (дата обращения: 26.01.2017).

13. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 80. Оп. 7. Д. 500.

14. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 607. Оп. 31. Д. 147.

15. Чирков В. Ф. Судьбы омских художников-шестидесятников // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ. (XVIII–XX вв.) : материалы третьей Всерос. науч. конф. 25-27 ноября 1998 г. : в 2 томах. Т. II. Интеллигенция России: динамика, образы, потенциал местных культурных гнезд. Омск : Сибирский филиал российского института культурологи, ОмГУ, 1998. С. 128–129.

УДК 027(091)(571.122)

*Кондакова Л. Ю.**Kondakova L. Yu.*

**СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ МАССОВЫХ БИБЛИОТЕК г. СУРГУТА:
1965-1980-е ГОДЫ**

**THE CONDITION AND DEVELOPMENT OF MATERIAL AND TECHNICAL BASIS
OF THE STATE PUBLIC LIBRARIES OF SURGUT:
1965-1980**

В статье рассматривается вопрос формирования материально-технической базы городских и детских библиотек Сургута в период истории, связанный с освоением нефтяных и газовых месторождений Тюменского Севера. Прослеживаются процессы открытия новых библиотек и создания новой библиотечной сети, формирования книжных фондов, улучшения технического оснащения библиотек в условиях строящегося города и бурного прироста населения.

In this paper the issue of building the material and technical basis of city and children's libraries during the contemporary history of Surgut, related to the development of oil and gas fields in the North of Tyumen region, are considered. The processes of opening new libraries and the creation of a wide library network, the formation of book collections, improvement of technical equipment of the libraries in the conditions of the city construction and the population explosion are observed.

Ключевые слова: Тюменский Север, экономика, сургутские библиотеки, государственные массовые библиотеки, библиотечные сети, материальная база, техническое оснащение, книжные фонды.

Keywords: the North of Tyumen region, economics, Surgut libraries, state public libraries, library networks, material basis, technical equipment, book collections.

Сургутские библиотеки в настоящее время имеют привлекательный, современный вид, но так было не всегда. Обращение с первоисточниками, книгами и публикациями по истории культуры нашего края, позволило сделать вывод, что сургутские библиотеки, их функции, материальная база развивались так же, как и во всей провинциальной России после революции 1917 года. 1920–40-е годы – тяжелое время войны, 1950-60-е годы – период сравнительного благополучия и дальнейшего развития в рамках централизованной библиотечной системы. Библиотеки всегда отражали уровень политического, экономического и культурного развития страны, отдельных регионов и местностей.

К 1965 году в Сургуте сложилась упорядоченная библиотечная сеть, в которую вошли Сургутская районная, районная детская, две школьных, одна партийная, две профсоюзные (рыбокомбината и геологов) библиотеки. Их материальная база и фонды соответствовали потребностям читателей своего времени [1].

Бурный прирост населения, связанный с освоением нефтяных и газовых месторождений Сургутского района, развернутое строительство города потребовали последующего быстрого развития сети, фондов и материальной базы библиотек. В городе создавалась не одна, а несколько библиотечных сетей для удовлетворения разносторонних читательских потребностей. По состоянию на 1 января 1977 года в Сургуте уже функционировало 30 библиотек всех систем и ведомств, из них: 7 библиотек Министерства культуры РСФСР; 6 профсоюзных; 1 ГПТУ; 1 библиотека вуза; 2 библиотеки средних специальных учебных заведений; 1 техническая; 1 партийная; 11

школьных [2]. Библиотечная сеть увеличилась на 23 единицы по сравнению с 1965 годом. Тем не менее в 1970-е годы темпы развития библиотечного дела отставали от темпов строительства города. Особую озабоченность вызывал вопрос о размещении государственных массовых библиотек. В то время строительство Сургута велось хаотично. Не было единого генерального заказчика. Каждое ведомство автономно строило свой микрорайон, создавало предприятия, учреждения, коммуникации, соцкультбыт соответственно своим интересам и потребностям. Строительство же типовых или отдельных зданий для государственных массовых библиотек в планах не предусматривалось.

1 января 1977 была создана Сургутская централизованная библиотечная система (далее ЦБС), которая включила 23 государственные массовые библиотеки города и района с общим книжным фондом 263 тысячи томов, количеством читателей 31,5 тыс. [13]. В первую очередь городской отдел культуры и руководство Сургутской ЦБС стали решать вопросы развития сети библиотек. Это было трудное дело, ведь в строящемся городе в первую очередь возводили объекты первой необходимости – магазины, больницы, школы, детские сады. Тем не менее для библиотек город выделял помещения квартирного типа в капитальных жилых домах ленинградского и московского проектов, две библиотеки были открыты в молодежных общежитиях. В таких условиях с 1977 по 1986 год в новых микрорайонах города были открыты 6 городских и 3 детских библиотеки. Все они имели в своей структуре читальные залы и абонементы. Вновь открытые библиотеки сразу оснащались новым оборудованием, так как старого оборудования в запасах просто не было. Не сразу удавалось приобрести достаточное количество мебели через городскую торговую сеть, но со временем положение стало улучшаться. Площади занимаемых помещений соответствовали первоначальному объему книжных фондов, но не были рассчитаны на их быстрый прирост. В помещениях квартирного типа была неудобной планировка, что затрудняло обслуживание читателей.

В самых трудных условиях пришлось работать Центральной городской библиотеке. С начала централизации она стала методическим центром городских, детских и сельских библиотек города Сургута и района. В связи с этим расширилась ее структура. Дополнительно были созданы специализированные отделы: комплектования и обработки литературы, передвижной фонд (ВНФО), методико-библиографический. Они централизованно осуществляли наиболее трудоемкие и сложные процессы библиотечной работы (комплектование книжных фондов, внестационарное обслуживание населения, методическое обеспечение библиотек) [5].

Расширение структуры и функций, рост фондов и количества читателей Центральной городской библиотеки потребовали увеличения общей площади ее помещения, соответствующей перепланировки внутреннего пространства, дополнительного оборудования и библиотечной техники. Однако эта проблема решалась медленно. С 1977 по 1983 гг. Центральная библиотека, как и до централизации, занимала одно из помещений площадью 220 кв.м. в капитальном двухэтажном здании (промышленный магазин №13), в котором не хватало пространства для полноценной работы. Абонемент с трудом вмещал стеллажи с книгами; читальный зал – фонд, столы и стулья для читателей. В небольшом кабинете сидели вместе директор ЦБС, секретарь-машинистка, методисты. Едва нашлось место для передвижного фонда. Отдел комплектования размещался отдельно, занимал однокомнатную и двухкомнатную квартиры в каменном девятиэтажном доме по улице Республики, 83. Это было крайне неудобно, так как все внутренние службы центральной библиотеки должны были постоянно взаимодействовать. Отдел комплектования не располагал современной множительной техникой. Отрицательно сказывалось на работе отсутствие своего автотранспорта. И хотя городской отдел культуры в большинстве случаев предоставлял

автобус, часто приходилось доставлять с почты посылки с новыми книгами на обыкновенных санках.

Конечно, в начале централизации все было сложно. Создавать новые библиотеки, фонды, всю материальную базу с нуля было очень нелегко. Особенно удручало то, что фонды новых библиотек на первых порах были небольшими и не могли в полной мере обеспечить потребности читателей в книге. Не хватало произведений отдельных жанров, активно читаемых отечественных и зарубежных авторов, справочных изданий, специальной литературы.

Все это дало повод некоторым авторам нарисовать мрачную картину материального состояния сургутских библиотек 1970–80-х годов, показать только отрицательные стороны. Так, например, М. И. Ташлыкова писала в своем исследовании: «Государственные массовые библиотеки Сургута выглядели бледно на фоне открытых ранее профсоюзных библиотек. В библиотеки [1965–1976-е годы] поступало много общественно-политической и технической литературы, обращаемость которой была очень низкой 0,3; 0,6 раз за полгода [0,6 за полгода – это не низкая обращаемость. – Прим. Л. К.], а среди художественной литературы преобладали повести и рассказы. Почти не поступала детская и зарубежная литература» [16, с. 180].

Приведенные факты не совсем соответствуют действительности, и хотелось бы их оспорить. Так, например, государственные массовые библиотеки не выглядели бледно на фоне профсоюзных библиотек ни по фондам, ни по оснащению. А помещения городских филиалов были даже лучше, чем у профсоюзных библиотек, открываемых в конторах, общежитиях и клубах. К тому же материальная база библиотек постепенно улучшалась, в библиотеках по графику производился ремонт помещений, они пополнялись новым оборудованием и предметами мебели. В информационном отчете о работе библиотек Сургута за 1977 год отмечалось: «Был проведен текущий ремонт городского филиала №1 (СМП) и помещения, выделенного под библиотеку в поселке «Юность». Заказано 2 контейнера с оборудованием на сумму 3 тысячи рублей [по тем временам значительные средства. – Прим. Л. К.]. Израсходованы все средства на хозяйственные и канцелярские товары. Заказаны и изготовлены стандартные для всех библиотек вывески с названием и графиком работы библиотек» [5, л. 4].

С самого начала централизации ежегодно в ЦБС поступало от 30 до 48 тысяч новых книг. Использовались различные источники комплектования: областной библиотечный коллектор, магазины «Книга – почтой», городская книготорговая сеть, «Союзпечать» (периодика, подписные серии). В связи с тем, что Сургут был объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой страны, большую помощь в комплектовании оказывал Центральный библиотечный фонд при Государственной Республиканской юношеской библиотеке. Через магазин № 93 г. Москвы из фонда высылалась в сургутские библиотеки (1978–1988 гг.) литература повышенного спроса: детективы, фантастика, приключения, исторические романы, справочные издания. Шли дары из библиотек страны, в том числе большое количество детской литературы. Книжные фонды сургутских библиотек, несмотря на значительные ежегодные списания (из-за нестабильности населения), увеличивались быстро. Уже в 1983 году фонды городских филиалов содержали в среднем 16–17 тысяч книг. Центральная городская библиотека насчитывала 58 тысяч книг [4], книгообеспеченность на 1 читателя по библиотекам госсети составляла 7,2 книги, что было больше, чем в других северных городах округа (Нефтеюганск, Нижневартовск) [11].

В Сургуте, как и во всей стране, книжные фонды государственных массовых библиотек формировались в определенных пропорциях, в соответствии с установленными государственными нормами (ГОСТ 7-20-80), что определяло и процентное содержание новых поступлений литературы. В соответствии с нормами 45-50% книжного фонда составляла художественная литература. В полной мере были представлены русская и зарубежная классика, советская художественная литература, произведения писателей

союзных республик. Поступали подписные серии «Дружба народов», «Массовая библиотека», «Школьная библиотека», «Классики и современники», в ЦГБ и в районной библиотеке в 2-х экземплярах выписывалась серия «Библиотека всемирной литературы». Кроме того, выписывались практически все «толстые журналы»: «Новый мир», «Октябрь», «Звезда», «Наш современник» и др. Годовые поступления общественно-политической литературы в целом по ЦБС составляли 19-20%, что не превышало установленную норму. По отдельным библиотекам (центральная городская библиотека, городские библиотеки № 3 и № 4) наблюдалось превышение нормы до 24%, но при этом общественно-политическая литература (ОПЛ) соответствовала на 60-70% учебным программам старших классов средних школ, техникумов и вузов, и ее активно использовали студенты. Тем более что в состав ОПЛ входили книги по многим наукам: политике, истории, философии, экономике, статистике, государству и праву, логике, этике. Содержание технической литературы в фондах и ее поступления (7-8%) также не превышали норму. Книги и журналы по отдельным отраслям техники активно читали студенты технических вузов и работники новых профессий, связанных с освоением Севера: геологи, газовики, нефтяники, строители, энергетики, водители, авиаторы. К 1983 году обращаемость ОПЛ и технической литературы по Сургутской ЦБС уже составляла 1,5, и 1,7 соответственно [11], что было выше государственной нормы. Поступления детской литературы в процентном соотношении также шли по нормативам, но не хватало детских книг повышенного спроса.

Были и другие положительные примеры по отдельным библиотекам. Так, в 1977 году в состав ЦБС на правах филиалов вошли Сургутская районная (для взрослых) и районная детская библиотеки, которые обслуживали читателей всего города и в 1960-х, и в 1970-х годах, обладали прекрасными книжными фондами. С 1974 года они располагались в отдельном здании, построенном в 1959–60-е годы. С одной стороны находилась взрослая районная библиотека, полезной площадью 200 кв.м; с другой стороны – детская районная библиотека (площадью 80 кв.м; фонд – 9,8 тыс. экз.). В них имелись современное библиотечное оборудование и новая мебель: типовые металлические стеллажи, новые библиотечные кафедры, каталожные ящики, шкафы, столы и стулья. В читальном зале – навесные деревянные полки-витрины. Из технических средств числились диапроекторы, телевизоры, музыкальные проигрыватели, магнитофоны, печатные машинки. В районной взрослой библиотеке была хорошая наглядная агитация – большие содержательные тематические выставки, стенды, библиотечные плакаты, календари знаменательных дат. Все это в сочетании с хорошей планировкой и новой мебелью создавало эстетически-привлекательную среду. Фонд насчитывал более 25 тысяч книг по всем отраслям знаний. По типовому составу – учебники, учебные и методические пособия, монографии, курсы лекций, хрестоматии, собрания сочинений, специальная литература. Половину фонда составляла художественная литература, были представлены классики русской и мировой литературы, современные советские писатели, поэзия, серийные издания. Конечно, как и во всей ЦБС, не хватало книг современных зарубежных авторов, но в то же время в 2-х экземплярах выписывался журнал «Иностранная литература». В библиотеке было очень чисто, тепло, уютно. На окнах новые капроновые шторы, везде цветы. Для читателей это был «какой-то уголок отдохновения» [6, л. 6].

В 1972 году в новом клубе строительно-монтажного поезда – 330 (СМП-330) была открыта городская библиотека № 2. В 1975 году ее фонд (согласно данным годового статистического отчета) уже насчитывал 11 тысяч книг [15]. В библиотеке было чисто и уютно, радовали глаз хоть и самодельные, но аккуратные, покрашенные светлой краской деревянные стеллажи, новая мебель, красочно оформленные библиотечные плакаты, стенды, книжные выставки. Деньги на приобретение мебели и книг выделил городской отдел культуры и шефы. С момента открытия и на протяжении десяти лет шефом библиотеки выступал комитет комсомола СМП-330. Вся массовая работа строилась совместно с клубом и комсомольской организацией, была живой и интересной, что

привлекало специалистов-мостостроителей, рабочую молодежь, интеллигенцию, детей. Число читателей составляло 1200 человек. Самым ярким событием была встреча читателей СМП с выездной группой редакции журнала «Юность» с книжными дарами. Возглавлял ее писатель Борис Полевой. К сожалению, к концу 1980-х годов библиотека в связи с изношенностью здания и отопительной системы стала приходить в упадок.

В первой половине 1980-х годов неплохо выглядели городская библиотека № 4 (пл. 54 кв.м; фонд 15 тыс. книг); городская библиотека № 7 (пл. 220 кв.м, фонд 14 тыс. книг). А также Центральная детская библиотека (площадь 125 кв.м, фонд 26,7 тыс. книг); детская библиотека № 2 (площадь 60 кв.м, фонд 20 тыс. книг). Площадь учитывалась только полезная, а использовались и кухни, и коридоры, и встроенные шкафы, что в дальнейшем позволило провести перепланировку помещений [4].

Поскольку тесные помещения начали сдерживать развитие книжных фондов и возможностей технического оснащения ЦБС, с начала 1980-х годов библиотеки стали переводить в более просторные помещения, старались сразу же оснастить или дополнить современным оборудованием. То же самое касалось и открытия новых библиотек.

В 1983 году центральную городскую библиотеку перевели во встроенное помещение капитального жилого дома по улице Бажова, 17, площадью 330 кв.м. В освободившемся помещении расположилась городская библиотека № 7 (помещение более чем достаточное для городского филиала). Часть оборудования ЦГБ была оставлена на прежнем месте, часть – перевезена по новому адресу. В Центральную библиотеку сразу же дополнительно были завезены новые деревянные стеллажи, кафедры, каталожные ящики. Через непродолжительное время в читальный зал были закуплены современные светлые полированные столы. Позднее – новые стулья с приятной неброской обивкой, мягкая мебель, журнальные столики. Для отдела комплектования в 1982 году было приобретено 2 ротатора (аппарат для размножения каталожных карточек). В 1985 году появился свой автобус (автоклуб) [10].

В 1980 году во встроенном помещении капитального жилого дома по улице Островского, 7 была открыта городская библиотека № 6 общей площадью 168 кв.м (в настоящее время библиотека № 25). В структуре библиотеки – взрослое и детское отделения с абонементом и общим читальным залом, оснащенные типовым оборудованием, новой мебелью, мягкими уголками. Из зала абонемента легкой фигурной перегородкой отгородили детскую игровую комнату, в которую приобрели новые шкафы и встроенные полки для самых красивых детских книжек, диапроектор, настольные игры, телевизор, большой аквариум; на пол – ковер. Возле аквариума – импровизированный уголок морского берега – насыпаны галька, ракушки, красивые камушки. Рядом – гора всевозможных мягких игрушек, подаренных читателями. Все это дополнялось красивым оформлением. В представлении детей библиотека была настоящей сказкой. Число читателей составляло 2080 человек [9].

В 1987 году в двух комнатах общей площадью 75 кв.м, находящихся в ДК «Энергетик», разместилась городская библиотека № 10, оборудованная типовыми стеллажами и библиотечными кафедрами. Хорошего качества шкафы, столы, стулья выделил ДК «Энергетик». Вначале библиотека комплектовалась как обыкновенная массовая. Затем, в рамках сотрудничества с Государственной Российской библиотекой по искусству, библиотеками ВГИКа, Щукинского и Щепкинского художественных училищ, начал формироваться фонд литературы по всем видам и жанрам искусства. В его состав входили жанровые энциклопедии и справочники, научно-популярная литература по искусству, книги об известных композиторах, ноты, книги о художниках, альбомы, путеводители по выставкам художественных музеев и галерей. Библиотеку отличало хорошее оформление – картины местных художников на стенах, предметы художественного промысла, замечательные тематические выставки, представляющие широкий круг источников – книг, публикаций, интервью, сценариев, репродукций.

Отражались знаменательные даты, самые яркие события в области литературы, живописи, музыки, театра и кино в стране и за рубежом. В рамках ЦБС выросла специализированная библиотека по искусству для студентов и работников культуры и искусства города [7].

В 1986 году в новое помещение (пристрой к девятиэтажному зданию) по улице Маяковского, 16, была переведена городская библиотека №4 площадью 96 кв.м. Помещение и новую мебель, которая была уже установлена рабочими, предоставил трест «Сургутгазстрой». В общем книжном фонде библиотеки численностью 16,5 тысяч экземпляров содержалось большое количество технической литературы, которую читали инженерно-технические работники (ИТР) и рабочие этого треста. Выписывалось большое количество газет и журналов, в том числе и технической тематики. Библиотеку, кроме специалистов и рабочих из молодежных общежитий, стали активно посещать сотрудники газеты «Сургутская трибуна», Сургутской типографии, студенты, учащиеся старших классов, учителя, воспитатели общежитий – всего 1480 человек [8].

В самом конце 1980-х годов была приведена в хорошее состояние городская библиотека № 5 (п. Юность). Сделаны капитальный ремонт и перепланировка помещения, присоединены дополнительные комнаты, освободившиеся после выезда комбината бытового обслуживания (КБО) и других служб. В результате площадь помещения составила 100 кв.м. Была приведена в порядок отопительная система. Дополнительно к существующему фонду (11 тыс. книг) стала комплектоваться литература для мусульманского населения поселка Юность и города Сургута на татарском, башкирском, дагестанском и других языках. В соответствии с этим было выполнено новое оформление библиотеки, в котором присутствовали элементы национального орнамента [7].

Информационные отчеты ЦБС за 2-ю половину 1980-х годов свидетельствуют о том, что в развитии материальной базы библиотек ЦБС были достигнуты определенные успехи. Так, например, в 1988 году был проведен капитальный ремонт 3-х городских филиалов, Ляминской и Тром-Аганской сельских библиотек. Приобретено для библиотек города и района двести четырехсекционных стеллажей, 70 стульев, 3 печатные машинки, 16 библиотечных кафедр, шесть черно-белых и два цветных телевизоров, 2 музыкальных проигрывателя с приставкой «Маяк» [7].

Конечно, городские и детские библиотеки Сургута 1970–1980-х годов не были дворцами книги. Среди них были и сильные библиотеки с хорошими книжными фондами, и начинающие, с формирующимися фондами; в одних библиотеках было комфортно и уютно, другим этого не хватало. Но в целом сеть, материальная база, фонды, содержание работы библиотек отвечали потребностям читателей. Наблюдалась положительная динамика всех контрольных показателей работы (табл.) [13; 14].

Таблица

Динамика показателей работы библиотек ЦБС (1977-1987 гг.)

Год	Нас., тыс.	К-во б-к	Чит., тыс.	Выдача, тыс.	Кн. ф., тыс.	Обр- ть	Посещ., тыс.	Читаем ость	Книг на 1 чит.
1977	107,2	7	16,3	172,8	151,6	1,1	120,1	10,6	9,3
1987	205,0	16	42,4	612,5	364,4	1,7	214,8	14,5	8,6
Динамика	+97,8	+9	+26,1	+439,7	+212,8	+0,6	+94,7	+3,9	-0,7

Литература

1. Архивный отдел Администрации города Сургута (АОАГС). Ф. 108. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
2. АОАГС. Ф. 34. Оп. 1. Д. 21.
3. АОАГС. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1.

4. Архивный фонд Сургутской центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина (АФ СЦГБ). П. №2. К. 3. Л. 5, 7.
5. АФ СЦГБ. П. № 5. К. 5. Л. 4.
6. АФ СЦГБ. П. № 31. К. 4. Л. 6.
7. АФ СЦГБ. П. № 3. К. 10. Л. 2, 24.
8. АФ СЦГБ. П. № 19. К. 6. Л. 3.
9. АФ СЦГБ. П. № 17. К. 2. Л. 3.
10. АФ СЦГБ. П. № 12. К. 7. Л. 17.
11. АФ СЦГБ. П. № 15. К. 7. Л. 1, 2.
12. АФ СЦГБ. П. № 2. К. 2. Л. 1.
13. АФ СЦГБ. П. № 22. К. 1. Л. 2.
14. АФ СЦГБ. П. № 2. К. 1. Л. 2.
15. АФ СЦГБ. П. № 40. К. 5. Л. 1.
16. Ташлыкова М. И. Состояние и развитие материально-технической базы учреждений культуры г. Сургута (1965–1985 годы) // Очерки истории Сургута / науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут : Диорит, 2002. 248 с.

УДК 94(571.122)

Иванов А. С.
Ivanov A. S.

ИДЕНТИЧНОСТЬ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЮГРЫ И ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE IDENTITY OF UGRA SPECIAL SETTLERS AND THE PROBLEM OF LABOUR ACTIVITY ASSESSMENT

В статье исследуются вопросы оценки трудовой деятельности спецпереселенцев Ханты-Мансийского округа. Особое внимание уделено самоидентификации индивидов с советским социумом периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет.

In the paper the issues of work activities assessment of the special settlers of Khanty-Mansi Okrug are examined. Special attention is paid to the identity of individuals in the Soviet society during the great Patriotic war and the postwar years.

Ключевые слова: идентичность, среда обитания, спецпереселенцы, репрессии, депортации.

Keywords: identity, habitat, special settlers, repression, deportation.

В российской историографии для оценки трудовой деятельности спецпереселенцев достаточно часто используется термин «трудовой вклад». Это понятие широко применяется при описании участия спецпереселенцев в развитии экономики республик, краев и областей поселения [18, с. 88–102; 10; 14]. Однако, как правило, анализируется «общий вклад» спецпереселенцев как категории спецконтингента, без учета различий, существовавших между отдельными социальными, этническими и конфессиональными группами спецпоселенцев [17, с. 203–231].

В данной статье мы будем говорить в первую очередь о гражданской идентичности, которая маркирует членство в макрополитическом сообществе и предполагает самоидентификацию индивида с политической нацией на основании соотнесения с ее политической культурой и институтами. Она связывает индивида и государство путем закрепления правового статуса гражданина – члена национально-государственной общности – и вытекающих из такого статуса обязанностей, прав и свобод [12, с. 77–78].

В данной статье объектом анализа является гражданская идентичность двух групп спецпереселенцев (калмыков и истинно-православных христиан), обладающих совершенно различным социально-историческим опытом взаимодействия с институтами советской власти, но одновременно (в 1944 г.) оказавшихся в аналогичном статусе на территории Ханты-Мансийского округа. Депортация наделила эти группы общим травматическим опытом, сделав возможным сравнительный анализ «коллективного ответа» репрессированных.

Сначала охарактеризуем гражданскую идентичность депортированных калмыков. 2 января 1944 г. Л. П. Берия составил доклад на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова о результатах чекистско-войсковой операции «Улусы», из которого следует, что с 28 по 31 декабря 1943 г. в Сибирь из районов бывшей Калмыцкой АССР были отправлены 93 139 калмыков в 46 эшелонах [8, с. 85]. Значительную часть данного «спецконтингента» приняла образованная в августе 1944 г. Тюменская область: к началу 1945 г. число калмыков в местах нового поселения составило 14 174 (на территории Югры – 5 999) человек [4, д. 20, л. 146].

С первых же месяцев нахождения на спецпоселении калмыки активно включились в трудовую деятельность. Руководители тюменского областного НКВД уже в феврале

1945 г. сообщали, что «в общей своей массе спецпереселенцы относятся к труду удовлетворительно, производственные нормы выполняют и перевыполняют. Особенно хорошо показала себя в работе та часть спецпереселенцев калмыков, которая в трудовом отношении устроена в предприятиях рыбной промышленности и рыболовецких колхозах севера» [3, д. 164, л. 222 об.]. В пример приводились спецпереселенцы-калмыки, работавшие на предприятиях Ханты-Мансийского госрыбтреста и выполнявшие нормы выработки на 150–200%. Подобную оценку можно считать очень высокой, поскольку, несмотря на наличие среди калмыцкого населения некоторого количества опытных рыбаков с Каспия, основная их масса до выселения занималась животноводством.

О высоком уровне самоидентификации с советскими государственными структурами свидетельствуют «письма во власть», направляемые поселенцами в различные инстанции. Приведем отрывок одного из прошений в адрес управляющего Ханты-Мансийским рыбтрестом Максютенко: «Доводим до Вашего сведения, что калмыкам Самаровского Стройучастка до сих пор не выдают ордера на валенки, тогда как нас по указанию правительства должны одевать в первую очередь. Мы рабочие калмыки из-за отсутствия спецодежды и валенок, не можем выходить на работу, а существовать чем-то надо. Невозможно же из-за этого вставать производству. Дети наши не могут посещать садик так как обувать их не во что. Просим Вашего содействия в выдаче зимней спецодежды, и дать соответствующие указания начальнику Стройучастка т. Мальцеву» [5, д. 259, л. 17].

Показательна не только забота депортантов об интересах производства, но и отсылка к постановлению правительства СССР, с которым репрессированные продолжали связывать надежду на улучшение своего положения (несмотря на незаслуженное наказание, наложенное именно этим органом [16, с. 19–21]). Это говорит об определенном уровне гражданственности.

Важным элементом советского публичного дискурса на протяжении всей советской истории продолжала оставаться демонстрация верности делу партии. В биографии образцового гражданина Советского Союза должны были фигурировать комсомольская и партийно-советская работа.

Для спецпереселенцев членство в советских общественных организациях, работа, демонстрация «партийности» были доказательством верности существующему строю, которое не могли поставить под сомнение сотрудники комендатур. Поэтому и в экстремальных условиях спецпоселения калмыки не только стремились к сохранению своего членства в ВКП(б)/КПСС и ВЛКСМ, но и вступали в эти организации на территории сибирских краев и областей. К 1 декабря 1944 г. на комсомольском учете в Тюменской области состояли 156 калмыков. Всего к этому времени в СССР на спецпоселении насчитывалось 777 калмыков-комсомольцев [3, д. 176, л. 134]. В области к концу 1949 г. среди спецпереселенцев всех категорий насчитывалось 488 комсомольцев, а в 1953 г. – уже 1443 комсомольца [3, д. 725, л. 232].

Удивительно то, что в период с 1944 по 1954 гг. в Омской и Тюменской областях в члены и кандидаты ВКП(б)/КПСС вступили 28 калмыков, причем первый из них стал кандидатом в члены ВКП(б) уже в I квартале 1944 г., т. е. в первые месяцы нахождения на спецпоселении.

Вышеизложенное дает основание утверждать, что калмыцкое население в подавляющей своей массе полностью идентифицировало себя с большей советской Родиной (советскими людьми и государственными институтами) [3, д. 177, л. 135], обладало советской гражданской идентичностью. В этом смысле, безусловно, правы исследователи, рассматривающие труд депортированных калмыков в местах спецпоселения как составную часть трудового вклада советских граждан в общее дело победы над врагом [1, с. 216–254].

Параллельно с «калмыцкой эпопеей» развивались события, связанные с появлением на спецпоселении конфессиональной группы истинно-православных христиан. «Истинно-православные христиане» (далее ИПХ) – общее название и самоназвание направлений в русском православии, оформившихся в конце 1920-х гг., после Декларации митрополита Сергия 1927 г. о лояльности советской власти. По словам Д. В. Пospelовского, ИПХ представляли собой наиболее консервативное течение в «катакомбной церкви» (т. е. тех движений внутри Русского православия, которые отказывались иметь литургическое или административное общение с Московским патриархатом из-за его подчинения советскому режиму). При этом ИПХ не имели догматических и литургических различий с легальной Православной церковью [11, с. 314, 323]. По мнению И. И. Осиповой, в официальных отчетах органов госбезопасности ИПХ стали причислять к сектантам (каковыми они не являлись), так как арестованные ИПХ часто не называли себя, чекистам было известно лишь их имя [10, с. 161].

Основной идеологией истинно-православных христиан был антикоммунизм, имевший специфический религиозный характер. Красная пятиконечная звезда была понята как физическая печать антихриста. Невозможность участия ИПХ в любых советских общественных организациях также объяснялась желанием не поклоняться антихристу. Отказ от регистрации, советского паспорта, участия в выборах диктовались теми же соображениями. Важными пунктами в идеологии ИПХ были запреты на членство в колхозах, службу в советской армии и нежелательность любой государственной службы. Еще одним «краеугольным камнем» их идеологии было абсолютное отрицание Московской Патриархии и всех с ней каким-либо образом сообщающихся [6, с. 104].

Местами наибольшего распространения ИПХ в 1920–1930-е годы были центральные районы страны – Тамбовская, Рязанская, Орловская, Воронежская области, где они неоднократно подвергались разгрому по обвинению в промонархической, антисоветской деятельности [14, с. 60].

В докладе Л. П. Берия И. В. Сталину от 7 июля 1944 года отмечалось, что «сектанты вели паразитический образ жизни, не платили налогов, отказывались от выполнения обязательств и от службы, запрещали детям посещать школы. Эти организации оказывают разлагающее воздействие на колхозы» [2, с. 89]. Согласие Сталина на депортацию было получено, и 14 июля 1944 года появился приказ НКВД–НКГБ СССР о переселении 1 673 истинно-православных христиан [2, с. 89]. В Сибири местом расселения ИПХ стали Красноярский край, Тюменская и Томская области [14, с. 44].

На территории Тюменской области спецпереселенцы-сектанты (так они именовались в официальных документах) были расселены на территории Ханты-Мансийского национального округа. В августе 1944 г. округ принял 664 человека, выселенных из Рязанской и Орловской областей. В соответствии с указанием НКВД СССР расселение было произведено в Березовском, Самаровском и Микояновском районах в существующих спецпоселках, где проживали спецпереселенцы – «бывшие кулаки» [3, д. 161, л. 264].

Формально спецпереселенцы-ИПХ были трудоустроены в основном в сельскохозяйственных и промысловых артелях (618 человек). Но о фактической трудовой занятости говорить не приходится, т. к. «ипеховцы» поголовно отказывались от работы на государство. Достаточно ярко убеждения «истинно-православных христиан» были выражены в высказывании спецпереселенки Паршиной (агентурные донесения): «Мы знаем божий закон, работать нам грех, если будем работать у Вас, будем поклоняться второму лицу, а это для нас большой грех. Мы поклоняемся только одному богу. Мы люди Христа, приехали сюда не для работы, а для уничтожения нас антихристами. Погибнем за Христа, а работать не будем, грех работать на антихриста. Дома мы не работали и здесь работать не будем – лучше смерть, чем работа на антихриста». В результате к январю 1945 г. из 393 человек трудоспособных мужчин и женщин работало только 31 человек

[3, д. 161. л. 264–264 об.]. Приведенные данные подтверждаются воспоминаниями репрессированных ИПХ. Так, побывавшая в Сибирской ссылке З. Лепехина на вопрос представителей властей: «Будешь работать?» – ответила: «Нет... по праздникам не работаю и Божий Закон нарушать не буду». Отказывались от работы вместе с ней и другие верующие [7, с. 340].

Члены этой религиозной группы отказывались от получения паспортов и проводили антиколхозную агитацию, отказывались служить в армии. При этом ИПХ не были пацифистами, речь шла именно об армии советского государства. Жители Ханты-Мансийска, А. Стукало, А. Федин, Н. Еремин, отказались от призыва в армию, сославшись на свои религиозные убеждения. Еремин свой отказ объяснил (по донесениям агентуры) так: «По вере ИПХ, мы как верующие не можем принимать участие на фронтах, воевать за советскую власть, поскольку она антихристова, а участие в боях за эту власть будет нарушением псалма Давида, т. е. участием в «совете нечестивых», а это большой грех» [15, с. 267]. Понятно, как расценивались подобные заявления в условиях войны.

В случае с ИПХ налицо полное отсутствие идентификации себя с советским государством и обществом. Истинно-православные христиане показывали открытое неприятие системы, на которую они массово отказывались работать, и стремились сократить до минимума все контакты с государственными институтами.

Гражданская самоидентификация может принимать по отношению к государству как лояльные (легитимирующие), так и критические либо протестные формы, направленные на изменение не соответствующего гражданским ценностям политического режима [12, с. 77]. А в данном случае можно говорить даже о формировании антисоветской гражданской идентичности и невозможности любых рассуждений о «вкладе в Победу», со стороны данной группы спецпереселенцев. При этом необходимо понимать, что подобные антисоветские когнитивные и поведенческие стратегии провоцировались самой властью, последовательно нарушавшей Конституцию 1936 г., гарантировавшую гражданам свободу совести.

Необходимым представляется использование дифференцированного подхода к оценке трудовой деятельности отдельных групп репрессированных на спецпоселении. Он должен учитывать не только количественные показатели выполнения планово-производственных государственных заданий, но и принимать во внимание гражданскую самоидентификацию представителей различных социальных, этноконфессиональных групп спецпереселенцев, объяснять и раскрывать выработанную ими этику поведения. Пример спецпереселенцев ИПХ является, безусловно, крайним проявлением противодействия всему советскому. Однако нужно понимать сложность данной проблемы и очень осторожно подходить к изучению деятельности на спецпоселении в послевоенные годы представителей «прибалтийских спецконтингентов», спецпереселенцев-ОУНовцев, ведь о «труде на благо советской Родины» с их стороны говорить также не приходится. В случае с советскими немцами требуется изучение на микроуровне, учет ситуативных факторов.

Литература

1. Бембеева Е. А. Деятельность женщин Калмыкии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 2008. 270 с.
2. Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века) : книга-мониторинг. М. : ЗАО МСНК-ПРЕСС, 2006. 464 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 1.
5. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО). Ф. 118. Оп. 1.

6. Епископ Готфский Амвросий. Государство и катакомбы // Религия и права человека. На пути к свободе совести. М. : Прогресс, 1996. С. 95–106.
7. Из воспоминаний Зинаиды Лепехиной // О, Премилосердый... Буди с нами неотступно...» : Воспоминания верующих Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. Конец 1920-х – начало 1970-х годов. М. : Братонез, 2008. С. 337–340.
8. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...» : документы, факты, комментарии. М. : Дружба народов, 1992. 288 с.
9. Малиновский Л. В. Об употреблении понятия «вклад» в отношении Российских немцев (и о подходах к измерению этого вклада) // Немцы Сибири: история и современность : мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. Омск : Наука, 2006. С. 104–105.
10. Осипова И. И. Сквозь огонь мучений и воды слез. М. : Серебряные нити, 1998. 154 с.
11. Пospelовский Д. В. Русская православная церковь в XX в. М. : Республика, 1995. 511 с.
12. Семенов И. С. Гражданская идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки : словарь терминов. М. : РОССПЭН, 2012. С. 76–80.
13. Серазетдинов Б. У. Ссылка // Югра. № 9-10. 2003. С. 46–49.
14. Сосковец Л. И. Конфессиональные группы на спецпоселении в Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.) // Маргиналы в советском обществе : институциональные и структурные характеристики в 1930-е-1950-е годы: сб. науч. тр. Новосибирск : НГУ, 2007. С. 38–60.
15. Сосковец Л. И. Религиозные организации Западной Сибири в 1940–1960-е годы : дис. ... докт. ист. наук. Томск, 2004. 548 с.
16. Ссылка калмыков: как это было : сб. док. и мат-лов. Т. I. Кн. 1. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
17. Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). М. : РОССПЭН, 2010. 424 с.
18. Шашков В. Я., Козлов С. С., Лобченко Л. Н. ГУЛАГовская система спецпоселений Северного края для «бывших кулаков» : монография. Мурманск : МГПУ, 2008. 245 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 314.18

Солодовников А. Ю.
Solodovnikov A. Yu.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ НЕФТЕЮГАНСКОГО РАЙОНА

THE POPULATION RATE DYNAMICS AND THE NEFTEYUGANSK DISTRICT POPULATION STRUCTURES

Статья посвящена сложившейся демографической ситуации в Нефтеюганском районе в начале XXI в. Нефтеюганский район, как и большинство районов Севера Тюменской области, относится к индустриальным. Индустриальный облик сформировали нефтяная и газовая промышленность, крупные лесозаготовки, транспортные отрасли. Благодаря этому большинство населения составляют городские жители. В сельской местности проживают коренные жители этих мест, а также часть пришлого населения, занимающаяся обслуживанием небольших объектов промышленности и транспортной инфраструктуры. Лишь небольшая часть пришлого населения занята в сельском хозяйстве. При этом проживание в сельской или городской местностях сказывается на демографических процессах.

The paper is devoted to the current demographic state in the Nefteyugansk district at the beginning of XXI century. The Nefteyugansk district like many other districts of the North of the Tyumen region is an industrial district. The industrial image is created by gas and oil industry, large lumber stockpiling and transport sphere. Thereby the majority of the population is the city inhabitants. The indigenous people and also a group of alien people, who service small industrial objects and transport infrastructure, live in the countryside. Only a small group of the alien people is involved into the agricultural industry. Thereby the living in rural or urban areas affects the demographic processes.

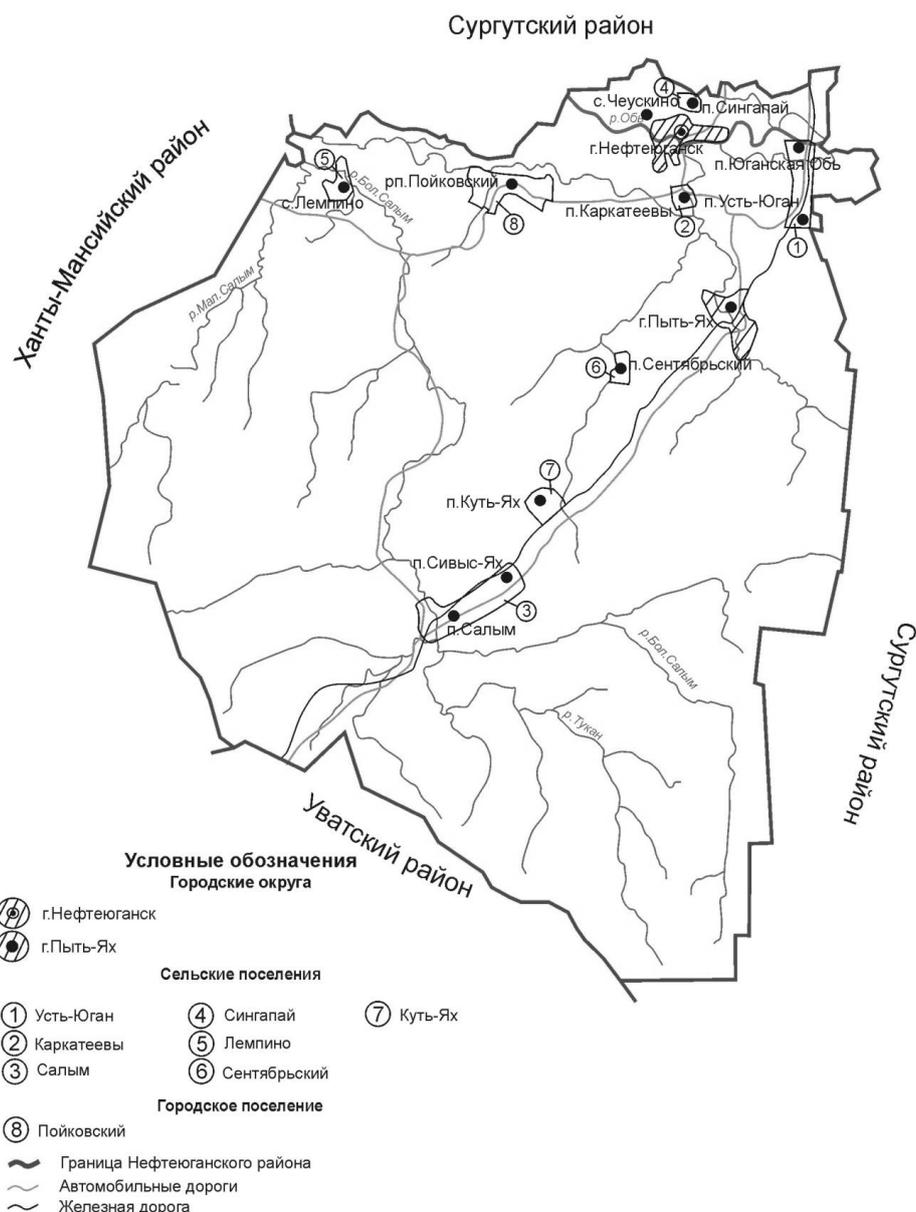
Ключевые слова: численность населения, рождаемость, смертность, возрастные группы, классы болезней, естественный прирост.

Keywords: population size, birth rate, death rate, scales of age, classification of diseases, natural increase.

Нефтеюганский район – самый молодой район Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Его история отсчитывается с 1980 г., когда он был выделен из состава Сургутского района. В настоящее время на его территории насчитывается 8 поселений, из них 1 городское (Пойковский) и 7 сельских (Салым, Сентябрьский, Каркатеевы, Куть-Ях, Лемпино, Усть-Юган и Сингапай) (рис.). Самое крупное поселение района – Салым (0,52%), самое маленькое – Каркатеевы (0,07%).

Свыше 98% занимает межселенная территория, на которой проживают коренные малочисленные народы Севера в сезонно обитаемых поселениях – стойбищах, избах и т.п. Это связано с особенностями их хозяйственной деятельности, кочевым и полукочевым образом жизни. Кроме того, территориально в границах Нефтеюганского района имеются 2 города окружного подчинения, имеющих статус самостоятельных муниципальных образований: городской округ город Нефтеюганск и городской округ город Пыть-Ях. Таким образом, всего на территории Нефтеюганского района и городских округов

Нефтеюганск и Пыть-Ях муниципальных поселений различного статуса – 10. Население района – это городские и сельские жители, Нефтеюганска и Пыть-Яха – городские жители.

Рис. Нефтеюганский район и его соседи, административное устройство

Демографическая ситуация на территории Нефтеюганского района и городских округов обусловлена социально-экономическими процессами, происходящими на их территории, и складывается под воздействием естественного и механического движения населения, его половозрастной структуры. Большая часть городского населения занята в индустриальном секторе, бюджетной сфере и сфере услуг. Сельское население трудится в основном в аграрном хозяйстве. На естественное движение населения, в первую очередь, оказывают влияние возможности создания семьи, ее стабильность, а также миграционные процессы.

Численность населения, проживающего на территории муниципальных образований Нефтеюганский район, Нефтеюганск и Пыть-Ях, на начало 2015 г. составила 211,1 тыс. человек. С начала 3-го тысячелетия число жителей возросло почти в 1,2 раза, в том числе в Нефтеюганске – в 1,25 раза, в Нефтеюганском районе – в 1,3 раза. В Пыть-Яхе численность населения немного сократилась (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения (на начало года), тыс. чел. [2; 3; 4]

Год	Нефтеюганск	Пыть-Ях	Нефтеюганский район	Всего
2001	100,7	42,7	33,8	177,7
2002	102,8	43,1	35,0	180,9
2003	108,3	41,8	45,6	195,7
2004	110,7	41,9	46,6	199,2
2005	110,1	41,6	46,5	198,2
2006	112,1	41,7	46,2	200,0
2007	116,2	41,7	46,0	203,9
2008	117,4	41,7	45,7	204,8
2009	119,2	41,5	45,1	205,8
2010	121,1	41,6	45,1	207,8
2011	123,3	41,5	44,7	209,5
2012	125,2	41,1	44,4	210,7
2013	125,9	40,8	44,4	211,0
2014	125,9	41,0	44,1	211,0
2015	125,4	41,0	44,7	211,1

Таблица 2

Численность населения Нефтеюганского района в населенных пунктах (на начало года), чел. [2; 3; 4; 6]

Поселение, населенный пункт	Годы						
	2001	2002	2003	2004	2005	2010	2015
Пойковский ¹	20,7	21,5	28,7	28,4	28,9	25,6	26,2
р.п. Пойковский ¹						25,6	26,2
Каркатеевы						1 850	1 787
п. Каркатеевы						1 850	1 787
Куть-Ях	1 809	1 721	1 857	1 903	1 949	2 183	2 073
п. Куть-Ях	1 809	1 721	1 857	1 903	1 949	2 183	2 073
Лемпино	386	385	460	504	499	493	441
с. Лемпино	386	385	460	504	499	493	441
Салым	5 445	5 427	5 301	5 396	5 400	7 017	7 348
п. Салым	4 960	4 931	4 823	4 909	4 910	6 554	6 896
п. Сивыс-Ях	485	496	478	490	490	463	452
Сентябрьский						1505	1552
п. Сентябрьский						1505	1552
Усть-Юган	2 913	3 088	3 175	3 914	3 099	1 988	1 820
п. Усть-Юган	704	711	702	900	964	732	734
п. Юганская Обь	х	х	х	х	1 225	1 254	1 086
п. Сентябрьский	2 209	2 377	2 473	3 014	910		
Чеускино	4 145	4 344	4 548	4 587	4 921	1 052	
с. Чеускино	2 730	2 906	3 036	3 095	3 401	1 052	
п. Каркатеевский	1 415	1 438	1 512	1 492	1 520		
Сингапай						3 133	3 520
п. Сингапай						3 133	3 180
с. Чеускино							340

Примечание: ¹ – тыс. чел.

В населенных пунктах Нефтеюганского района численность населения выросла в большинстве из них. Больше всего увеличилась численность в п. Салым – в 1,4 раза (табл. 2). В целом темпы роста народонаселения примерно соответствуют среднеокружным значениям. Рост числа жителей происходит за счет естественного прироста и миграции.

Больше 1 000 чел. живет в восьми населенных пунктах, от 501 до 1 000 чел. – в одном и от 101 до 500 – в двух. Около 60% населения проживает в городском поселении Пойковский. Все население района проживает вдоль транспортных коридоров «Юг–Север» и «Восток–Запад». На транспортном коридоре «Восток–Запад», состоящего из автодороги Сургут—Нефтеюганск—Ханты-Мансийск, живет примерно 60% населения района и здесь находится самый крупный населенный пункт – гп. Пойковский. Около 40% населения живет в небольших поселках вдоль железной и автомобильной дорог, идущих из Тюмени на север. Здесь же расположен и г. Пыть-Ях, а Нефтеюганск – на пересечении этих коридоров, но без прямого доступа к железной дороге.

Таблица 3

Рождаемость (в расчете на 1 000 жит.), ед. [2; 3; 4]

Год	Нефтеюганск	Пыть-Ях	Нефтеюганский район	ХМАО
2001	11,4	12,2	15,2	12,2
2002	12,0	14,2	11,6	13,4
2003	12,4	14,0	12,7	13,7
2004	12,1	14,9	12,1	13,9
2005	12,0	15,7	11,5	13,5
2006	11,3	14,9	11,5	13,7
2007	13,2	15,5	11,6	14,6
2008	14,4	15,7	11,9	15,3
2009	14,7	16,5	13,6	15,6
2010	14,9	16,4	12,6	16,4
2011	14,9	17,0	13,6	16,4
2012	15,8	18,6	12,7	17,5
2013	15,8	19,4	13,0	17,7
2014	15,1	19,2	12,7	17,3
2015	15,8	17,7	12,1	16,5
Сред.	13,7	16,1	12,6	15,2

Демографическая ситуация, характеризуемая показателями естественного и механического движения населения, его половозрастной структурой, благоприятная. В начале XXI в. *уровень рождаемости* в районе и в Нефтеюганске был ниже, чем в среднем по ХМАО: 13,7 и 12,6 против 15,2.

В Пыть-Яхе он превысил среднеокружные значения в 1,1 раза (16,1 и 15,2 соответственно). В то же время в Пыть-Яхе и в Нефтеюганске рождаемость выше, чем в Нефтеюганском районе – в 1,3 и 1,08 раза соответственно. С 2001 г. рождаемость в Пыть-Яхе выросла в среднем 1,3 раза, в Нефтеюганске – 1,2 раза, а в Нефтеюганском районе сократилась в 1,2 раза. При этом отмечалось устойчивая динамика роста рождаемости в городах и неустойчивая в районе (табл. 3). Суммарный коэффициент рождаемости в 2010 г. составил: в Нефтеюганске – 1,402, в Пыть-Яхе – 1,471, в Нефтеюганском районе – 1,517.

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) – это коэффициент, характеризующий среднее число рожденных детей у одной женщины за всю ее жизнь и рассчитывается на 1 000 женщин. Самый низкий был в возрастной группе 15–19 лет (0,212), самый высокий – 70 лет и старше (2,589). При этом колебания СКР как между муниципальными образованиями, так и между возрастными группами невелики (табл. 4).

Высокий уровень рождаемости обусловлен ростом численности женщин детородного возраста и осуществлением государством политики поощрения рождаемости, в том числе в виде выдачи материнского капитала при рождении 3-го и последующего детей и возможности его использования на разные цели. Размер материнского капитала в 2015 г. составил 453,2 тыс. руб. Кроме того, в ХМАО – Югре предусмотрен региональный материнский капитал в размере 100 тыс. руб. Свыше 96% женщин в Нефтеюганске в возрасте от 15 лет указали на рождение детей. В Пыть-Яхе таких женщин 97,3%, в Нефтеюганском районе – 97,2%. Чаще всего рожали по два ребенка – 36–39%, реже – 6 детей и более – 0,2–0,4% (табл. 5). Доля бездетных женщин менее 4%.

Таблица 4

**Суммарный коэффициент рождаемости (на 1 женщину)
(на дату переписи 2010 г.) [5]**

Возрастные группы	Нефтеюганск	Пыть-Ях	Нефтеюганский район
15–19	0,288	0,332	0,212
20–24	0,388	0,441	0,485
25–29	0,867	0,999	1,081
30–34	1,295	1,469	1,499
35–39	1,554	1,691	1,718
40–44	1,679	1,803	1,866
45–49	1,801	1,910	1,948
50–54	1,891	1,987	1,966
55–59	1,972	2,035	2,091
60–64	1,956	2,000	2,127
65–69	2,012	2,118	2,088
70 лет и старше	2,395	2,409	2,589

По возрастным группам соотношение следующее. Самая малодетная группа – женщины в возрасте 15–19 лет. 94–96% женщин в этом возрасте детей не имеют, 3,5–5,1% и 0,1–0,3% – имеют двух детей. Один ребенок есть у женщин в одном из самых репродуктивных возрастов – в возрастной группе 25–29 лет, максимальное – 6 и более в позднем детородном возрасте – 45–49 лет. Больше всего детей как суммарно, так и по количеству в семье в возрастных группах 30–34 и 35–39 лет (табл. 6).

Таблица 5

**Численность женщин детородного возраста
по числу рожденных ими детей, % (на дату переписи 2010 г.) [5]**

Муниципальное образование	Количество рожденных детей						
	0	1	2	3	4	5	6 и более
Нефтеюганск	21,8	30,7	36,4	8,8	1,6	0,5	0,2
Пыть-Ях	20,4	28,8	38,4	9,8	1,7	0,5	0,4
Нефтеюганский район	19,1	28,2	39,0	10,7	1,9	0,7	0,4

Малое количество детей в семье – это не только общероссийская проблема, но и общеевропейская. Причин этому несколько: уменьшение значения количества детей в системе личностных ценностей, высокий уровень разводов, увеличение живущих незарегистрированным браком (сожительство), девальвация семейного образа жизни, непопулярность фамилизма как стиля поведения в обществе, антиценность материнства и отцовства и др.

Достаточно благополучная ситуация складывается с другой составляющей естественного движения – *уровнем смертности*. Самая низкая смертность – в Нефтеюганском районе и Пыть-Яхе, самая высокая – в Нефтеюганске. В целом в начале

третьего тысячелетия уровень смертности в Нефтеюганске районе и городских округах оставался практически стабильным, то незначительно возрастая, то незначительно снижаясь, но оставаясь ниже, чем по автономному округу (табл. 7). Смертность отмечается во всех возрастных группах. Среди взрослого населения больше всего смертей связано с болезнями системы кровообращения (43,0%), на втором месте – внешние причины смерти (21,0%) и на третьем месте – новообразования (16,1%). В трудоспособном возрасте причины смертности населения те же. Среди внешних причин смертности на первом месте фиксируется гибель от несчастных случаев, на втором – в результате дорожно-транспортных происшествий, на третьем – самоубийства. При болезнях системы кровообращения чаще всего умирали от ишемической болезни сердца. Злокачественные новообразования часто поражают органы пищеварения и органы дыхания.

Таблица 6

Распределение рожденных детей по возрастным группам женщин детородного возраста, % (на дату переписи 2010 г.) [5]

Возрастные группы	Количество детей						
	0	1	2	3	4	5	6 и более
Нефтеюганск							
15–19	94,6	5,1	0,3	—	—	—	—
20–24	66,6	28,6	4,4	0,3	0,1	—	—
25–29	34,4	47,1	16,4	1,8	0,1	...	0,2
30–34	16,6	43,9	34,0	4,8	0,6	...	0,1
35–39	9,7	37,8	42,2	8,3	1,7	0,3	...
40–44	5,6	35,7	46,8	10,1	1,5	0,2	0,1
45–49	3,7	23,5	56,6	13,7	1,9	0,4	0,2
Пыть-Ях							
15–19	95,4	4,4	0,2	...	—	—	—
20–24	62,8	31,4	5,3	0,4	0,1	—	...
25–29	28,1	48,3	20,6	2,7	0,1	—	0,2
30–34	12,1	40,0	39,6	6,9	0,9	0,2	0,3
35–39	7,1	33,4	46,1	11,1	1,7	0,5	0,1
40–44	3,5	31,7	49,2	12,4	2,7	0,4	0,1
45–49	3,6	23,8	55,8	13,2	2,8	0,5	0,3
Нефтеюганский район							
15–19	96,4	3,5	0,1	—	—	—	—
20–24	58,6	34,9	5,9	0,5	0,1	—	—
25–29	24,7	46,5	25,2	3,1	0,5	—	—
30–34	11,8	36,9	42,2	7,8	1,0	0,3	—
35–39	6,2	32,1	48,6	10,9	1,7	0,3	0,2
40–44	4,1	27,8	51,1	13,6	1,9	1,1	0,4
45–49	2,9	23,6	54,9	14,8	2,7	0,6	0,5

Средний возраст умерших от болезней составляет 71,7 года, в том числе мужчин – 56,0 лет и 76,6 года – женщин. Самая высокая смертность связана с некоторыми инфекционными и паразитарными болезнями (46,4 лет), а с болезнями системы кровообращения люди умирают в более преклонном возрасте (76,5 года). Это характерно как для мужчин, так и для женщин. Так, за 6 лет с 2007 по 2012 гг. средний возраст умерших возрос на 2,4 года. Рост продолжительности жизни произошел благодаря женщинам. Мужчины стали умирать в более молодом возрасте. Средний возраст умерших мужчин сократился почти на 7 лет. Смертность выросла по всем классам причин смерти.

Смертность отмечается и в младенческом возрасте. В отдельные годы она в 1,2–1,6 раза превышала средние значения по автономному округу. При этом самая высокая младенческая смертность в Пыть-Яхе, самая низкая – в Нефтеюганском районе. Причем в Нефтеюганском районе в 2015 г. младенческая смертность отсутствовала (табл. 8).

Таблица 7

Смертность (в расчете на 1 000 жит.), ед. [2; 3; 4]

Год	Нефтеюганск	Пыть-Ях	Нефтеюганский район	ХМАО
2001	6,9	4,2	6,2	7,1
2002	6,5	5,3	6,8	6,9
2003	6,9	5,7	5,3	6,9
2004	6,3	5,2	4,7	6,7
2005	6,6	5,5	5,1	7,1
2006	6,5	5,3	5,3	6,8
2007	6,1	5,7	5,8	6,7
2008	6,3	5,7	4,8	6,8
2009	5,7	5,4	4,7	6,6
2010	6,5	5,6	5,1	6,8
2011	6,3	5,7	4,9	6,5
2012	6,3	5,7	5,1	6,3
2013	5,9	5,4	5,4	6,3
2014	6,1	5,7	5,8	5,9
2015	5,9	5,7	5,1	6,4
Сред.	6,3	5,5	5,3	6,6

Объясняется это недостаточно высоким уровнем развития здравоохранения в муниципальных образованиях (недостаточная, а зачастую слабая техническая оснащённость палат интенсивной терапии и реанимации), ростом хронических заболеваний родителей, прежде всего рожениц и матерей, сокращающимися возможностями предоставления бесплатной профилактической и медицинской помощи населению, низкая квалификация медперсонала и др. Иногда во время родов случается смерть матерей. К счастью, материнская смертность невысока и снижается год от года, а в отдельные годы, как это случилось в 2012 г., она отсутствовала.

Таблица 8

Младенческая смертность (в расчете на 1 000 жит.), ед. [2; 3; 4]

Год	Нефтеюганск	Пыть-Ях	Нефтеюганский район	ХМАО
2001	7,9	—	9,9	9,3
2002	7,8	13,8	9,8	8,8
2003	4,5	11,9	3,6	7,8
2004	10,4	8,1	3,5	6,9
2005	5,2	12,4	7,4	7,3
2006	6,1	6,4	3,7	7,5
2007	3,4	7,8	7,3	5,6
2008	3,0	6,2	5,4	5,2
2009	3,5	2,9	3,2	4,0
2010	3,3	7,3	3,5	4,3
2011	5,4	7,2	5,1	5,2
2012	5,7	2,6	4,9	4,5
2013	6,1	5,1	3,8	5,4
2014	2,6	1,3	8,9	4,4
2015	5,7	2,7	—	4,9
Сред.	5,4	6,4	5,3	6,1

Среди причин младенческой смертности на первом месте стоят болезни перинатального периода, на втором – врожденные аномалии, деформация и хромосомные нарушения, на третьем – инфекционные и паразитарные болезни (табл. 9).

Таблица 9

**Младенческая смертность в ХМАО–Югре по основным классам болезней
(на 10 000 родившихся живыми) [2; 3; 4]**

Классы болезней	Годы						
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
От всех причин, в т.ч.	40,1	42,6	52,2	45,3	54,0	44,4	49,59
– некоторые инфекционные и паразитарные болезни	2,1	0,8	3,6	1,8	3,2	1,8	0,74
– болезни органов дыхания	3,4	2,0	7,1	2,9	1,8	2,8	2,22
– врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения	12,2	12,1	13,8	9,1	7,9	10,5	12,95
– отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде	13,1	21,7	13,4	19,7	30,6	21,3	12,74
– внешних причин смерти	2,1	2,8	3,2	3,3	2,5	2,9	4,82

Превышение рождаемости над смертностью обусловило положительный естественный прирост населения в муниципальных образованиях, который в среднем составил 8,5. Это несколько превышает средние значения по автономному округу. При этом самый низкий естественный прирост отмечался в Нефтеюганске (7,1), самый высокий – в Пыть-Яхе (10,7).

За 15 лет начала XXI в. естественный прирост населения в городах вырос, в районе – сократился (табл. 10). Самый высокий естественный прирост населения среди поселений Нефтеюганского района в 2013 г. был в Лемпино и Чеускино, в 2014 г. – в Салыме, в 2015 г. – в Пойковском. В целом в поселениях отмечается неустойчивый естественный прирост населения (табл. 11).

Таблица 10

Естественный прирост (в расчете на 1 000 жит.), ед. [2; 3; 4]

Год	Нефтеюганск	Пыть-Ях	Нефтеюганский район	ХМАО
2001	4,5	8,0	9,0	6,5
2002	6,0	8,5	8,2	6,5
2003	5,5	8,3	7,4	6,8
2004	5,8	9,7	7,4	7,2
2005	5,4	10,2	6,4	6,4
2006	4,8	9,6	6,2	6,9
2007	7,1	9,8	5,8	7,9
2008	8,1	10,0	7,1	8,5
2009	5,9	11,1	9,2	9,1
2010	8,4	10,9	7,5	9,6
2011	8,6	11,3	8,7	9,9
2012	9,5	12,9	8,9	11,4
2013	10,0	14,0	7,6	11,2
2014	9,2	13,5	6,9	10,0
2015	9,9	12,0	7,0	10,1
Сред.	7,2	10,7	7,6	8,5

Таблица 11

**Показатели естественного движения населения Нефтеюганского района
по поселениям в 2013–2015 гг. (в расчете на 1 000 жит.), ед. [1]**

Поселение	Рождаемость			Смертность			Естественный прирост		
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Каркатеевы	8,5	7,9	10,1	6,2	6,8	9,0	2,3	1,1	1,1
Куть-Ях	16,0	10,6	11,5	6,3	7,7	6,2	9,7	4,9	5,3
Лемпино	17,3	13,2	9,2	2,2	6,6	9,2	15,1	6,6	0,0
Пойковский	12,6	11,7	12,0	5,3	5,1	4,3	7,3	6,6	7,7
Салым	11,8	13,3	12,5	5,3	5,6	5,0	6,5	7,7	7,5
Сентябрьский	9,0	9,8	11,5	5,9	3,3	5,8	5,9	6,5	5,7
Усть-Юган	12,9	13,1	10,5	9,2	9,8	5,0	3,7	3,3	5,5
Чеускино	18,5	15,6	н/д	6,5	10,1	н/д	12,0	5,5	н/д

Начало XXI в. в геодемографическом отношении оказалось благоприятным для жителей Нефтеюганского района, г. Нефтеюганска и г. Пыть-Яха, территориально расположенных на территории вышеназванного района. В большинстве муниципальных образованиях отмечается рост численности населения, и во всех – показатели естественного прироста. Основная причина – стабильная экономическая ситуация, а также меры поощрительного характера в виде материальных выплат из федерального и регионального бюджетов по стимулированию роста рождаемости. Другим важным направлением роста численности населения стали меры, направленные на повышение продолжительности жизни за счет снижения смертности и причин, вызывающих преждевременную смертность. Устойчивая динамика прироста населения позволяет обеспечить потребности экономики в местных трудовых ресурсах. Это обстоятельство надо принимать во внимание при разработке документов стратегического и территориального планирования.

Литература

1. БД ПМО Тюменской области // Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=716100002011 (дата обращения: 28.07.2016).
2. Демографический ежегодник (1999–2004): стат. сб. в 2 томах. Т. 1 Естественное движение и миграция населения / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2003. 508 с.
3. Демографический ежегодник (2003–2013). Стат. сб. в 4 частях. Ч. II. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2015. 315 с.
4. Демографический ежегодник (2012–2016): Стат. сб. в 3 частях. Ч. II. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2016. 347 с.
5. Итоги Всероссийской переписи населения – 2010: стат. сб. в 10 частях. Ч. 10. Т. II. Состояние в браке. Рождаемость населения в Тюменской области. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2013. 210 с.
6. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2016 года / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М. : 2016. 581 с.

*Солодовников А. Ю.
Solodovnikov A. Yu.*

**БРАКИ И РАЗВОДЫ В НЕФТЕЮГАНСКОМ РАЙОНЕ:
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**THE MARRIAGE AND DIVORCE PROCESSES
IN THE NEFTEYUGANSK DISTRICT: DEMOGRAPHIC ANALYSIS**

Статья посвящена сложившейся ситуации с браками и разводами в Нефтеюганском районе в начале XXI в. Население Нефтеюганского района, а также расположенных на его территории самостоятельных муниципальных образований – городского округа г. Нефтеюганск и городского округа г. Пыть-Ях – в основном, пришлое. Предпосылками его формирования стала нефтяная промышленность, история которой относится к началу 1960-х годов. Возникновение других отраслей также обусловлено извлечением углеводородов. Население, задействованное на производстве, возвело новые поселки и города. По этой причине большинство населения составляют городские жители. Жителей ряда поселков по образу жизни также можно отнести к городским. В сельской местности проживают коренные малочисленные народы Севера, а также часть пришлого населения, занимающаяся агропромышленным хозяйством и обслуживанием небольших объектов промышленности и транспортной инфраструктуры. При этом показатели брачности и разводимости для городского и сельского населения отличаются, отличаются они и в национальном аспекте.

This paper is devoted to the marriage and divorce statistics in the Nefteyugansk district at the early years of 21 century. The population of the Nefteyugansk district and independent municipal units on its territory – the urban districts Nefteyugansk and Pyt-Yakh – is basically newly-arrived. The premise of the formation is the oil industry, which refers back to the early 1960th. The development of other industries is bound to the hydrocarbons' extraction. The people working at factories have settled new towns and cities. For this reason the majority of the population is the city inhabitants. The countryside livers by their lifestyle can be referred to city inhabitants. The Indigenous low-numbered minorities of the North and also a group of the newly-arrived people involved into agro-industry and serving small industrial units and transport infrastructure, live in the countryside. The marriage and divorce rates differ in rural and city population, but also they differ in the ethnical aspect.

Ключевые слова: браки, разводы, брачность, разводимость, возрастные группы, мужчины, женщины, национальности.

Keywords: marriages, divorces, marriage rate, divorce rate, age groups, men, women, nationalities.

Браки и разводы в воспроизводстве населения играют важную роль: чем больше браков и меньше разводов, чем больше показатель брачности, тем благоприятнее демографическая ситуация в обществе и тем устойчивее состояние семьи как социального института. В свою очередь, чем крепче семья, тем устойчивее общество в целом. В реальной жизни не все так гладко. Параллельно с официальными браками часть граждан (по разным причинам) отказывается от официальной регистрации брака, т.е. сожительствует. Это свидетельствует об углубляющемся кризисе семьи, о деградации ценностей фамелизма, результатом которой является обострение общественного неблагополучия, нарастание девиантных форм социального поведения. Одним из внешних атрибутов сожительства является увеличение числа и доли внебрачных рождений, что

само по себе порождает многочисленные социальные проблемы, связанные в первую очередь с неполноценной социализацией детей из так называемых «материнских» семей. Определенный вклад в такую ситуацию вносят и разводы, число которых, к сожалению, постоянно возрастает. Такая ситуация характерна для всех территорий, прежде всего городских, или территорий, в которых сложился городской образ жизни. Но и здесь есть свои особенности, связанные с укладом жизни и национальными обычаями народов. Большая часть населения, проживающая в Нефтеюганском районе, Нефтеюганске и Пыть-Яхе, относится к городскому населению, а значит, к пришлому населению. Для него характерны менее устойчивые семейные узы, что проявляется в том числе в повышенной доле разводов. Для коренного населения Севера, уроженцев Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии характерны более патриархальные традиции, способствующие сохранению брака, и поэтому разводов гораздо меньше.

В начале XXI в. количество браков в Нефтеюганске и Пыть-Яхе практически не выросло, в Нефтеюганском районе – сократилось. Больше всего браков было зарегистрировано в Нефтеюганске в 2007 г. (11,7), в Пыть-Яхе – в 2011 г. (12,5), в Нефтеюганском районе – в 2001 г. (13,9), разводов – в Нефтеюганском районе (10,0, 2001 г.), в Пыть-Яхе (8,4, 2002 г.), в Нефтеюганске (по 8,2, 2001–2002 гг.). Число разводов остается высоким: от 61,4% – в Пыть-Яхе, 63,2 % – в Нефтеюганске, до 70% – в Нефтеюганском районе. В Нефтеюганске и Нефтеюганском районе во все годы уровень разводов превышает 50%. В Пыть-Яхе уровень разводов также превышает 50%, и лишь единожды опустился ниже 50%. В целом по числу зарегистрированных браков и количеству разводов муниципальные образования имеют показатели сопоставимые с показателями соседних муниципальных образований и автономного округа (табл. 1).

Таблица 1

Число зарегистрированных браков и разводов (в расчете на 1 000 жит.), ед. [1; 2; 3]

Год	Брак				Разводы				Разводы, %			
	Нефте-юганск	Пыть-Ях	Нефтеюган-ский район	ХМАО	Нефте-юганск	Пыть-Ях	Нефтеюган-ский район	ХМАО	Нефте-юганск	Пыть-Ях	Нефтеюган-ский район	ХМАО
2001	10,0	11,6	13,9	10,8	2,9	6,1	10,0	8,2	29,0	52,6	71,9	75,9
2002	9,8	11,0	13,5	10,4	8,2	8,4	9,9	9,2	83,7	76,4	73,3	88,5
2003	8,9	9,9	8,4	10,0	8,2	7,8	6,9	9,1	92,1	78,8	82,1	91,0
2004	7,6	8,6	6,5	8,4	5,8	7,2	5,7	7,2	76,3	83,7	87,7	85,7
2005	8,7	10,0	7,9	9,7	5,3	6,3	4,8	6,7	60,9	63,0	60,8	69,0
2006	10,8	11,2	7,6	10,5	6,2	6,6	5,1	6,9	57,4	58,9	67,1	65,7
2007	11,7	10,8	8,4	11,5	6,1	7,3	5,4	7,0	52,1	50,0	64,3	60,9
2008	11,3	10,9	9,4	10,6	7,1	7,2	5,6	7,1	62,8	66,0	59,6	67,0
2009	10,5	10,8	9,4	10,8	7,1	5,8	6,4	7,2	67,6	53,7	68,1	66,4
2010	11,6	10,5	8,9	11,3	6,5	6,4	6,3	7,1	56,0	61,0	70,8	62,8
2011	11,8	12,5	9,1	12,0	6,7	6,6	6,5	7,1	56,8	52,8	71,4	59,2
2012	9,5	11,9	8,3	10,6	6,5	6,2	5,6	6,6	68,4	52,1	67,5	62,3
2013	10,0	10,9	8,0	10,5	5,8	5,3	4,7	6,3	58,0	48,6	58,7	60,0
2014	9,1	10,8	8,4	9,2	5,9	6,1	4,7	5,8	64,8	56,5	56,0	63,0
2015	8,3	8,7	6,5	9,1	5,2	3,6	4,6	5,6	62,7	41,0	41,7	61,5
Сред.	10,0	10,7	8,9	10,4	6,2	6,5	6,2	7,1	63,2	59,7	66,7	69,3

В браке состоит свыше 68% населения Нефтеюганского района, 65% – Нефтеюганска и почти 70% – Пыть-Яха в возрасте от 16 лет и более. При этом в Нефтеюганском районе и Пыть-Яхе свыше 88% населения проживают в зарегистрированном браке, в Нефтеюганске – 85%. Во всех муниципальных образованиях мужчин, состоящих в браке больше, чем женщин: на 2,5% – в Нефтеюганском районе, 3,2% – в Пыть-Яхе и 4,7% – в Нефтеюганске. В то же время женщин больше, чем мужчин в зарегистрированном браке. Только в Пыть-Яхе мужчин и женщин, состоящих в зарегистрированном браке, одинаковое количество (табл. 2). Среди самых многочисленных национальностей наибольший показатель состоящих в браке среди мужчин в Нефтеюганске – у немцев и мордвы, среди женщин – у чеченцев и лезгин, в Пыть-Яхе и Нефтеюганском районе как среди мужчин, так и среди женщин – у манси (100%). Самый низкий показатель состоящих в браке среди мужчин в Нефтеюганске – у ханты и манси, в Пыть-Яхе – у узбеков и немцев, в Нефтеюганском районе – у киргизов и

казахов. В Нефтеюганске в зарегистрированном браке больше всего мужчин среди узбеков и ногайцев, женщин – среди лезгин и казахов, в Пыть-Яхе – ханты и манси, манси и киргизы (по 100%), в Нефтеюганском районе – лезгин и манси, лезгин и армян (по 100%) соответственно. Никогда не состояли в браке по 17,5% в Нефтеюганском районе и Пыть-Яхе и 19% – в Нефтеюганске. В брак реже вступали мужчины. Мужчин, не состоявших в браке, больше, чем женщин в Нефтеюганском районе на 7,9%, в Нефтеюганске – 7,8%, в Пыть-Яхе – на 7,2% (табл. 2).

Таблица 2

Распределение населения (в возрасте 16 лет и более) по состоянию в браке и полу, % (на дату переписи) [4]

Показатель		2002 г.			2010 г.		
		все население	муж.	жен.	все население	муж.	жен.
Нефтеюганский район							
Состояние в браке,		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе состоявшие в браке		68,1	68,7	67,4	68,3	69,5	67,0
в т.ч.	в зарегистрированном браке	91,0	91,3	91,6	88,1	87,7	88,6
	в незарегистрированном браке	9,0	8,7	8,4	11,9	12,3	11,4
никогда не состоявшие в браке		20,0	23,4	16,4	17,5	21,3	13,4
вдовы		4,2	1,8	6,7	5,0	1,7	8,6
разведенные официально					7,7	6,1	9,4
разошедшиеся		7,7	6,1	9,5	1,5	1,4	1,6
Нефтеюганск							
Состояние в браке,		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе состоявшие в браке		63,9	66,3	61,7	65,2	67,6	62,9
в т.ч.	в зарегистрированном браке	90,3	90,3	90,2	85,4	82,3	85,3
	в незарегистрированном браке	9,7	9,7	9,8	14,6	17,7	14,7
никогда не состоявшие в браке		20,6	24,0	17,3	19,0	23,0	15,2
Вдовы		5,4	1,9	8,8	5,9	2,1	9,5
разведенные официально					8,2	5,8	10,5
Разошедшиеся		10,1	7,8	12,2	1,7	1,5	1,8
Пыть-Ях							
Состояние в браке,		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе состоявшие в браке		70,5	72,1	68,9	69,5	71,1	67,9
в т.ч.	в зарегистрированном браке	90,8	93,4	90,8	88,3	88,4	88,3
	в незарегистрированном браке	9,2	6,6	9,2	11,7	11,6	11,7
никогда не состоявшие в браке		18,2	21,2	15,3	17,5	21,1	13,9
вдовы		3,3	1,0	5,7	4,3	1,5	7,0
разведенные официально					7,7	5,3	9,9
разошедшиеся		8,0	5,8	10,1	1,1	0,9	1,3

В Нефтеюганске среди мужчин больше всего не состоявших в браке таджиков и ханты, в Пыть-Яхе – киргизов и ханты, в Нефтеюганском районе – ногайцев и ханты, среди женщин – манси и киргизов, киргизов и узбеков, киргизов и армян соответственно. В Пыть-Яхе и Нефтеюганском районе все манси состоят в браке (табл. 3). Доля вдовых колеблется от 4,3% (в Пыть-Яхе) до 5,9% (в Нефтеюганске). Причем во вдовстве женщин значительно больше, чем мужчин. Так, в Нефтеюганском районе и в Нефтеюганске вдовых женщин больше, чем мужчин в 4,8 раза, в Пыть-Яхе – в 4,7 раза. Больше всего вдовых в Нефтеюганске среди украинцев и армян, в Пыть-Яхе – мордвы и немцев, в Нефтеюганском районе – белорусов и киргизов. В разводе находится 9,0–9,5% населения детородного возраста. Среди мужчин больше всего разведенных в Нефтеюганском районе, среди

женщин – в Нефтеюганске. Самый высокий процент разведенных в Нефтеюганске среди молдаван и манси, в Пыть-Яхе – мордвы и белорусов, в Нефтеюганском районе – немцев и украинцев (табл. 3).

Таблица 3
Распределение населения наиболее многочисленных национальностей (в возрасте 16 лет и более) по состоянию в браке, %
(на дату переписи) [5]

Национальность	Состоящие в браке		из них				Не состоящие в браке		Разведенные официально		Разошедшиеся		Вдовье	
	муж	жен	в зарегистр.		в незарегистр.		муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
Нефтеюганск														
Русские	66,2	61,2	84,7	84,6	15,3	15,4	24,3	15,8	6,0	11,2	1,4	1,9	2,1	9,9
Татары	68,4	64,7	86,6	85,3	13,4	14,7	23,6	11,8	5,2	9,4	1,0	1,7	1,8	9,4
Украинцы	77,3	65,9	87,5	88,1	12,5	11,9	12,2	7,6	6,6	12,7	1,1	1,5	2,8	12,3
Башкиры	67,9	67,0	86,7	87,6	13,3	12,4	22,5	13,6	6,6	8,8	1,0	1,4	2,0	9,2
Азербайджанцы	72,1	81,1	88,1	91,6	11,9	8,4	23,6	16,2	2,7	0,9	0,9	0,3	0,7	1,5
Ханты	50,0	62,8	71,4	74,7	28,6	25,3	36,9	13,3	6,0	10,6	1,1	4,4	6,0	8,9
Белорусы	78,9	61,6	88,4	86,5	11,6	13,5	10,0	8,3	7,0	12,8	0,3	1,3	3,8	16,0
Кумыки	72,5	76,0	85,4	88,6	14,6	11,4	23,2	16,8	3,0	4,3	0,2	0,9	1,1	2,0
Чуваши	77,1	71,7	87,0	86,4	13,0	13,6	15,8	11,5	4,7	6,1	0,4	1,4	2,0	9,3
Лезгины	77,2	81,7	88,1	92,5	11,9	7,5	20,4	12,7	1,6	4,1	0,4	1,0	0,4	0,5
Манси	56,0	50,0	85,7	92,3	14,3	7,7	28,0	23,1	12,0	11,5	4,0	3,8	–	11,6
Узбеки	75,4	72,4	89,2	91,6	10,8	8,4	20,7	15,5	2,1	6,9	0,4	1,9	1,4	3,3
Таджики	63,4	72,3	88,5	87,9	11,5	12,1	29,2	15,4	3,9	7,2	1,5	2,6	2,0	2,5
Молдаване	73,8	70,9	86,9	83,7	13,1	16,3	15,2	10,4	8,0	10,4	0,8	1,6	2,2	6,7
Марийцы	74,4	69,6	83,0	84,0	17,0	16,0	15,6	10,6	5,2	8,2	1,6	2,9	3,2	8,4
Чеченцы	71,0	81,0	77,3	84,8	22,7	15,2	24,2	13,5	3,2	1,8	1,1	–	0,5	3,7
Немцы	80,6	66,7	85,3	90,8	14,7	9,2	12,9	10,3	3,2	9,7	1,1	1,0	2,2	12,3
Армяне	70,5	65,4	82,6	87,3	17,4	12,7	24,6	11,9	1,6	7,1	0,8	1,2	2,5	14,4
Ногайцы	74,5	73,6	91,5	88,5	8,5	11,5	19,1	18,9	2,7	4,7	2,7	1,9	1,0	0,9
Киргизы	70,8	54,1	80,4	78,3	19,6	21,7	27,7	25,9	–	15,3	1,5	4,7	–	–
Мордва	84,4	61,4	88,8	84,3	11,2	15,7	8,4	10,8	4,7	10,8	0,7	12,0	1,8	5,0
Казахи	76,0	67,2	79,6	92,7	20,4	7,3	17,8	20,5	3,1	5,7	0,8	1,6	2,3	5,0
Пыть-Ях														
Русские	68,9	65,7	88,4	87,9	11,6	12,1	21,9	14,5	6,5	11,1	1,0	1,3	1,7	7,4
Татары	72,6	69,3	88,2	87,6	11,8	12,4	21,3	15,2	4,3	9,0	0,8	0,5	1,0	6,0
Украинцы	78,7	69,1	90,2	90,2	9,8	9,8	13,5	9,3	5,4	12,0	0,8	1,4	1,6	8,2
Башкиры	72,8	70,0	91,0	88,6	9,0	11,4	21,8	12,6	3,1	8,8	0,8	1,8	1,5	6,8
Азербайджанцы	72,6	83,1	90,2	91,7	9,8	8,3	24,8	15,0	1,6	0,6	0,5	0,3	0,5	1,0
Ханты	57,1	73,7	100,0	85,7	–	14,3	42,9	5,3	–	10,4	–	5,3	–	5,3
Белорусы	77,2	65,5	85,2	91,8	14,8	8,2	7,6	12,2	12,0	10,1	1,3	0,7	1,9	11,5
Кумыки	70,9	73,9	85,8	84,9	14,2	15,1	26,3	16,5	1,4	4,8	1,0	1,0	0,4	3,8
Чуваши	79,2	76,0	91,3	90,8	8,7	9,2	13,8	12,8	5,0	5,4	0,5	0,8	1,5	5,0
Лезгины	75,0	77,7	91,2	93,4	8,8	6,4	23,5	12,0	0,5	5,1	0,5	0,6	0,5	4,6
Манси	100,0	100,0	100,0	100,0	0,0	0,0	–	–	–	–	–	–	–	–
Узбеки	78,0	63,9	88,7	94,9	11,3	5,1	15,4	24,6	3,3	4,9	2,2	3,3	1,1	3,3
Таджики	70,8	80,3	92,9	86,0	7,1	14,0	22,5	14,1	5,1	2,8	0,8	–	0,8	2,8
Молдаване	75,8	70,9	85,6	88,5	14,4	11,5	15,6	15,3	6,2	8,2	1,4	2,0	1,0	3,6
Марийцы	75,6	78,9	88,1	88,3	11,9	11,7	19,2	7,9	1,3	6,6	–	–	3,9	6,6
Чеченцы	75,4	73,6	78,7	83,8	21,3	16,2	23,8	17,2	0,4	1,8	–	2,6	0,4	4,8
Немцы	74,4	64,1	91,8	90,2	8,2	9,8	15,9	12,5	7,3	9,4	–	–	2,4	14,0
Армяне	65,2	73,7	71,1	78,6	28,9	21,4	30,4	15,8	4,4	3,5	–	1,6	–	4,8
Ногайцы	69,7	80,2	90,4	89,6	9,6	10,4	26,9	9,4	2,5	6,3	–	–	0,9	4,1
Киргизы	61,9	56,2	92,3	100,0	7,7	–	38,1	21,9	–	6,2	–	–	3,1	–
Мордва	87,0	71,1	77,5	90,6	22,5	9,4	4,4	6,7	8,6	6,7	–	2,2	–	13,3
Казахи	65,8	60,5	88,9	87,0	11,1	13,0	31,7	18,4	–	10,6	–	2,7	2,5	7,9
Нефтеюганский район														
Русские	68,4	65,9	86,6	88,0	13,4	12,0	21,9	13,9	6,4	9,5	1,6	1,6	1,7	9,1
Татары	70,3	67,8	90,1	89,1	9,9	10,9	22,5	13,4	4,8	9,7	0,7	1,4	1,7	7,7
Украинцы	74,3	69,4	89,7	89,5	10,3	10,5	14,7	9,1	8,1	11,6	1,1	1,5	1,8	8,4
Башкиры	67,1	68,7	90,1	87,8	9,9	12,2	24,6	12,3	6,8	9,2	0,9	1,1	0,6	8,7
Азербайджанцы	72,9	76,5	87,8	91,5	12,2	8,5	23,1	17,0	2,0	3,9	1,2	–	0,8	2,6
Ханты	48,2	57,6	67,3	79,5	32,8	20,5	41,2	18,8	3,5	3,5	4,4	7,6	2,7	12,5
Белорусы	78,3	72,6	84,2	93,3	15,8	6,7	8,5	5,6	6,2	8,1	1,6	1,6	5,4	12,1
Кумыки	73,4	74,1	95,5	93,3	4,5	6,7	21,1	16,0	3,3	6,2	1,1	2,5	1,1	1,2
Чуваши	77,8	74,4	90,7	91,9	9,3	8,1	15,9	8,0	4,8	8,0	0,5	1,0	1,0	8,6
Лезгины	71,5	79,7	98,1	100,0	1,9	0,0	23,8	17,1	2,6	2,4	–	0,8	2,1	–
Манси	100,0	100,0	100,0	60,0	0,0	40,0	–	–	–	–	–	–	–	–
Узбеки	65,9	76,5	90,2	90,8	9,8	9,2	32,3	10,9	0,6	5,9	0,6	0,8	0,6	5,9
Таджики	68,7	75,2	87,0	92,6	13,0	7,4	24,4	17,6	1,5	5,6	3,0	–	2,4	1,6
Молдаване	78,2	74,1	84,8	93,3	15,2	6,7	13,9	9,9	4,0	8,6	1,0	1,2	2,9	6,2
Марийцы	72,9	68,5	93,3	92,9	6,7	7,1	22,1	12,6	1,7	6,3	1,7	1,4	1,6	11,2
Чеченцы	66,0	66,0	92,6	93,8	7,4	6,2	20,4	20,6	12,6	6,2	1,0	2,1	–	5,1
Немцы	74,1	63,6	85,7	87,8	14,3	12,2	15,3	5,2	8,2	11,7	–	3,9	2,4	17,1
Армяне	76,9	61,9	85,0	100,0	15,0	0,0	19,2	28,7	3,9	4,7	–	–	–	4,7
Ногайцы	58,3	72,2	78,6	92,3	21,4	7,3	33,3	11,1	4,2	5,6	–	–	4,2	11,1
Киргизы	60,0	55,6	72,2	70,0	27,8	30,0	20,0	27,8	13,3	–	–	5,6	6,7	11,0
Мордва	84,1	69,1	93,7	91,0	6,3	9,0	11,5	12,3	3,5	9,3	–	–	0,9	9,3
Казахи	57,6	57,5	88,2	87,0	11,8	13,0	25,4	20,0	11,9	12,5	1,7	–	3,4	10,0

По сравнению с переписью населения 2002 г. ситуация в брачной структуре населения изменилась незначительно. Колебания между основными брачными категориями составляют менее 3,0% (табл. 2).

Таблица 4

Распределение населения (в возрасте 16 лет и более) по состоянию в браке по возрастным группам, % (на дату переписи 2010 г.) [4]

Состояние в браке	Возрастные группы, лет						
	16 и старше	20–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше
Нефтеюганский район							
Мужчины	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
– никогда не состоявшие в браке	99,3	75,7	32,8	8,4	2,4	0,9	1,3
– состоявшие в браке	0,7	22,9	61,7	80,6	87,1	87,0	78,8
– вдовы		...	0,2	0,3	1,0	3,2	13,9
– разведенные и разошедшиеся		1,4	5,3	10,7	9,5	8,9	6,0
Женщины	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
– никогда не состоявшие в браке	90,8	46,5	13,6	5,4	1,0	1,2	0,8
– состоявшие в браке	8,8	49,0	75,8	80,8	79,8	70,7	41,1
– вдовы		...	0,9	1,6	5,2	14,6	47,3
– разведенные и разошедшиеся	0,4	4,5	9,7	12,2	14,0	13,5	10,8
Нефтеюганск							
Мужчины	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
– никогда не состоявшие в браке	97,9	74,6	35,6	12,3	3,4	1,4	1,0
– состоявшие в браке	2,1	23,8	58,2	76,8	85,6	87,2	79,0
– вдовы	...	...	0,1	0,4	1,0	3,4	14,6
– разведенные и разошедшиеся	...	1,6	6,1	10,5	10,0	8,0	5,4
Женщины	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
– никогда не состоявшие в браке	89,4	49,7	20,5	8,4	3,3	2,0	1,4
– состоявшие в браке	10,1	45,9	68,1	74,9	75,7	69,3	40,4
– вдовы	...	0,2	0,8	1,5	4,8	13,8	47,7
– разведенные и разошедшиеся	0,5	4,2	10,6	15,2	16,2	14,9	10,5
Пыть-Ях							
Мужчины	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
– никогда не состоявшие в браке	98,3	74,5	32,4	8,4	1,7	1,1	0,4
– состоявшие в браке	1,7	24,2	60,6	82,7	90,0	89,1	80,2
– вдовы				0,3	1,0	2,9	13,4
– разведенные и разошедшиеся	...	1,3	7,0	8,6	7,3	6,9	6,0
Женщины	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
– никогда не состоявшие в браке	88,3	48,0	17,5	5,5	2,2	1,4	1,0
– состоявшие в браке	11,5	47,9	70,6	80,0	80,0	72,7	41,8
– вдовы			0,7	1,7	5,0	12,6	43,4
– разведенные и разошедшиеся	0,2	4,1	11,2	12,8	12,8	13,3	13,8

Принято считать, что для девушек оптимальный возраст вступления в брак 20–24 года, а для юношей – в 24–28 лет. В Нефтеюганском районе и городах сложился следующий возраст вступления в брак. До 20 лет мужчины в браке почти не состоят, в то

время как женщин этого возраста в браке уже 9–11%. К 25 годам в Нефтеюганском районе в браке около 23% мужчин и почти половина женщин, в Нефтеюганске – 24 и 46%, в Пыть-Яхе – 24 и 48%. Самая высокая доля женатых мужчин отмечается в возрастной группе 50–59 лет (87–89%), замужних женщин – 40–49 лет (76–80%) (табл. 4).

Вдовы появляются практически уже в ранних брачных группах. Так, среди женатых мужчин в Нефтеюганском районе они встречаются после 20 лет, в Нефтеюганске – в первой возрастной группе, а в Пыть-Яхе – после 30 лет, среди женщин – после 20 лет, 16 лет и 25 лет соответственно. Причем во всех возрастных группах вдовых женщин больше, чем вдовых мужчин в разы. Особенно велика доля вдовых среди женщин старше 65 лет. В этой возрастной группе, находящихся во вдовстве женщин больше, чем состоящих в браке, в 1,2 раза в Нефтеюганском районе и в Нефтеюганске и в 1,1 раза – в Пыть-Яхе. Мужчин вдовцов в этом возрасте меньше, чем состоящих в браке, в 7,2 в Нефтеюганском районе, в 6,6 раза – в Нефтеюганске и в 7,5 раза – в Пыть-Яхе и в 5,1 раза, 4,8 раза и 4,4 раза меньше, чем вдовых женщин, соответственно.

Первые разводы среди мужчин отмечаются в Нефтеюганске и Пыть-Яхе в первой брачной категории (16–19 лет), в Нефтеюганском районе – после 20 лет, у женщин – в первой брачной категории во всех муниципальных образованиях. В последующем разводы присутствуют во всех возрастных группах. Почти во всех возрастных категориях разведенных и разошедшихся мужчин больше, чем женщин. Только в Пыть-Яхе в возрастной группе от 65 лет и старше разведенных (разошедшихся) женщин больше, чем мужчин. Самый большой разрыв разведенных и разошедшихся женщин по отношению к мужчинам – в возрастных группах от 16 до 24 лет и старше 65 лет (в 3 и 4 раза соответственно) (табл. 5).

Таблица 5

**Доля разведенных (разошедшихся) ко всему населению, %
(на дату переписи 2010 г.) [4]**

Возр. группа, лет	Все население	В том числе					
		мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
		Нефтеюганский р-н		Нефтеюганск		Пыть-Ях	
16–19	100,0	0,0	100,0	7,7	92,3	33,3	66,7
20–24	100,0	27,0	73,0	27,2	72,8	23,2	79,8
25–29	100,0	38,4	61,6	36,4	63,6	37,9	62,1
30–34	100,0	49,7	50,3	42,4	57,6	41,5	58,5
35–39	100,0	48,9	51,1	39,2	60,8	35,0	65,0
40–44	100,0	46,3	53,7	40,5	59,5	36,9	63,1
45–49	100,0	41,0	59,0	33,6	66,4	34,3	65,7
50–54	100,0	42,2	57,8	33,9	66,1	33,9	66,1
55–59	100,0	35,3	64,7	33,1	66,9	33,3	66,7
60–64	100,0	32,6	67,4	29,9	60,1	28,8	71,2
> 65 лет	100,0	19,5	80,5	19,1	80,9	53,6	46,4

Таким образом, в начале XXI в. ситуация с браками и разводами на территории Нефтеюганского района, г. Нефтеюганск и г. Пыть-Ях сложилась следующая:

1. По всем муниципальным образованиям снижается число зарегистрированных браков, и по их числу Нефтеюганск и Нефтеюганский район уступают средним значениям по ХМАО-Югре, а Пыть-Ях – превосходит. С разводами ситуация иная. В Пыть-Яхе и Нефтеюганском районе они сокращаются (в 1,3 раза и 1,7 раза соответственно), в Нефтеюганске – растут (в 2,2 раза).

2. Значительная доля населения в возрасте от 16 лет и выше не состоит в браке. Таких в Нефтеюганске 32%, в Нефтеюганском районе – 35%, в Пыть-Яхе – 30%. В Нефтеюганске и Пыть-Яхе почти 9/10 состоит в зарегистрированном браке,

в Нефтеюганском районе чуть меньше – 85%. При этом женщин, состоящих в зарегистрированном браке, несколько больше, чем мужчин. Самый высокий показатель состоящих в браке как среди мужчин, так и среди женщин у манси – 100%. Чуть меньше у чеченцев и лезгин. В целом в разводе находится 9–9,5% населения детородного возраста.

3. От 5 до 6% населения вдовы. Нет вдовых у мужчин: в Нефтеюганске – манси и киргизов, в Пыть-Яхе – ханты, армян, киргизов и мордвы, в Нефтеюганском районе – манси, чеченцев и армян. У женщин показатели более скромные. Вдовых нет в Нефтеюганске только среди киргизов, в Пыть-Яхе – манси, в Нефтеюганском районе – лезгин и манси. В Нефтеюганске среди мужчин больше всего вдовых у ханты (6%), в Пыть-Яхе – казахов (2,5%), Нефтеюганском районе – киргизов (6,7%), среди женщин – белорусов (16%) и немцев (14,0 и 17,1%) соответственно.

Литература

1. Демографический ежегодник (2001–2005): Стат. сб. в 2 томах. Т. I. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2005. 508 с.

2. Демографический ежегодник (2003–2013). Стат. сб. в 4 частях. Ч. II. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2015. 315 с.

3. Демографический ежегодник (2012–2016): Стат. сб. в 3 частях. Ч. II. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2016. 347 с.

4. Итоги Всероссийской переписи населения – 2010: стат. сб. в 10 частях. Ч. 10. Т. II. Состояние в браке. Рождаемость населения в Тюменской области. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменский области. Тюмень, 2013. 210 с.

5. Итоги Всероссийской переписи населения – 2010: стат. сб. в 11 томах. Т. 2. Состояние в браке. Рождаемость населения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре. Ханты-Мансийск, 2013. 102 с.

УДК 316.48(571.122)

Мархинин В. В. (мл.), Пуртова В. С., Ушакова Н. В.
Markhinin V. V. (jr.), Purtova V. S., Ushakova N. V.

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ:
ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ**

**ETHNIC AND CONFESSIONAL IDENTITY OF YOUTH:
FACTORS OF INTERETHNIC CONFLICTS ESCALATION AND REGULATION**

В статье анализируются данные социологических опросов, проведенных в молодежной среде Ханты-Мансийского автономного округа, по межнациональной конфликтности и этноконфессиональной идентичности. Результаты опроса позволяют сделать выводы о доминировании русской культуры как объединяющей этносы региона, а также излишней политизированности межнационального вопроса, что приводит к формированию негативных настроений к некоторым этническим группам, проживающим в регионе.

In the paper the data of sociological surveys conducted among young people of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug regarding interethnic conflicts and ethno-confessional identity is analysed. The results of the survey make it possible to draw conclusions upon the dominance of Russian culture as a unifying basis for ethnos of the region, as well as the excessive politicisation of the interethnic issue, which leads to the formation of negative sentiments towards some ethnic groups living in the region.

Ключевые слова: молодежь, этническая идентичность, культура, межнациональные отношения.

Keywords: youth, ethnic identity, culture, interethnic relations.

Представленная ниже статья обобщает данные, полученные в ходе мониторинговых исследований 2011–2016 гг. проведенных лабораторией социологических исследований Сургутского государственного университета в городских и сельских поселениях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Целью мониторинга было выявление состояния и динамики межэтнических отношений в среде молодежи. Исследование проводилось с использованием стандартного опросника среди трех категорий молодых людей – школьников, студентов и работающей молодежи.

Проблема социального неблагополучия справедливо считается одним из факторов, способных обострять социальные конфликты, в том числе и противоречия в сфере межэтнических отношений: обездоленный человек чаще склонен воспринимать положение своего этноса как ущемленное. Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении данным, этот фактор не является особенно актуальным для большинства молодых людей. Подавляющее большинство из них оценивает материальное положение как благополучное; к числу малоимущих себя (или свои семьи) отнесли лишь 2,7% опрошенных.

Удовлетворительная оценка собственного социального положения преобладает среди респондентов всех национальностей; в большинстве случаев зависимость этой оценки от их этнической принадлежности респондента не наблюдается. Единственная относительно устойчивая корреляция этничности и социального самочувствия состоит в том, что представители народов Кавказа и Средней Азии несколько чаще других демонстрируют высокую степень удовлетворенности собственным материальным положением. Принадлежность к этническим меньшинствам, сформированным миграциями

последних десятилетий, таким образом, не является фактором дискриминации и социальной стигматизации молодых югорчан.

Представленные выше данные о социальном самочувствии молодых людей задают тот контекст, в котором формируется их этническая идентичность. Каковы же ее параметры, т.е. в чем находит выражение чувство принадлежности молодого человека к своему народу?

Таблица 1

Какие традиции Вашего народа Вы соблюдаете? (%)

Ответы	%	Ответы	%
Регулярно бываю в храме, мечети	8,6	Я не придаю значения национальным традициям	24,2
Отмечаю главные религиозные праздники	49,2	Другое	0,8
Посещаю гуляния по случаю национальных праздников	10,9	Затрудняюсь ответить	2,3

Картина, представленная в таблице 1, показывает, по нашему мнению, довольно ограниченный интерес наших респондентов к этнокультурным традициям своих народов. Около четверти из них заявили об отсутствии такого интереса прямо. Весьма небольшая часть опрошенных указала на то, что практикует такую важную часть этнокультурных традиций, как религиозный культ.

подавляющее большинство респондентов (около 80%) заявило о своей приверженности к той или иной религии. Однако их конфессиональная принадлежность является в значительной степени декларативной (табл. 2).

Таблица 2

Какие требования Вашей религии Вы соблюдаете? (%)

Ответы	%	Ответы	%
Регулярно посещаю церковь или мечеть	7,8	Выполняю большую часть требований религии в повседневной жизни (соблюдаю пост, молюсь и др.)	2,3
Посещаю церковь (мечеть) от случая к случаю	18,8	Частично выполняю требования моей религии в повседневной жизни	26,6
Регулярно совершаю религиозные обряды дома	2,3	Не соблюдаю никаких требований религии	1,6
Совершаю религиозные обряды дома от случая к случаю	6,3	Затрудняюсь ответить	-

Большинство верующей молодежи не стремится связывать себя какими-либо обязательствами, обусловленными религией. По всей видимости, формы, в которых респонденты, заявившие о своей религиозности, практикуют соответствующий культ, часто не слишком сильно отличаются от отношения к религиозным обрядам, которое продемонстрировали атеисты. Так, в ходе социологического обследования школьников Нижневартовского района 23,1% неверующих признались, что они от случая к случаю посещают церковь или мечеть (этот же ответ выбрали 22,2% мусульман и 40,1% православных); 7,7% неверующих от случая к случаю совершают религиозные обряды дома (среди православных и мусульман соответственно 4,4% и 12,5%); 61,5% атеистов считают, что в своей жизни они частично выполняют требования религии (среди православных и мусульман соответственно 44,1% и 38,9%) [2, с. 93].

Одним из элементов нашего исследования был социометрический опрос, проведенный среди учащихся 9–11-х классов школ, расположенных как в крупных городах, так и в сельских поселениях. Целью опроса было выявление склонности к формированию дружеских связей и неформальных групп по принципу этнической принадлежности. Соответствующие факты не были выявлены нами ни в одном из обследованных учебных заведений. Эти наблюдения соответствуют тем, что делают непосредственно работающие со старшеклассниками учителя: практически все опрошенные нами педагоги заявили о том, что группы, формирующиеся внутри классов, почти всегда многонациональны по своему составу. По всей видимости, бытовая ксенофобия среди школьников и студентов не является серьезной проблемой (по крайней мере, пока они находятся в стенах учебного заведения).

Тем не менее в вопросах, не связанных напрямую с личным опытом общения, картина выглядит несколько иначе. Так, например, среди школьников достаточно широко распространено неприятие межнациональных браков (табл. 3).

Таблица 3

**Считаете ли Вы возможным выйти замуж за представителя /
жениться на представительнице другой национальности? (%)**

Да	Нет	Затрудняюсь ответить
53,1	24,2	21,1

Распространены и факты негативного отношения к представителям различных национальностей. Приведенная ниже таблица 4 отражает результаты опроса, проведенного среди школьников Сургутского района в 2015 г.:

Таблица 4

Как вы относитесь к представителям следующих национальностей? (%)

Этническая принадлежность	Положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно
Русские	88,3	7,8	0,8	2,3
Татары	66,4	23,4	4,7	5,5
Народы Средней Азии	46,9	39,1	7,0	5,5
Народы Кавказа	41,1	28,1	21,1	8,6
Коренные народы Севера	52,3	32,0	4,7	5,5
Украинцы	48,4	20,3	13,3	15,6

Примечательными в показанном выше распределении ответов являются данные о широком распространении негативного отношения к украинцам, составляющим, кстати говоря, весьма значительную часть населения района и округа в целом. Представленные данные, по нашему мнению, наглядно иллюстрируют потенциал роста межэтнической конфликтности под влиянием политической и информационной повестки. Негативное отношение к представителям этого этноса получило распространение после и, вероятно, вследствие известных событий на Донбассе, широко освещаемых в СМИ и в сетевом пространстве; в более ранние периоды ничего подобного не наблюдалось.

Этот сдвиг в общественном мнении молодых людей на сегодняшний день еще, по всей видимости, не реализовался в каких-либо конфликтных эксцессах, тем не менее следует признать, что подобное состояние общественного мнения в целом способствует росту ксенофобских и националистических настроений внутри обеих сторон потенциального конфликта. Определенная часть молодежи вполне способна стать аудиторией, в среде которой пропаганда националистических организаций найдет сочувствие:

Таблица 5

Как Вы относитесь к националистическим организациям, то есть к тем, кто выступает за интересы только одной нации, например Вашей, и противопоставляет ее другой? (%)

Ответы	%	Ответы	%
Положительно	9,4	Скорее отрицательно	14,8
Скорее Положительно	3,1	Отрицательно	44,5
Равнодушно	21,9	Затрудняюсь ответить	4,7

Молодые люди всех национальностей достаточно часто отмечают наличие в обществе националистических и экстремистских настроений (табл. 6).

Таблица 6

Случалось ли Вам сталкиваться с проявлениями экстремизма, национализма? (%)

Да, это часто происходит	Да, это иногда происходит	Нет, ничего подобного не происходит	Не знаю, что это такое	Затрудняюсь ответить
12,1	43,8	29,4	5,0	9,4

Большое значение в описанной выше ситуации имеют факторы, способные объединять многонациональную по своему составу молодежь. Важнейшим из них, как показывают полученные нами данные, является принадлежность к пространству русской культуры (табл. 7).

Таблица 7

Как вы относитесь к русским национальным традициям и русской культуре в целом? (%)

Ответы	%	Ответы	%
Отношусь с уважением и считаю, что русская культура должна занимать главное место	50,8	Я плохо знаю русские традиции и русскую культуру	11,7
Отношусь с уважением, но считаю, что русская культура не должна претендовать на особое положение	21,1	Другое	3,1
Русская культура мне безразлична	4,7	Затрудняюсь ответить	7,8

Среди респондентов из числа представителей славянских народов доля тех, кто отводит русской культуре ведущую в жизни общества роль, несколько выше (70%); распределения ответов на этот вопрос среди респондентов из числа народов Кавказа и Средней Азии примерно соответствует среднему значению, показанному в таблице; несколько меньше тех, кто считает, что русская культура должна занимать ведущее положение, среди татар и башкир (около 40%). Схожая тенденция прослеживается и в распределении ответов на вопрос об отношении к русской культуре среди респондентов, декларировавших принадлежность к различным конфессиям: с тем, что ей должно принадлежать ведущее положение, согласились 78% православных, 48% мусульман, 50% неверующих [1, с. 305].

По нашему мнению, такое положение вещей свидетельствует о том, что пропаганда русской культуры и ее всемерное развитие в качестве культуры, стоящей над этноконфессиональными различиями людей, способна стать значимым инструментом сплочения полиэтничной российской нации.

Литература

1. Мархинин В. В., Пуртова В. С. Ушакова Н. В. Этнокультурная идентичность школьников и проблемы гармонизации межэтнических отношений // Реальность этноса. Роль образования, культуры и литературы в формировании российской гражданской идентичности: сб. ст. по мат. XVII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Института народов Севера Герценовского университета. Санкт-Петербург, 10-12 ноября 2015 г. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. С. 302–306.

2. Ушакова Н. В. Межэтнические отношения в среде школьников Нижневарттовского района. Факторы формирования и гармонизации // Вестник Сургутского государственного университета. 2015. Вып. 2 (8). С. 92–96.

Стась И. Н.
Stas I. N.

УРБАНИЗАЦИЯ В ПАРАДИГМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ XX ВЕКА¹

URBANISATION IN THE PARADIGM OF SOCIOLOGY OF THE 20 CENTURY

В статье дается характеристика основным социологическим теориям города и урбанизации. Раскрываются основные концептуальные положения в подходе Чикагской школы социологии. Определяются концепты «неолиберальный город» и «глобальный город».

In the paper the main sociological theories characteristics of city and urbanisation are given. The main conceptual ideas in the approach of the Chicago school of sociology are described. The concepts of “neoliberal city” and “global city” are defined.

Ключевые слова: Чикагская школа социологии, социология города, неолиберальный город, глобальный город, урбанизация.

Keywords: Chicago school of sociology, sociology of city, neoliberal city, global city, urbanisation.

Современная социология города сформировалась в 1920-х годах, когда на базе учений Г. Зиммеля, М. Вебера, Ф. Тенниса и Э. Дюркгейма в Чикагском университете появилась научная школа по изучению проблем города. Школа была рождена самим городом – Чикаго, который на рубеже XIX–XX вв. переживал экономический подъем, характеризовавшийся быстрым ростом населения, миграцией, индустриализацией, безработицей и преступностью. Чикаго становился центром Среднего Запада США. Научному сообществу требовалось осмысление этих урбанизационных процессов. Основопологающим социологическим концептом школы стало понятие «город». Термин «урбанизация» практически не встречался в работах представителей школы [4, с. 46], но тем не менее чикагские ученые заложили тот теоретический фундамент, на котором сегодня строятся урбанистические исследования.

Общество рассматривалось школой через призму города, городской жизни и среды, поскольку, как считали американские социологи, все социальные проблемы – это проблемы города. Современная цивилизация была построена благодаря городу, и без города она была невозможна. Город стал «социальной лабораторией», то есть тем местом, где человек преображал самого себя, становился личностью. Такую концептуальную программу выдвинул лидер Чикагской школы – Роберт Парк. Он уделял в своих работах большое значение взаимосвязи человеческой природы и городской среды, так как «именно в городской среде – в мире, который человек сам себе создал – человечество впервые возвысилось до интеллектуальной жизни и приобрело те черты, которые более всего отличают его от животных и первобытных людей» [3]. Р. Парк стал основателем экологического подхода к городу. По мнению выдающегося отечественного урбаниста О. Н. Яницкого, идея города Р. Парка была построена на фундаменте позитивизма Г. Спенсера и была биологизированной, социал-дарвинистской: человеческое общество рассматривалось как совокупность, множество «социальных атомов» [8, с. 14]. Однако американский исследователь не упускал и экономические факторы городской среды. Он понимал, что город также формировался за счет широкого разделения труда.

Одновременно с этим город для Р. Парка был не только материальной и биологической, человеческой структурой, но и психическим, душевным состоянием,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-01014.

системой привычек и традиций, организованных отношений и мнений [4, с. 48]. Вся эта система привычек и традиций отличалась от деревенской, крестьянской традиции. Городская среда была скорее местом, в котором традиция состояла в отсутствии традиции. Даже религиозная вера в городе не являлась традицией, здесь она была поиском самоидентификации. Парк писал по этому поводу: «Крестьянин, который приезжает в город, чтобы работать и жить там, несомненно, освобождается от контроля обычаев своих предков, но вместе с тем его больше не поддерживает коллективная мудрость крестьянской общины» [3]. Крестьянин теперь был сам по себе. Город – это совокупность людей, которые «сами по себе».

Исследуя Чикаго, Р. Парк заключил, что город – это констелляция естественных зон, «каждая из которых имеет свою специфическую среду и свою особую функцию в городской экономике в целом» [3]. Такие естественные зоны ярко проявлялись в пригородах. Пригороды продолжали городское пространство, но в то же время они были между собой различны и уникальны. Движущим и сортирующим механизмом этих пригородов и городского пространства выступал городской центр – метрополис. Р. Парк ставит миграции во главу угла в этом сортирующем процессе. Миграции представляли той внешней силой, которая сближала составляющие «социальные атомы» городского организма и заставляла этот организм действовать [8, с. 14]. Человеческая экспансия – это причина роста городов, детерминирующая городскую селекцию и сегрегацию, с которой город обретал свои уникальные черты, отличающие его от других городов.

Вторым основоположником Чикагской школы и тем, кто более подробно исследовал проблему городской экспансии, был Эрнст Берджесс. Рост и экспансия городов, по мнению социолога, являлись факторами, которые каузировали социальные проблемы. Экспансия города понималась Берджессом не только как «возрастающая плотность городского населения», но как «тенденция становиться избыточным, распространяться тем самым на более широкие территории и вовлекать эти территории в более широкую общественную жизнь» [1, с. 124–125]. Именно в работе Берджесса понятие «метрополис» получило конкретное содержание. Метрополис – это ареал, который включал городскую территорию, обладавшую свойством физической смежности, и который определялся таким средством транспорта, позволявшим деловому человеку жить в пригороде, а работать в деловом центре.

Рассматривая экспансию города как процесс, Берджесс выделяет зоны городского расширения, выступающие у него как серия концентрических кругов: 1. Центральный круг – это деловой и культурный центр; 2. Промышленная зона, где сосредоточены бизнес и легкая промышленность, отделена от делового центра переходной или транзитной зоной; 3. Зона кварталов, которые населяли рабочие, желающие жить поближе к месту своей работы; 4. Спальная зона, «образуемая комфортабельными многоквартирными домами или закрытыми районами частных домов, принадлежащих отдельным семьям» [1, с. 124–125]; 5. Зона пригородов и городов-спутников.

Каждая внутренняя зона расширяла свою территорию путем проникновения в следующую внешнюю зону. Это явление Берджесс назвал сукцессией (последовательностью). Согласно теории, все зоны на прежних этапах развития города были заключены в пределах внутренней зоны, которая со временем становилась деловым центром. Однако Берджесс подчеркивает, что ни один город идеально не вписывался в эту схему, так как в жизни схема усложнялась географической средой, речками, железнодорожными линиями, прибрежными полосами, историческими факторами размещения промышленности, степенью сопротивления сообществом внешним вторжениям [1, с. 128].

В то же время вся эта сложная структура определяла процесс распределения населения в городе. Она просеивала, сортировала и передислоцировала индивидов и группы по разным местам проживания и родам занятий. Как и у Р. Парка, в методологии

Э. Берджесса наблюдается органопроекция: город рассматривается социологом словно человеческое тело, а социальная организация и дезорганизация в нем как процессы метаболизма. По мнению ученого, дезорганизация вырисовывалась нормальным процессом, который в умеренных количествах, наоборот, реорганизовал и упорядочивал городскую мобильность. Берджесс расценивает городскую мобильность как пульс сообщества. Для социолога мобильность – это движение, значимое для общества, способное контролировать постоянную ситуацию перемещения и предполагающее изменение движений в ответ на новый стимул или ситуацию. Если мобильность достигала наивысшего состояния, то она уже не могла контролировать ситуацию перемещения, совершалось полное обрушение первичных механизмов контроля, и там, где это происходило, развивались ареалы деморализации, распушенности, порока и преступности.

Другой яркий представитель Чикагской школы социологии, Луис Вирт, в своих исследованиях анализировал понятие «урбанизм». «Образ жизни» – такое содержание вкладывал социолог в это понятие. Отличительной особенностью современного образа жизни являлось «сосредоточение людей в гигантские скопления, вокруг которых группируются центры меньшего размера и из которых расходятся круговыми волнами идеи и практики, именуемые нами цивилизацией» [2, с. 170]. Вместе с тем социолог отмечал, что горожане большей частью рекрутированы из села, поэтому не существовало резкого и радикального различия между городским и сельским типами личности. Город нес след от ранних форм поселений, таких как крестьянский двор, поместье и деревня.

По мнению Л. Вирта, урбанизм включал в себя не столько городское пространство, сколько пространство, попадающее под влияние города. Следовательно, урбанизм как образ жизни мог быть характерен и для деревни. Вирт первый из Чикагской школы акцентировал внимание на процессе урбанизации. Для него урбанизация – это не просто процесс, посредством которого происходило привлечение людей в город и их инкорпорация в его систему жизни; это еще и «кумулятивный процесс, ведущий к преобладанию тех характеристик, которые отличают связанный с ростом образ жизни», а также «это те всевозможные изменения в направлении образов жизни, считающихся городскими», внешне проявляющиеся «в поведении тех людей, коим довелось оказаться в радиусе влияний, исходящих от города по транспортным и коммуникационным каналам в силу могущества его институтов и личностей» [2, с. 173–174].

Таким образом, в учении Вирта понятие урбанизма отождествлялось с комплексом черт, которые составляли отличительный для городов образ жизни, а урбанизация – это развитие и расширение влияния этих черт. Вирт выдвинул формирующие урбанизм критерии [2, с. 178–179]: 1) высокая численность; 2) высокая плотность населения по отношению к определенной, обычно прилегающей, территории; 3) гетерогенность индивидов, населяющих город. Отдельным критерием в теории Вирта можно обозначить миграционные процессы. Город всегда впитывал в себя различные расы, народы и культуры. Эти критерии приводили к тому, что жизнь в городе и контакты между людьми являлись безличными, поверхностными, преходящими и сегментарными. С другой стороны, такие отношения помогали обезопасить себя. Плотность детерминировала дифференциацию общества. Гетерогенность только увеличивала и разветвляла систему стратификации городского населения.

Таким образом, Чикагская школа социологии привнесла в социально-гуманитарные науки новый, социологический подход к проблеме города. Опираясь на достижения классиков социологии, американские ученые выстроили модель мобильного, зонального, дезорганизованного и одновременно организованного города, который был главным устройством современной цивилизации.

Сегодняшняя социология города в большинстве своем выросла из Чикагской школы. Но теперь ученых в первую очередь интересовал город в системе глобализационных и постиндустриальных процессов.

Англо-американский географ и социолог Дэвид Харви был одним из первых, кто принялся изучать постиндустриальный город. Обращаясь к методам неомарксизма и классового подхода, социолог смог по-новому посмотреть на урбанизационные процессы. Д. Харви отмечал, что урбанизация – это не только материальный, технико-экономический процесс, не только создание физических и социальных ландшафтов, но это и процесс формирования сознания и человеческой повседневности [4, с. 80, 82]. Для Д. Харви процесс урбанизации был тесно связан с развитием капитализма: «Урбанизация всегда сопутствовала мобилизации, производству, присвоению и поглощению экономического прибавочного продукта» [6]. Все эти процессы проявлялись через урбанизацию. Капитализм выступал двигателем городского роста. Последняя четверть XX века ознаменовалась неолиберальной урбанизацией. Города строились для финансовой верхушки. Пример такой тенденции – это Нью-Йорк. Если раньше это был пролетарский город, теперь же это был город новой элиты, игровая площадка для очень богатых. Неолиберальный город – это город без среднего класса. Среднему классу просто не по карману жить в таком городе, так как «надо быть мультимиллионером» для того, чтобы приобрести себе здесь квартиру. Однако неолиберальный город неизбежно соседствовал с другим городом, с городом люмпенов, за счет которого он жил и питался [7]. Современный капиталистический город окружен трущобами; он существует в двух полисах – благосостояния и нищеты. В такой ситуации, как считает Д. Харви, был необходим переход к гуманному урбанизму, к городу, в котором могли бы жить разные классы общества и было бы место для среднего класса, со свободной средой для всех жителей.

Американский социолог Мануэль Кастельс рассматривает процессы урбанизации также с неомарксистских позиций. Согласно его мнению, в науке господствовало два определения понятия «урбанизация» [4, с. 97]. Первое – пространственная концентрация населения; второе – распространение системы ценностей, мировоззрения и поведения, которая именовалась «городской культурой». Ученый выделил пять основополагающих элементов городской структуры: производство, потребление, обмен, управление и символику [4, с. 103]. Эта структура ярче всего сегодня проявлялась в глобальном городе. Глобальный город, согласно социологу, это не место и не пространство, а процесс, через который центры производства и потребления и вспомогательные местные общества соединялись в глобальной сети на основе информационных потоков, в то время как районы и пригороды, удаленные от промышленного центра, теряли связь с городским центром. Кастельс полагал, что глобальные информационные потоки контролировали рост и падение городов.

Еще одно утверждение Кастельса: в третьем тысячелетии глобальная урбанизация будет проявляться в подъеме мегаполисов. Мегаполисы есть центры глобальной экономики, которые связывали между собой информационные сети и концентрировали власть в мире. Они скапливали все сегменты населения, которые боролись за выживание, а также группы, которые хотели сделать видимой свою обездоленность. По мнению Кастельса, главным признаком мегаполиса являлось свойство связанности с глобальными сетями и сегментами их собственных стран вовне, а внутри страны они исключали местные популяции из глобальных сетей. Таким образом, мегаполисы отдалялись от массы граждан своей страны и работали на глобальный уровень.

Более детально исследованием глобального города занимался американский социолог Саския Сассен. Она была первой, кто стал использовать термин «глобальный город». Социолог отмечает, что с развитием мирового рынка в современности проявляется тенденция ослабления национальных территориальных единиц. На смену старым территориальным единицам приходили пространственные единицы других масштабов: «субнациональные единицы (преимущественно города и регионы), приграничные территории, включающие две и более субнациональные единицы и наднациональные единицы (глобальные рынки и зоны свободной торговли)» [5].

Саския Сассен понимает под глобальным городом «пространство, которое, с одной стороны, «привязано» к определенным местам, а с другой – это транстерриториальное пространство, потому что оно соединяет места, географически разобщенные, но интенсивно взаимодействующие между собой» [5]. Как уже было сказано выше, это приводило к внутригосударственным противоречиям: «Города, имеющие стратегическое значение для глобальной экономики, имеют тенденцию к ослаблению связей со своим районом» [5].

Сассен пересмотрела содержание понятия «городской деловой центр». Если Чикагская школа определяла средоточие экономической жизни в центральной городской зоне, то Сассен, наряду с центральной зоной, также выделяет «сеть нодальных узлов интенсивной деловой активности в пределах метрополисного ареала» и «нетерриториальный центр», осуществляемый посредством телекоммуникаций и интенсивных экономических взаимодействий [5].

Следовательно, современные социологические концепции, рассматривая постиндустриальный город, приходят к выводу о господствующем положении информации в сегодняшнем городском пространстве. Аккумулируя информационные потоки и связи, город выходил на абстрактный уровень, уровень существования в информационных и финансовых сетях, в виртуальной реальности. Тем не менее эти концепции редуцировали глобализацию к финансово-экономическому процессу, движению капитала и уменьшали важность культурной, политической, социальной и промышленной глобализации современного города.

Литература

1. Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. 2000. № 4. С. 124–137.
2. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. 1997. № 3. С. 168–197.
3. Парк Р. Город как социальная лаборатория [Электронный ресурс] / пер. с англ. С. П. Баньковской // Социологическое обозрение. Т. 2. № 3. 2002. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/04/1211598040/soc_oboz_2_3.pdf (дата обращения: 26.11.2011).
4. Савченкова В. М. Концепция города и урбанизации в западной социологии (теоретико-методологический анализ) : дис. ... канд. соц. наук. М., 2005. 157 с.
5. Сассен С. Глобальный город: введение понятия [Электронный ресурс] // Глобальный город: теория и реальность. М. : Аванглион, 2007. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0343/analit02.php> (дата обращения: 26.11.2011).
6. Харви Д. Городской опыт = [Harvey D. The Urban Experience. Oxford: Blackwell. 1989] [Электронный ресурс] / пер. с англ. В. В. Вагина // Urban Sociology. URL: http://les-urbanistes.blogspot.ru/2009/05/blog-post_5608.html (дата обращения: 26.11.2011).
7. Харви Д. Неолиберальная урбанизация [Электронный ресурс] // Институт общественного проектирования (ИНОП). URL: <http://www.inop.ru/reading/page140/> (дата обращения: 26.11.2011).
8. Яницкий О.Н. Экология города. Зарубежные междисциплинарные концепции. М. : Наука, 1984. 240 с.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 1(091)(450)

Мархинин В. В. (мл.)
Markhinin V. V. (jr.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ДЖОВАННИ БОТЕРО: МОРАЛЬНАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ ПОЛИТИКИ И (АНТИ)МАКИАВЕЛЛИЗМ

THE POLITICAL PHILOSOPHY OF GIOVANNI BOTERO: POLITICS MORAL EMANCIPATION AND (ANTI) MACHIAVELLIANISM

В статье рассматривается политико-философская концепция Дж. Ботеро и ее связь с заданной Н. Макиавелли нововременной парадигмой политической науки. В центре внимания статьи предпринятая Ботеро ревизия «макиавеллизма» и политико-этических конвенций средневекового христианства. Выявленная в статье специфика взглядов Ботеро состоит в его стремлении к радикальной эмансипации политики от морали посредством ее рассмотрения в качестве специфической сферы профессиональной деятельности правителя.

In the paper Giovanni Botero's political and philosophical conception and its links to Machiavellian paradigm in political science are considered. There is the Botero's revision of "Machiavellianism" and political ethic conventions of mediaeval Christianity in the focus of attention. The Botero's point of view, revealed in the paper, lies in his striving for politics radical emancipation of the moral by means of its consideration as a specific sphere of professional activity of a ruler.

Ключевые слова: макиавеллизм, политическая этика, политический профессионализм, история политических учений.

Keywords: Machiavellianism, political ethics, political professionalism, history of political doctrine.

Настоящая статья посвящена творчеству сравнительно малоизученного в отечественной литературе автора – Джованни Ботеро (1533–1617), видного деятеля Контрреформации во Франции, Швейцарии и Италии и теоретика, получившего известность благодаря введению в социально-политический лексикон понятия «государственных интересов». Актуальность исследования его социально-философских построений обусловлена его принадлежностью к числу мыслителей, занимавших промежуточное положение между позднесредневековым стилем мышления второй схоластики и научной мыслью Нового Времени. Ключевую роль в развитии философии второй схоластики сыграли авторы, принадлежавшие к ордену иезуитов; одной из характерных особенностей созданной ими школы было пристальное внимание к социально-мировоззренческой проблематике. В центре внимания таких классиков иезуитской мысли, как Ф. Суарес, Х. Мариана, Л. Молина, Р. Беллармин, находятся проблемы нравственной свободы индивида, вопросы происхождения и социальных функций религии, морали, права и политических институтов; эти же авторы открывают новую эпоху в развитии экономической науки. Их интерес к этому кругу проблем стимулировался в большой степени внешними по отношению к философии мотивами: разрабатываемые упомянутыми теоретиками концепции должны были использоваться для противодействия вызовам со стороны протестантизма и светской философской мысли

в первую очередь в лице сторонников идей Н. Макиавелли. Дж. Ботеро вплотную примыкает к этой группе авторов. Свою академическую карьеру он начинает в иезуитских школах Франции как кандидат на вступление в орден; позже он будет лишен этого статуса из-за несогласия с принятой в ордене политикой самоцензуры. Выход из-под юрисдикции ордена и поддержка влиятельных покровителей (в разные годы он в качестве советника и секретаря был на службе у герцога Карла Эммануила I Савойского и кардинала Федерико Борromeо) дает Ботеро возможность продолжить исследования в области социальной теории, по всей видимости, в достаточно благоприятных цензурных условиях. Известность приходит к Ботеро благодаря двум вышедшим практически одновременно и тесно связанным друг с другом трактатам: «Государственный интерес» (1589, *Della ragion di Stato*, ит.) и «О причинах величия государства» (1588, *Delle cause della grandezza delle città*, ит.). Первый из этих двух текстов является одним из ранних памятников «антимакиавеллиевской» литературы.

Осуждение аморальных выводов флорентийского философа является одним из общих мест политической литературы 16 в. Общепринятый подход к работе с этой темой состоял в осуждении якобы пропагандируемого Макиавелли предпочтения в пользу антигуманных политических практик. В этом духе были выдержаны расхожие обвинения в «макиавеллизме», которые и сторонники, и противники Реформации выдвигали в адрес своих оппонентов [2, с. 84–112]. В своих рассуждениях Ботеро отходит от подобных примитивных интерпретаций и демонстрирует гораздо более глубокое понимание взглядов своего знаменитого соотечественника.

Заявляя в качестве одной из целей работы опровержение взглядов Макиавелли на соотношение морали и политики, Ботеро фактически разделяет ряд его ключевых идей. В первую очередь, это касается взглядов на происхождение и природу государственной власти. В этом вопросе Ботеро опирается на отчетливо макиавеллевский *locus classicus* иезуитской литературы, согласно которому главный стимул политического действия – страх. Именно страхом за собственную безопасность (а не рациональным стремлением к благоустроенной жизни) обусловлена готовность человека жить совместно с себе подобными и подчиняться власти и законам [1, с. 228–230]. Ботеро скептически смотрит на любимый античными авторами и Макиавелли образ мудрого законодателя; основание государства под влиянием программы, предложенной мудрецом, он допускает на абстрактном уровне, но не на практике: нечто похожее может происходить разве что при попытке цивилизовать дикие племена, подобной той, что предпринимается в современной Ботеро Америке. Другой мотив политического поведения – стремление к удовольствиям [1, с. 231–234].

Другая концепция Макиавелли, разделяемая его критиком, – трактовка религии в качестве инструмента социального контроля и манипуляции. Рассматривая эти социальные функции религии, Ботеро ставит в один ряд христианство, ислам и античное язычество: все они используются правителями для воспитания подданных в духе главных, с точки зрения любого правительства, добродетелей – покорности властям и консерватизма. Имея в виду известное замечание Макиавелли, согласно которому казаться религиозным выгоднее, чем быть религиозным в действительности, Ботеро утверждает: «...тому, кто в самом деле не религиозен, будет невозможно притворяться религиозным всегда, поскольку его обман рано или поздно раскроется» [1, с. 63]; для репутации правителя притворство не менее вредно, чем приверженность суевериям: за первый порок его будут ненавидеть, за второй – презирать [1, с. 67]. Христианство, вопреки утверждениям Макиавелли, ничем не уступает остальным религиям, более того, оно превосходит их, поскольку более других помогает формированию и главной добродетели правителя – умеренности.

Современники Ботеро нередко оценивали Макиавелли как прагматика, отрицающего мораль как таковую. Эта точка зрения, разумеется, несостоятельна.

Макиавелли действительно провозглашает достигнутый результат главным критерием оценки политика, но степень его пресловутого «прагматизма» не следует преувеличивать: понимание политического успеха в его работах явственным образом эстетически окрашено. С сугубо прагматической точки зрения было бы весьма затруднительно давать положительную оценку таким деятелям, как Юлий Цезарь или Цезарь Борджиа. Доблестный муж превосходит посредственность не только и не столько «успехом» сколько великолепием своих дел. Достижение этого великолепия возможно, согласно Макиавелли, благодаря избавлению от сковывающих политика границ христианской морали и замене ее более адекватными этическими установками. Автор «Рассуждений на первую декаду Тита Ливия» в своих взглядах на личность правителя является моралистом не в меньшей мере, чем, скажем, Эразм Роттердамский в «Воспитании христианского государя». Макиавелли является противником не морали вообще, а морали христианской; ей он противопоставляет древнеримский моральный кодекс с его культом долга, доблести и энергичного служения государству.

Ботеро совершает эмансипацию политики от морали более последовательным образом: личная мораль государственного деятеля, как и его религиозные убеждения вообще не рассматриваются им в качестве предпосылок успеха или неудач. Обсуждение качеств, необходимых правителю, содержит минимум отсылок к этической проблематике. Так, анализ справедливости во взаимоотношениях подданных и в деятельности правительства не выходит за рамки сугубо правовых категорий [1, с. 17–21], темы допустимости лжи и притворства обсуждаются исключительно в контексте их влияния на репутацию [1, с. 47–49], в этой же связи говорится и о требованиях к религиозности правителя [1, с. 67–69]. Фактически Ботеро снимает с повестки своих рассуждений вопрос о моральных качествах политика и обращает внимание своих читателей на психологические и деловые качества, необходимые государственному деятелю.

Главными психологическими качествами государя Ботеро считает умеренность и благоразумие. Он весьма прохладно относится к доблести и честолюбию, рассматривая их как по большому счету суетные устремления: очень многие из властителей, заслуживших у современников и потомков титул Великих, были вполне заурядными деятелями или же совершали прославившие их дела лишь по воле фортуны. Несколько больше в пользу правителя говорит признание современниками и потомками его мудрости, хотя нередки и случаи, когда прозвище Мудрого заслуживали ничем не примечательные люди. Подлинный источник того, что позволяет людям поступать мудро – способность соблюдать меру. Приобретение же соответствующего качества – «умеренности, кормилицы всех добродетелей» [1, с. 69] – воспитывается при помощи следования требованиям благочестия, «матери всех добродетелей» [1, с. 69–71]. Отметим, что речь не идет исключительно о приверженности христианскому благочестию: Ботеро иллюстрирует пользу серьезного отношения к религии и примерами язычников и мусульман. Предпринятое Ботеро описание умеренного образа жизни лишено каких-либо аскетических коннотаций и выдержано в духе гуманистического идеала самоконтроля и подчинения плотских страстей разуму. Доблесть и отвага, вообще говоря, оцениваются Ботеро как качества полезные, но не относящиеся к категории незаменимых. Без них трудно обойтись на войне, но личное участие правителя в боевых действиях, как и наличие полководческих талантов требуются далеко не всегда. Недостаток собственной доблести государь может компенсировать благоразумным подбором доблестных исполнителей его замыслов [1, с. 78–80]. В качестве одной из важных составляющих благоразумия Ботеро указывает на способность разбираться в психологических особенностях людей.

Благоразумие, подкрепленное обширными познаниями, позволяет правителю выбирать адекватную политическую тактику. В рутинных условиях политические планы должны быть предельно простыми, поскольку их чрезмерное хитроумие может оказаться слишком трудным для непосредственных исполнителей; в таких условиях следует

избегать риска и использовать компромиссные решения. В экстраординарных условиях, напротив, «нет ничего хуже, чем компромисс и средний путь» [1, с. 50].

Благоразумие правителя формируется благодаря развитию его профессиональных качеств. Одно из них – широкая эрудиция в области политической практики; соответствующие знания государственный деятель приобретает как из наблюдений за современной ему действительностью, так и в ходе изучения истории. С этой областью знания связано развитие еще одного важного профессионального навыка, в котором правитель должен по возможности превосходить всех прочих, – красноречия. Наконец, «ничто так не развивает интеллект, просвещенность суждений и способность к осмыслению высоких материй, как знание устройства мира, природного порядка, движения небесных тел, качеств простых и сложных тел, процессов возникновения и распада материи, сущности и свойств духа, свойств трав, растений, камней и минералов, поведения животных, порождения несовершенных субстанций дождя, тумана, града, грома, снега, метеоритов, радуги, возникновения ручьев, рек, озер, ветров, землетрясений, морских приливов и отливов. Из этого возникает мудрость в управлении государством и величие духа...» [1, с. 35]. Ботеро неоднократно указывает на ту пользу, которую приносит правителям знание математики и инженерного дела: хотя государь и не обязан самостоятельно строить здания и механизмы, ему следует быть компетентным в соответствующих областях в той мере, чтобы быть в состоянии адекватно оценивать предлагаемые ему проекты. Вывод о необходимости для политического лидера естественнонаучных и технических знаний является новаторским для эпохи Ботеро и, по всей видимости, не имеет аналогов в более ранних памятниках в жанре «зеркала правителя». В круг дисциплин, обязательных для правителя, Ботеро включает и экономику. Достаточно обстоятельный обзор экономических проблем содержится в упомянутом выше трактате «О причинах величия города»; размышления Ботеро о мерах, которые следует принимать правителям для увеличения богатства своих государств, превосходят ряд положений меркантилизма и мальтузианской экономической теории. Интерес Ботеро к экономической проблематике не случаен: в этом отношении он находится в одном ряду с иезуитскими теоретиками, стоявшими у основания Саламанкской школы экономической мысли.

В литературе закрепились две взаимоисключающих трактовки отношения Ботеро к творчеству Макиавелли. Его характеризуют и как критика идей «Государя» [2], и как «макиавеллиста» [3, с. 197]. Вне всякого сомнения, Ботеро был противником того, что в его время было принято называть «макиавеллизмом»: предпосылки политического успеха, согласно его выводам, состоят вовсе не в готовности правителя бестрепетно совершать осуждаемые общественной моралью поступки. Тем не менее его политико-философская концепция следует парадигме, предложенной Макиавелли и является в некоторых отношениях более радикальной. Макиавелли выступает с программой отказа от моральных предрассудков в политике и предлагает сделать существующие нормативные конвенции предметом критической рефлексии: на смену беспомощной христианской морали должна прийти этика жизненной энергии и доблести. Ботеро критикует эту концепцию не с морализаторской, а с прагматической точки зрения: в деле достижения политического успеха профессиональные качества государственного деятеля важнее, чем убеждения. Предложенный Ботеро подход к моральной эмансипации политики фактически превосходит технократическое мировоззрение и является одним из первых опытов ценностно-нейтральной интерпретации политики.

Литература

1. Botero G. The Reason of State. The Greatness of Cities. New Haven : Yale University Press, 2006. 298 p.

2. Hopfl H. Jesuit Political thought. The Society of Jesus and the State, 1540–1630. New York : Cambridge University Press, 2004. 412 p.
3. Murrey N. R. Austrian perspective on the history of economic thought. V.I. Auburn, Alabama : Ludwig von Mises Institute, 2006. 556 p.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 372.881.161.1:004

Полторжицкая Г. И., Будникова Н. Н.
Poltorzhitskaya G. I., Budnikova N. N.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЕБ-КВЕСТ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

THE USE OF WEB QUEST TECHNOLOGY IN PROFESSIONAL RUSSIAN LANGUAGE TRAINING FOR FOREIGN STUDENTS

Статья посвящена вопросам использования веб-квест технологии при изучении профессионального русского языка иноязычной аудиторией. Выявляются компетенции, формируемые посредством рассматриваемой технологии, предлагается классификация веб-квестов, построенная на основе доминирующего подхода к моделированию занятия. В статье последовательно прослеживается тема формирования и развития навыков речевого общения на профессиональные темы студентов разных специальностей. Предложенный пример веб-квеста опирается на собственную коммуникативную практику иноязычного специалиста.

This paper is devoted to the use of web quest technology in professional Russian Language training for foreign students. The competencies developed by the subject technology are outlined. The web quest classification based on the leading approach to a lesson design is offered. In the paper a theme of formation and development of verbal communication skills on professional topics among the students of different specialties are consecutively presented. The proposed example of the web quest is based upon its communication practice by a foreign language student.

Ключевые слова: профессиональный русский язык, веб-квест, аналитический веб-квест, интернет-технологии, межкультурная парадигма, коммуникативная компетенция, Smart-цель веб-квеста.

Keywords: professional Russian language, web quest, analytical web quest, internet technology, intercultural paradigm, communication competence, smart goal of web quest.

Информатизация, глобализация, конвергентность – важные составляющие не только современного мира, но и современного образования. В настоящее время можно с уверенностью говорить, что в Казахстане идет становление принципиально новой системы, интегрированной в мировое образовательное пространство. Обращение к технологии веб-квеста в процессе преподавания профессионального русского языка в иноязычной аудитории корреспондируется с государственной Концепцией полиязычия казахстанского общества, инициированной президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым.

«Казахстан должен восприниматься во всем мире как высокообразованная страна, население которой пользуется тремя языками. Это: казахский язык — государственный язык, русский язык — как язык межнационального общения и английский язык — язык успешной интеграции в глобальную экономику» [9].

Явление казахско-русского двуязычия играет позитивную роль в процессе овладения русским языком студентами, обучающимися на казахском языке. Вследствие

этого возникает необходимость обратиться к формированию профессиональных компетенций студентов, исходя из требований полиязычия.

Современная образовательная парадигма предполагает выдвигание на первый план вопросов, связанных с овладением студентами методами познания, проектирования, конструирования и исследования, а также творческого применения полученных результатов. Традиционные методы обучения дополняются новыми, основанными на использовании Интернета, электронно-компьютерных сетей и телекоммуникационных средств.

Для реализации достижения предметных, метапредметных и личностных результатов, на наш взгляд, необходимы внедрение коммуникативно-деятельностного подхода к преподаванию русского языка как иностранного в национальной аудитории и опора на модель результатов образования, которая может быть отражена в следующих компетенциях:

- интегральных – умение определять параметры предложенных текстов (стиль, жанр, композиция, языковые средства); сформированность навыка коммуникации на русском языке; формирование и развитие функциональной грамотности на русском языке;

- дифференциальных – умение студентов создавать собственные тексты по заданным параметрам (написание эссе, текстов дискуссионного и аргументативного характера для профессиональной аудитории); решение студентами стереотипных задач нестандартным образом;

- личностных – содействие формированию у студентов потребности в общении на русском языке в целях образования и самообразования; возможность проявить себя в конкретных социальных обстоятельствах.

Развитие метапредметных качеств современного студента есть одна из задач дисциплины «Профессиональный русский язык», где существует возможность творчески преобразовать и модифицировать социальную среду специалиста. Для реализации данной задачи мы предлагаем использовать web-квест технологию, разработанную Берни Доджем, профессором образовательных технологий университета Сан-Диего (США).

Образовательный веб-квест — это сайт в Интернете, с которым работают студенты, выполняя ту или иную учебную задачу. Веб-квесты разрабатываются для максимальной интеграции Интернета в различные учебные предметы на разных уровнях обучения в учебном процессе. Они охватывают отдельную проблему, тему, учебный предмет, могут быть и межпредметными [3].

Поскольку информация, необходимая для решения web-квеста, находится в разных интернет-источниках, то можно говорить о формировании и развитии навыка поиска и отбора информации, умений анализировать и синтезировать полученную информацию, развитии творческого мышления и навыков решения поставленной проблемы. Таким образом, использование веб-квест технологии позволяет выделить такие доминирующие методы обучения, как исследовательский, творческий, метод моделирования и метод ситуативного анализа.

Предложенные Берни Доджем типы веб-квестов были распределены нами в соответствии с доминирующим подходом к моделированию занятия, систематизация веб-квестов предложена с учетом обобщения опыта работы с веб-квестом на занятиях по профессиональному русскому языку. Не претендуя на научную категориальность, классификация выполняет прикладную функцию: помогает структурно выстроить материал с учетом применения веб-квеста в учебном процессе.

Типы веб-квестов условно распределены по четырем блокам: позиционный, исследовательский, имитационный, аналитический [1]. При выборе методической формы веб-квеста мы опираемся на весь комплекс образовательных задач, которые предстоит решать на занятии.

Целью позиционных веб-квестов становится защита собственной разработанной позиции, мнения по исследуемому вопросу. Обязательным условием позиционных веб-

квестов является наличие противоположных точек зрения на проблему и, как следствие, выстраивание своей доказательной линии с опорой на изученный материал.

Участникам позиционных веб-квестов можно предложить распределение следующих ролей: «резонер», «двойник», «апологет», «оппозиционер», «оппонент», «дебатер», «доверительное лицо» и другие, в зависимости от изучаемого материала.

К позиционным веб-квестам нами отнесены следующие типы:

- 1) «Достижение консенсуса»;
- 2) «Оценка»;
- 3) «Убеждение».

Цель исследовательских веб-квестов – развитие у студентов самообразовательной активности, направленной на получение научно-исследовательского опыта, который стимулирует дальнейшее погружение при изучении профилирующих предметов специальности.

Формирование исследовательских навыков у студентов проходит в два этапа. На первом этапе идет становление учебно-исследовательской культуры, характерной чертой которой является опыт самостоятельного нахождения знаний. На втором этапе можно говорить о приобретении исследовательской культуры в целом, когда студент мотивирован не только на самостоятельный активный поиск информации, но и на формулирование собственной гипотезы, умения выходить за пределы традиционного знания.

К исследовательским веб-квестам нами отнесены следующие типы: 1) «Пересказ»; 2) «Компиляция»; 3) «Планирование и проектирование»; 4) «Научные исследования».

Имитационные веб-квесты предполагают построение модели, основанной на реальной ситуации, флеш-инсталляцию современной действительности. Основным методом предложенного подхода является имитационное моделирование, под которым понимается создание виртуальной модели реальной действительности и поведение в этой действительности. Под флеш-инсталляцией понимается создание самоценной анимационной виртуальной среды и социализация в ней. В имитационные веб-квесты нами включены: 1) «Журналистское расследование»; 2) «Творческое задание»; 3) «Детектив, головоломка, таинственная история».

При аналитическом подходе на первый план выступает умение оперировать такими мыслительными операциями, как анализ, синтез, обобщение, классификация, индукция, дедукция и другие. Данный подход предполагает оценку различной информации, дифференциацию знаний на известное и неизвестное, на понятное и непонятное до момента анализа и позволяет сформировать аргументированный аналитический подход к профессиональным речевым ситуациям.

К аналитическим веб-квестам отнесены:

- 1) «Аналитическая задача»;
- 2) «Самопознание»;
- 3) «Научные исследования».

Итак, разнообразие видов веб-квестов дает возможность успешно внедрить данный вид работы в преподавание дисциплины «Профессиональный казахский (русский) язык». При этом объем русскоязычного сегмента Интернета позволит студентам быстро найти необходимую дополнительную информацию, расширит их кругозор, сформирует навык поиска информации на русском языке.

В процессе работы над веб-квестами у студентов формируются следующие умения:

- планировать свою работу, заранее просчитывая возможные результаты;
- использовать различные источники информации;
- самостоятельно отбирать и накапливать материал;
- анализировать, сопоставлять факты;
- аргументировать мнение;

- устанавливать социальные контакты (распределять обязанности, взаимодействовать друг с другом);
- создавать конкретный «конечный продукт»;
- оценивать себя и других.

Рассмотрим методику использования данной технологии на примере работы с аналитическим веб-квестом.

Задания аналитических веб-квестов дают возможность студентам получить знания, где обязательным условием является внимательное изучение одного или нескольких предметов и поиск в них сходства и различия, а также нахождение скрытого смысла этих сходств и различий, понимание причинно-следственных связей.

Предлагаемая нами модель занятия с использованием аналитического веб-квеста была апробирована в учебном процессе при преподавании «Профессионального русского языка» для специальности «Казахский язык и литература» Восточно-Казахстанского государственного университета имени С. Аманжолова.

Тема веб-квеста: «"Мировое древо" в художественном пространстве Казахстана».

Smart-цель веб-квеста: в течение 1 недели проанализировать легенду о Байтереке и стихотворение П. Васильева «Рассказ о деде» в соответствии с выбранной ролью, представить отчет группы на сайте prezi.com в виде модели архетипа «Мировое древо» в художественном пространстве Казахстана.

Сценарий.

Вы – научные сотрудники Института языка и литературы им. М. Ауэзова г. Алматы. Область ваших интересов – изучение архетипа «Мировое древо». Неожиданно к вам попадает ранее неизвестное стихотворение Павла Васильева «Рассказ о деде». Читая его, вы понимаете, что в стихотворении ярко проявляется интересующий вас архетип, который лежит и в основе тюркской легенды о Байтереке.

Ваша задача – проанализировать и смоделировать реализацию архетипа «Мировое древо» в стихотворении П. Васильева и в тюркской легенде о Байтереке, включив его в национальную картину мира современного Казахстана.

Желаем удачи!

Порядок работы над веб-квестом.

1. Выберите одну из предложенных групп.
2. Помните! Вы все – члены одной команды. В итоге у вас должна получиться целостная работа двух групп.
3. Изучите список информационных ресурсов.
4. Составьте личный план информативного поиска по своей роли.
5. Исследуйте информационные ресурсы по своей роли, заранее продумайте, какие цитаты, фото вы можете включить в свой отчет.
6. Оформите отчет в виде веб-страницы.
7. Обсудите в группе и подведите итоги проделанной работы.
8. Составьте общий отчет на сайте prezi.com, подготовьте защиту своего отчета.
9. Защитите свой отчет на занятии.
10. Оцените работу по предложенным критериям.

Список предлагаемых групп:

1. Группа научных сотрудников, анализирующих художественный мир Павла Васильева
2. Группа научных сотрудников, работающая над реализацией архетипа «Мировое древо» в художественном мире Казахстана.
3. Координатор научной работы.

Описание роли:

1. Группа научных сотрудников, анализирующих художественный мир Павла Васильева, состоит от 3 до 5 человек. Возможные варианты распределения ролей:

а) научный сотрудник, изучающий биографию П. Васильева, жизнь поэта в Казахстане, время написания стихотворения «Рассказ о деде», культурно-исторические элементы эпохи.

б) научный сотрудник, анализирующий художественный мир П. Васильева на примере стихотворения «Рассказ о деде». Рассматриваются понятие художественный мир, художественное пространство.

в) научный сотрудник, моделирующий художественный мир стихотворения П. Васильева «Рассказ о деде». Проводится анализ семантического ядра архетипа «Мировое древо».

2. Группа научных сотрудников, работающая над реализацией архетипа «Мировое древо» в художественном мире Казахстана, состоит из 3-4 человек. Возможные варианты распределения ролей:

а) научный сотрудник, специализирующийся на понятии «архетип». Модели литературного архетипа.

б) научный сотрудник, исследующий легенду о Байтереке как одну из центральных легенд казахского народа.

в) научный сотрудник, моделирующий художественный мир легенды о Байтереке. Проводится анализ семантического ядра архетипа «Мировое древо».

3. Координатор научной работы – человек, который будет организовывать, корректировать и редактировать научную работу двух групп. Основная задача координатора – выявить специфических черты архетипа «Мировое древо» у казахского и русского народов, проследить его проявление на мифологическом и культурном уровнях [6]. Координатор должен четко представлять себе, что такое стратегия моделирования текста. Перед координатором стоит задача направить работу студентов на обнаружение в творчестве автора фольклорного и мифологического источника, а также ответить на вопросы: как, почему, с какой целью данный источник используется, на какую идею работает, как раскрываются механизмы и способы его освоения.

Credits (использованные материалы):

1. Группа научных сотрудников, анализирующих художественный мир Павла Васильева: [4, 10].

2. Группа научных сотрудников, работающая над реализацией архетипа «Мировое древо» в художественном мире Казахстана: [8, 11].

3. Координатор научной работы: [2, 7].

Критерии оценивания веб-квеста «"Мировое древо" в художественном пространстве Казахстана» представлены в таблице.

Таблица

Критерии оценивания веб-квеста

№	Критерий	Максимальное количество баллов
1	Степень раскрытия проблемы	20 баллов
2	Структура исследования (план, введение, четкость формулировки целей, выводы, библиография)	20 баллов
3	Степень самостоятельности в решении проблемы	10 баллов
4	Владение теоретико-литературными понятиями	15 баллов
5	Анализ текста	20 баллов
6	Стиль изложения	15 баллов

Комментарий для преподавателя

Работа над веб-квестом предполагает профессиональный анализ художественного произведения.

Важно выяснить, понимают ли студенты понятия «архетип», «художественное пространство», «художественное время», «моделирование художественного пространства». Необходимо помнить, что предлагаемый веб-квест рассчитан на студентов, у которых уровень русского языка не ниже В2.

Важно учитывать, что стратегии есть конкретный набор и последовательность действий и операций, в конечном итоге представляющая собой конкретную способность – овладение русским языком иностранными студентами. При работе в иноязычной аудитории с текстами художественных произведений используются стратегии моделирования, направленные на формирование толерантного отношения к культурам разных народов. Комплекс стратегий моделирования художественного мира включает в себя: выявление культурных типологических связей, их сопоставительный анализ на основе архетипов, выявление специфики национальной картины мира.

Таким образом, стратегия моделирования художественного мира включает в себя следующие этапы:

1. Знакомство с текстами (легенда о Байтереке, стихотворение П. Васильева «Рассказ о деде»).
2. Анализ и сопоставление семантического ядра архетипа (языковой и смысловой уровни).
3. Выявление специфических черты казахского и русского народов на мифологическом и культурном уровнях.
4. Построение модели (включение архетипа в национальную картину мира).

Защита веб-квеста проходит в форме представления диссертации. Поэтому следует заранее оговорить со студентами данную процедуру (все ли участвуют в защите, будут ли оппоненты из параллели и т.д.). Например, защита может проходить следующим образом: составление защитной речи (10 минут), которая отражает следующие вопросы:

- рассказ об основном предмете исследования;
- его актуальности и причины выбора темы веб-квеста;
- обзор имеющихся точек зрения в науке;
- проблемы, темы и задачи, которые студенты перед собой поставили;
- средства и методы анализа;
- главные выводы и результаты работы;
- основные трудности, с которыми столкнулись в процессе составления веб-квеста;
- возможные направления дальнейших изысканий.

Таким образом, защитная речь не является простым пересказом содержания веб-квеста, а становится кратким изложением процесса работы, что исключает возможность недобросовестного к ней подхода.

Главная задача докладчика – точно сформулировать и эмоционально изложить суть исследования, лаконично проиллюстрировав ее наибольшим количеством яркого, образно оформленного, удобного для восприятия материала. Защитительная речь или доклад – личностная форма содержательного общения ученых, докладчик должен донести до слушателей свою индивидуальность в исследовании, и тогда вся работа становится более понятной.

Оценка ставится всей группе, так как важен не только аналитический, но и коллективный аспект работы, в результате которой у студентов-филологов появится четкое представление о специфике миропонимания в казахском и русском языках.

Перспективность использования веб-квест технологии видится в новых формах построения учебного процесса, ориентированного на оказание консультативной помощи иноязычным студентам в адаптации к современному российскому информационному пространству, социуму.

Работа по веб-квест технологии в течение двух лет по дисциплине «Профессиональный русский язык» помогла создать оптимальную модель в организации

учебного занятия, отражающую индивидуальный подход к инновационному методическому алгоритму. Изучение русского языка как языка межнационального общения в Республике Казахстан с использованием новейших технологий и апробированного комплекса практических заданий отвечает вызовам к обновлению образовательных методик, соответствующих подготовке специалистов, конкурентоспособных в любой профессиональной среде.

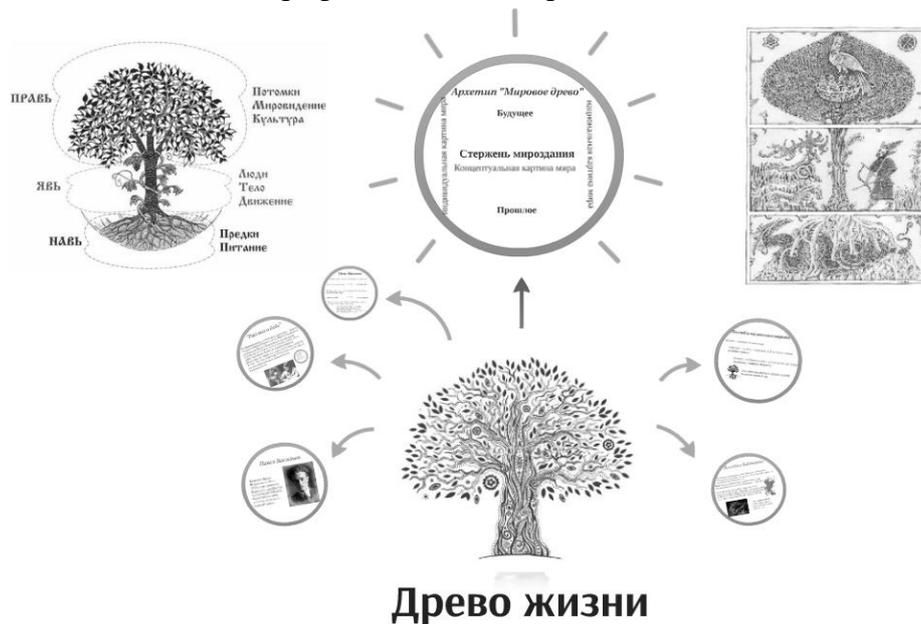

Рис. Пример реализации веб-квеста «Древо жизни» в художественном пространстве Казахстана»

Пример реализации веб-квеста «Древо жизни» в художественном пространстве Казахстана», созданный студентами специальности «Казахский язык и литература» ВКГУ им. С. Аманжолова (Казахстан, г. Усть-Каменогорск) представлен на рисунке. Полная версия реализации веб-квеста представлена сайте prezi.com [5].

Литература

1. Абдуллина Л. И., Полторжицкая Г. И., Будникова Н. Н. Нетрадиционные уроки литературы: 5–11 классы. М. : Вако, 2011. 244 с.

2. Базылев О. С. Художественный мир произведения как метод самовыражения автора // Вестник Челябинской академии культуры и искусств. 2007. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyu-mir-proizvedeniya-kak-metod-samovyrazheniya-avtora> (дата обращения: 19.11.2016).
3. Быховский Я. С. Образовательные веб-квесты // Материалы международной конференции «Информационные технологии в образовании. ИТО-99». 1999. URL: <http://ito.bitpro.ru/1999> (дата обращения: 19.11.2016).
4. Васильев Павел : Биография // Проект «Читаем вслух». URL: <http://scanpoetry.ru/poets/vasilev-pavel> (дата обращения: 19.11.2016).
5. Древо жизни // Сайт prezi.com. URL: http://prezi.com/bmcmr7dvfh2k/?utm_campaign=share&utm_medium=copy&rc=ex0share (дата обращения: 19.11.2016).
6. Кандинский В. О духовном искусстве. М. : Архимед, 1992. 108 с.
7. Категории времени и пространства в художественном и нехудожественном тексте // Валгина Н.С. Теория текста. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/20.htm> (дата обращения: 19.11.2016).
8. Мир произведения // Теория литературы. URL: http://www.capta.ru/book1100_71.shtml (дата обращения: 19.11.2016).
9. Назарбаев Н. А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Казахстанская правда. 2012. № 218-219. 10 июля.
10. Павел Николаевич Васильев // Хронос: всемирная история в интернете. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_we/vasilev_pn.php (дата обращения: 19.11.2016).
11. «Художественный мир» как категория литературы // Мой онлайн Универ. URL: <http://moyuniver.net/xudozhestvennyj-mir-kak-kategoriya-literatury/> (дата обращения: 19.11.2016).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81'1

*Сергиенко Н. А.
Sergienko N. A.***КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ****THE COGNITIVE PRINCIPLES OF LANGUAGE CATEGORISATION THEORY**

В статье рассматриваются современные лингвистические исследования, посвященные развитию теории языковой категоризации в контексте разноаспектных подходов. Большое внимание уделяется изучению когнитивных основ языковой категоризации, а также ее структуре в работах современных лингвистов.

In the paper the modern linguistic researches covering various approaches to the development of the language categorisation theory are considered. Much attention is given to the cognitive principles of language categorisation and its structure in the academic studies of modern linguists.

Ключевые слова: когнитивный подход, языковая категоризация, ментальный, классификация категорий, языковое обозначение.

Keywords: cognitive approach, language categorisation, mental, category classification, language indication.

Антропологические исследования языков мира (Дж. Лакофф, Б. Берлин, П. Кей, Э. Рош и др.) позволили построить новую когнитивную теорию категоризации, которая частично базируется на выдвинутых Л. Витгенштейном положениях о родственной схожести. Этот подход к категоризации получил название «прототипического подхода», или «теории прототипов», поскольку ученые продемонстрировали, что в процессе категоризации одни разновидности рассматриваются как лучшие, более типичные члены категории, чем другие члены категории, которые максимально полно воплощают характерные для данной категории признаки и особенности, т.е. как прототипы [19, с. 27].

Основателем теории прототипов в 70-х годах XX столетия считают американского когнитивного психолога Э. Рош, исследовательница провела серию экспериментов с цветами и в этих экспериментах доказала, что так называемые основные или фокусные цвета, такие как, например, синий, зеленый или красный, является ядром соответствующей категории. Это дало возможность утверждать, что существуют естественные прототипы, вокруг которых формируются категории цвета [20]. Аналогичные эксперименты с фигурами и другими объектами показали, что естественные прототипы там также существуют.

Э. Рош также предложила свою классификацию категорий, согласно которой категории делятся на естественные (natural categories), которые образуются объектами, которые чувственно воспринимаются, и семантические (conceptual categories), которые формируются когнитивными, концептуально обусловленными объектами [20, с. 349]. Содержание большинства естественных категорий определяется не их главными свойствами, а теми характеристиками, которые присущи их наиболее типичному члену, т.е. являются прототипическими [18].

Созданная Э. Рош теория прототипов легла в основу многих современных лингвистических исследований, в частности – изучения языковых категорий:

грамматических, лексических, модусных (оценочных). Прототипический подход может быть применим к анализу таких лингвистических явлений, как, например, словообразовательная деривация, полисемия, варьирование (в том числе метафорическое) типовой ситуации в структуре фрейма, дискурсивные модификации прототипического феномена и др. [6, с. 86-87].

Н. Н. Болдырев отмечает, что существует два подхода к определению прототипов. Первый, психологический, предусматривает, что прототипом являются члены категории, которые первыми приходят в голову и распознаются. В таком случае прототипы – это наилучший образец, наилучший представитель категории. С когнитивной точки зрения прототип – это ментальная репрезентация, когнитивный ориентир категории: образ, схема, идеал, стереотип, набор общих характеристик. Во втором подходе речь идет о разных типах концептов, ведь прототип – это концепт, который лежит в основе формирования категории и определяет ее содержание, концепт категории [3, с. 82-83].

Говоря о причинах появления прототипов в сознании человека и, как следствие, в языке, Е. С. Кубрякова отмечает, что «прототипичность является следствием осознания физических, материальных свойств окружающего мира, т.е. является следствием ингерентных особенностей человеческого восприятия, перцептуальной значимости определенных членов категорий, которые получают статус прототипа. Другое возможное объяснение – это частотность этих форм (понятий и их названий). Указывают также на некоторые второстепенные свойства прототипичности – социальную или культурную значимость тех или иных прототипов для общества. Главная причина их появления в эффективности категорий, построенных по прототипическому принципу: они более гибкие, более открытые для новых членов, а значит, способны развиваться» [10, с. 112].

Прототипами могут выступать типичные примеры, социальные стереотипы, идеалы, образцы, метонимические и частичные модели (подкатегории). Классификацию прототипов приводит Дж. Лакофф, который продолжил теорию Э. Рош [11, с. 32]. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «представление о том, что естественная категория имеет прототипную структуру, это тоже самое, что утверждать о том, что эта категория имеет свое особое внутреннее построение, что не все ее члены являются равными» [10, с. 103]. Она имеет определенную структуру, организованную вокруг прототипа (фокуса, ядра) или даже нескольких прототипов при ее распределении на несколько субкатегорий [10, с. 106]. Отнести любой объект к категории можно на основе степени его схожести с прототипом [5, с. 37].

Прототипические элементы когнитивных категорий имеют самое большое количество характеристик, общих с другими членами категорий, и наименьшее количество признаков, характерных для других категорий [15, с. 603]. Схожесть с прототипом основана на общности множества свойств, которыми обладают категории, члены которых имеют разный ранг [16, с. 87]. Такое построение категории называют градуированной внутренней структурой [19, с. 28]. Градация по параметру принадлежностей к категории приводит именно к тому, что категории имеют подвижную демаркационную линию между положительными и негативными примерами на периферии, т.е. не имеют четких границ [14, с. 1]. Тот факт, что границы категорий являются размытыми, а между категориями могут существовать переходные зоны, свидетельствует о том, что категоризация обусловлена не объективным характером границ между предметами и явлениями окружающего мира, а когнитивными способностями человеческого разума [3, с. 81].

В лингвистике, как пишет Н. Н. Болдырев, теория прототипов положена в основу прототипической семантики – направления и метода исследования категоризации языковых единиц и их значений, которые используют все основные положения теории прототипов о неравнозначности членства в категории, наличие в ней ядерных, или центральных, элементов, т.е. прототипов, и менее типичных элементов, а также об установлении принадлежностей к категории по сходству с прототипом. Это, по мнению ученого, «особенно важно для лингвистических исследований, поскольку именно прототипическая семантика языковых

единиц во многом определяет их использование в предложении для передачи того или иного функционального содержания» [3, с. 81]. Кроме того, она предоставляет возможность «получить более глубокое представление о структуре и содержании тех концептов, которые лежат в основе формирования соответствующих языковых категорий, о принципах организации этих категорий и знания в целом» [4, с. 34-35].

Прототипическая семантика, или теория прототипов, является наиболее известной концепцией когнитивных обоснований языковой категоризации. Прототипические категории, в отличие от логических категорий Аристотеля, более эффективно обеспечивают и объясняют мыслительные процессы и процессы использования языка [3, с. 83].

Отличительной особенностью прототипического подхода является также признание двух аспектов категоризации: горизонтального и вертикального. Горизонтальный аспект категоризации предполагает, что те или иные объекты обязательно должны быть отнесены к определенным категориям одного и того же уровня обобщения. В то же самое время эти объекты могут быть отнесены к разным по степени обобщенности категориям на разных уровнях категоризации [3, с. 84].

Один из уровней, средний, считается базовым, а остальные определяются как суперординатный (более абстрактный, верхний уровень) и субординатный (более конкретный, нижний уровень). Базовому уровню уделяют особое внимание. Этот уровень, по мнению Э. Рош и ее коллег [21, с. 589], является психологически наиболее значимым и играет ведущую роль в понимании и осуществлении процессов категоризации. Эту идею базового уровня положено в основу самой концепции прототипического подхода, полное название которой «теория прототипов и категорий базового уровня» [17]. Таким образом, категоризация как познавательный процесс представляет собой не простое членение мира на категории разного уровня абстракции и соотнесение с ними определенных объектов и явлений, но также специальное выделение базового уровня как психологически более значимого, т. е. базового [3, с. 89].

О базовом уровне говорят, прежде всего, в отношении категоризации понятий, но часто имеют в виду также категоризацию соответствующих языковых обозначений. Отношения между уровнями категорий отражаются в гиперо-гипонимической иерархии слов [12, с. 237], например *фрукт – яблоко – антоновка*, *животное – собака – пудель*. Для биологических таксономий базовый уровень категоризации соответствует родовым названиям (*яблоко*, *собака*). Именно из этого уровня в свое время Э. Рош и ее коллегами были отобраны наиболее убедительные примеры, которые проиллюстрировали прототипическую структуру категорий, поскольку прототипы располагались именно на базовом уровне категоризации. Однако в исследованиях немецких ученых Хоффмана и Цислера было выявлено, что базовые (первичные) понятия и их названия могут занимать разные места в родо-видовой (гипо-гиперонимической) иерархии: например, в иерархии *транспорт – машина – «фольксваген»* первичное понятие совпадает с родовым именем (*машина*), а в иерархии *дерево – лиственное дерево – береза* базовое понятие (*дерево*) располагается на два уровня выше, чем родовое имя (*береза*) [1]. Таким образом, очевидно, что точно определить место базовой категории в родо-видовой иерархии не так просто. Из-за такой непоследовательности теория Э. Рош подверглась критике со стороны Р. М. Фрумкиной [8, с. 57].

Несмотря на сложности выяснения места базовых категорий в иерархической классификации, сам базовый уровень категоризации имеет особое значение для познавательной деятельности человека, поскольку он является «центральным для многих видов когнитивной деятельности» [6, с. 75].

Языковые единицы базового уровня категоризации отвечают нейтральному уровню конкретности, которая не несет дополнительной информации прагматического характера. Использование слова для обозначения высшего или низшего уровня при номинации объекта всегда добавляет либо избыточной точности, либо излишней неопределенности, а

значит, названия большей или меньшей степени точности используют тогда, когда это требует контекст, т. е. когда использование лексемы базового уровня может привести к неправильному пониманию [9].

Понятие «категория» рассматривалось также и с точки зрения логического подхода. Согласно логическому определению, данному философами, «категория» характеризовалась как предельно общее понятие, отражающее наиболее существенные, закономерные связи и отношения объективной действительности и познания, а категоризация стала отождествляться с логической операцией обобщения, которая заключается в целенаправленном переходе от видового понятия к родовому понятию, путем отбрасывания видообразующих признаков [13]. Категории логики, философии, научные категории в различных областях знания рассматриваются как ментальные сущности – предельно общие понятия и наиболее общие, существенные свойства и отношения реальности, – результат сжатия неисчерпаемого многообразия мира до определенных рубрик (классов, групп, типов и подобных общностей объектов, явлений, отношений, действий и т. п.) – безотносительно к знаковым средствам и способам их реализации.

В теории семейных сходств Л. Витгенштейна выделение категорий производится не по наличию у основного объекта и членов группы существенных признаков, а на основе подобия тех или иных характеристик у основного члена группы и у остальных, входящих в данную категорию. В этом случае только часть элементов категории будет обнаруживать какие-либо из этих признаков, другим элементам будут свойственны другие признаки, и в то же время нельзя выделить признаки, общие для всех членов категории и при этом общие только для них [2, с. 27].

Оппозитивный подход к выделению категорий образован на основе противопоставления членов одной категории другой или даже предполагают сходство членов категории с прототипом по существенным свойствам, но различия по наименее существенным признакам [3].

Категории, выделенные на основе классического, прототипического, логического, полевого, оппозиционного подходов, по мысли Дж. Лакоффа, «не являются когнитивными», так как в них не учитывались далеко не все когнитивные механизмы, факторы и принципы категоризации как совокупности реальных ментальных операций, используемых человеком в процессах познания мира и его «оязыковления» [11].

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что категоризация отображает не случайное распределение явлений окружающей действительности, а базируется на когнитивных способностях человеческого мозга: сравнение, отождествление, аналогия. В общем смысле категоризацию можно определить как процесс систематизации усвоенных знаний, особой формой структурирования знаний, представляя ее как когнитивный процесс, который дает возможность людям осознавать мир, фиксируя и структурируя его удобным для деятельности мозга способом.

Литература

1. Ахутина Т. В. Проблема строения индивидуального лексикона человека в свете идей Л. С. Выготского // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология», 1994. №4. С. 44–51.
2. Болдырев Н. Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке. М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : ИД ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. С. 17–120.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. 123 с.

4. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики* : Научное издание / под ред. И. А. Стернина. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 25–36.
5. Демьянков В. З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // *Структуры представления знаний в языке* / отв. ред. Е. С. Кубрякова. М. : ИНИОН РАН, 1994. С. 32–86.
6. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Екатеринбург, 2016. 629 с.
7. Иссерс О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // *Вестник Омского университета*, 1999. Вып. 1. С.74–79.
8. Категоризация и концептуальные классы / Р. М. Фрумкина, А. В. Михеев, А. Д. Мостовая, А. Д. Рюмина // *Семантика и категоризация*. – М. : Наука, 1991. С. 45–59.
9. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
10. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
11. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / пер. с англ., сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова, В. И. Герасимова. М. : Прогресс, 1988. С. 2–52.
12. Петров М. А. Роль гиперо-гипонимических отношений в оценочной категоризации предметов и явлений // *Когнитивная семантика : материалы II межд. школы-семинара*. Ч. 2. Тамбов, 2000. С. 237–240.
13. Шафиков С. Г. Категории и концепты в лингвистике // *Вопросы языкознания*. 2007. № 2. С. 3–17.
14. Craig C. Introduction // *Noun classes and categorization: Proceedings of a Symposium on categorization and noun classification*, Eugene, Oregon / C. Craig (Ed.). Amsterdam; Philadelphia, 1986. P. 1–10.
15. Goldstone R. L., Kersten A. Concepts and Categories // *Comprehensive handbook of psychology* / A. F. Healy, R. W. Proctor (Eds.). New York : Wiley 2003. Vol. 4. Experimental psychology. P. 591–621.
16. Hampton J. A. Prototype models of concept representation // *Categories and concepts: Theoretical views and inductive data analysis* / I. V. Mecheln, J. Hampton, R. S. Michalski, P. Theuns (eds.). London : Academic Press, 1993. P. 67–95.
17. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago; London : University of Chicago Press, 1990. 632 p.
18. Rosch E. Cognitive representation of semantic categories // *Journal of Experimental Psychology*, 1975. N104. P. 573–605.
19. Rosch E. H. Principles of Categorization // *Cognition and Categorization*. Hillsdale, New York : Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27–48.
20. Rosch E. Natural categories // *Cognitive psychology*, 1973. Vol. 4. P. 328–350.
21. Rosch E., Mervis C. B. Family resemblances: Studies in the internal structure of categories // *Cognitive Psychology*, 1975. N 7. P. 573–605.

УДК 811.161.1'373.21+81'25

Симонова О. А., Ситникова А. Ю.
Simonova O. A., Sitnikova A. Yu.

УРБАНОНИМИЯ СУРГУТА И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

SURGUT URBANONIMY AND ITS TRANSLATION INTO ENGLISH

Статья посвящена проблеме изучения урбанонимов, их классификации и способов их перевода на английский язык. Авторы рассматривают урбанониимию г. Сургута, используя примеры из англоязычных интернет-сайтов.

The article deals with the problem of urbanymys study, their classification and the ways of translation into English. The authors represent the Surgut city urbanymys using the information from the English texts on some websites.

Ключевые слова: топонимы, урбанонимы, классификация урбанонимов, способы перевода урбанонимов.

Keywords: toponyms, urbanymys, classifications of urbanymys, translation methods for urbanymys.

Изучение лингвистической картины города Сургута становится особенно актуальным, так как большое внимание отечественной и зарубежной прессы и общественности привлекается к экономической столице Югры. Более того, переводчики-специалисты, выполняющие переводы топонимических и информационных текстов, Интернет-сайтов и т. п., испытывают определенные трудности в выборе способов перевода наименований городских объектов, т. е. урбанонимов, что требует особого внимания и сознательного подхода в процессе интерпретации информации на разных языках.

Наш интерес к исследованию урбанонимов города Сургута, содержащихся в англоязычных текстах, в том числе и в глобальной сети, обусловлен расширением международных контактов и возрастанием интереса к переводу урбанонимов. Это особенно важно для профессиональных переводчиков, решающих проблемы, связанные с разработкой переводческих стратегий и применением тех или иных переводческих трансформаций для интерпретации наименований городских объектов. Анализ научной литературы также показывает, что в переводоведении существует много разных точек зрения по поводу необходимости сохранения национально-языкового колорита при переводе или нарушения целостности топонимической картины, что вызывает большое количество разногласий.

В исследованиях Д. И. Ермолович, Т. А. Казаковой, А. М. Мезенко, Н. В. Подольской и др. отмечается отсутствие единого подхода к переводу городских топонимов. Несмотря на то что возможности сети Интернет и карты Google позволяют перевести на картах любого города наименования самых известных улиц и площадей, в каждой стране и в каждом городе мы найдем места, названия которых будут непонятны иностранцу.

Рассмотрим ключевые понятия нашей статьи, в частности понятие «урбаноним» (от лат. "urbanus" «городской» + оним) – «вид топонима. Собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в т. ч. агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [1, с. 91]. По определению А. М. Мезенко, урбанонимия представляет собой «совокупность всех названий внутригородских объектов, как ныне существующих, так и использовавшихся в предшествующие эпохи» [2, с. 3]. Это понятие включает названия *линейных* (улиц переулков, проспектов, проездов, тупиков, линий и т.п.), *территориальных* (площадей, скверов, парков, рынков, районов, прудов

и т.п.) и *масштабных объектов* (церквей, гостиниц, костелов, монастырей, кинотеатров, кафе, памятников и т.п.). Несмотря на то что урбанонимия представляет собой набор названий очень разнородных объектов, входящие в нее единицы тесно связаны между собой и выполняют одинаковые функции, что является основой их объединения в один класс топонимов.

Наименования улиц представляют собой совокупность всех топонимических типов: гидронимии, оронимии (названия различных типов рельефа), топонимии населенных пунктов, дорог и т. п., поскольку названия всех этих объектов так или иначе участвовали в формировании топонимии улиц. В результате этого названия улиц как по происхождению, так и по мотивированности наиболее разнообразны и разнотипны. Отражая определенную историческую эпоху, урбанонимы помогают проследить историю становления города, являются источником ценной лингвокультурологической информации.

Особенность урбанонимии заключается в специфическом наборе признаков, часть из которых является общей с одной из групп топонимов. Так, помимо общих для всех разрядов топонимов признаков, как отмечает А.М. Мезенко, урбанонимам свойственны: «1) высокая степень сменяемости, 2) в основном низкая степень известности, 3) слабая связь с диалектом, 4) преимущественная одноязычность, 5) семантическая мотивированность большинства урбанонимов, 6) преобладание искусственной номинации над естественной, 7) письменная закреплённость» [2, с. 15].

Человеческая деятельность, привязанная к данному месту, оказывает влияние на формирование системы названий внутригородских объектов, поэтому урбанонимы строятся по иному принципу, чем топонимы, представляющие собой общие названия географических объектов. Урбанонимы, как и сами города, созданы человеком и составляют особую категорию, выделяющуюся на основе их функций в жизни общества: по деловому, хозяйственному, культурному, идеологическому и другим назначениям.

В нашем исследовании мы опираемся на мнение А. М. Мезенко, которая считает, что названия внутригородских топографических объектов, как ныне существующих, так и использовавшихся в предшествующие эпохи, можно охарактеризовать согласно общепринятой классификации.

Годонимы составляют первую группу, включая названия линейного объекта, например улиц, переулков, проспектов, бульваров, набережных и т. п. Лингвистическая урбанонимика Сургута также представлена следующими годонимами:

- названия отдельных улиц: *улица Федорова (Fyodorov Street)*;
- названия переулка: *Лесной переулок (Lesnoy Pereulok)*;
- названия проспекта: *проспект Мира (Mira Avenue)*;
- названия проезда – небольшой улицы, соединяющей две более крупные улицы: *проезд Мунарева (Munarev Proezd)*;
- названия бульвара – улицы со скамейками, газонами и аллеями, предназначенными для пешеходного движения и кратковременного отдыха: *Бульвар Писателей (Bulvar Pisateley)*;
- названия набережной – улицы вдоль реки или другого крупного водоема: *Университетская набережная (Universitetskaya Naberezhnaya)-riverside*;
- название транспортной развязки (кольцо) – улицы, имеющей форму круга: *Грэсовское кольцо (Gresovskoe Koltso) roundabout*;
- названия шоссе – магистральной улицы, направленной на выезд из города: *Нефтеюганское шоссе (Nefteyuganskoye Shosse)*;
- названия магистралей – главной широкой улицы с интенсивным транспортным движением: *Югорский тракт (Yugorsky Trakt)*.

Агоронимы, т. е. названия территориальных объектов, включающих названия площадей, скверов, парков, рынков, водохранилищ, памятников и т. п., образуют вторую группу урбанонимов. Примерами агоронимов в г. Сургуте являются следующие названия:

- площади – открытого пространства, обрамленного зданиями и зелеными насаждениями, находящегося на перекрестке улиц: *Центральная площадь (Tsentralnaya Ploschad- Central Square)*;
- сквера – объекта озеленения города: *Сквер Геологов (Skver Geologov)*;
- парка – предназначенной для отдыха открытой озелененной территории: *Саймовский парк (Saima Park)*;
- рынка – объекта торговой площади: *Центральный рынок (Tsentralny Ryinok- Central Market)*;
- водохранилища – искусственного водоема, образованного для хранения воды в целях ее использования в народном хозяйстве: *Грэсовское водохранилище (Gresovskoe Vodokhranilische – Power Station Pool)*;
- памятника – сооружения, предназначенного для увековечения людей, событий, объектов: *Мемориал Славы (Memorial Slavy)*, *Памятник Основателям Сургута (Pamyatnik Osnovatelyam Surguta)* [5, с. 274].

Изучение урбанонимов позволяет выявить важную историческую и социокультурную информацию, которая может быть интересна зарубежным гостям города, а также гидам-переводчикам. Сургуту как поселению уже более 420 лет, в 1965 году он получил статус города и пережил свое «второе рождение» благодаря открытию и освоению нефти и газа. Название города Сургута отражает его местоположение, так как он был назван по ближней обской протоке *Сургутль-Мухэт*, где *мухэт* на языке ханты 'протока', а основа гидронима от хантыйского личного имени *Сур*.

В нашем исследовании, опираясь на классификацию Р. В. Разумова [4], мы проанализируем наиболее распространенные мотивировки выбора названий объектов городской топонимии Сургута:

1. Урбанонимы, мотивированные антропонимами:

- в честь политических и революционных деятелей: *проспект Ленина, улица Энгельса; улица Ивана Кайдалова*;
- в честь первооткрывателей нефти: *улица Фармана Салманова (руководителя геологической экспедиции), улица Мелик-Карамова (бурового мастера), улица Федорова (главного геолога)*;
- в честь почетных граждан Сургута: *улица Бахилова (первого секретаря горкома КПСС), улица Кукуевицкого (нефтяника), улица Генерала Иванова*;
- в честь писателей, поэтов, литературных критиков: *улица Пушкина, улица Лермонтова, улица Бажова*;
- в честь военных (участников военных конфликтов, летчиков и космонавтов): *улица Гагарина; улица Терешковой*;
- в честь деятелей науки: *улица Менделеева*.

2. Урбанонимы, мотивированные топонимами:

- урбанонимы, отражающие расположение объектов, присоединенных к черте города: *пос. Взлетный – ул. Взлетная*;
- урбанонимы, отражающие расположение путей сообщения: *ул. Привокзальная, ул. Аэрофлотская, Речной Вокзал*;
- урбанонимы, отражающие расположение объектов физической географии (водных объектов, форм рельефа): *р. Сайма – Саймовский парк*;
- урбанонимы, созданные в память об исторических событиях: *ул. 30 лет Победы, ул. 50 лет ВЛКСМ*;

– урбанонимы, созданные в честь какого-либо города: *г. Москва – ул. Московская, г. Ленинград – ул. Ленинградская.*

3. Урбанонимы, мотивированные экклезионимами¹: *Преображенский Храм, Святоニコльский Храм.*

4. Урбанонимы, мотивированные эргонимами²: *ул. Геологов, ул. Нефтяников, ул. Строителей, ул. Энергетиков.*

5. Урбанонимы, отражающие особенности расположения объекта:

– относительно водных объектов: *ул. За ручьем, ул. Затонская;*

– относительно каких-либо участков земли, засаженных растениями: *ул. Лесная, пос. Кедровый;*

– относительно форм рельефа: *ул. Овражная, ул. Песчаная;*

– относительно элементов планировочной структуры города: *микрорайон НГДУ, ул. Привокзальная, Привокзальная площадь.*

6. Урбанонимы, отражающие особенности и свойства объекта номинации:

– физико-географические особенности объекта: *ул. Северная, переулок Южный, ул. Югорская;*

– функциональную нагрузку улицы (переулка): *ул. Центральная;*

– возраст объекта: *ул. Новая; Старый Сургут;*

– отсутствие имени у объекта: *Безымянный переулок;*

– особенности объекта в связи с человеческой деятельностью: *ул. Рабочая, ул. Университетская, ул. Первопроходцев;*

– историко-политические события и социальное устройство общества: *ул. Декабристов;*

– эмоционально-эстетические установки и ценности общества: *ул. Энтузиастов* [5, с. 273–274].

Особый интерес представляют способы перевода урбанонимов. Один из них связан с максимально точной передачей смысла названия, что предполагает пословный перевод названия с возможностью последующего построения фразы-названия. Например, название этнографического центра «Старый Сургут», где все дома были построены заново по фотографиям оригинальных домов, можно перевести на английский язык как *The Old Surgut*, что будет понятнее иностранцу. Однако также существует опасность того, что данный перевод сообщает информацию об оригинальных домах старинного Сургута, что не соответствует действительности. Другой пример связан с названием Памятника основателям Сургута, что также целесообразнее перевести не с помощью транслитерации *Pamyatnik Osnovatelyam Surguta*, а с помощью калькирования, что помогает передать внутреннюю форму урбанонима – *The Monument to the Founders of Surgut*.

Второй способ перевода урбанонимов связан с максимально точной передачей произношения названия на оригинальном языке, т. е. предполагает перевод иноязычных названий с использованием правил транскрипции и транслитерации. Примером применения такого способа является перевод названия *Югорский тракт (Yugorsky Trakt)*. Такой способ получил распространение при создании уличных информационных щитов, когда для передачи названий объектов используются способы транслитерации названий на латиницу. Безусловным недостатком этого способа является невозможность передачи смысловой нагрузки названия и сложность транслитерации некоторых названий на иностранные языки. Так, например, слово *Trakt* может вызвать непонимание у англоязычных пользователей и потребует пояснения *Highway / Motorway*.

Комбинационный способ, который предполагает совместное применение вышеназванных способов, является наиболее распространенным в настоящее время.

¹ Экклезионимы – имена собственные, связанные с религией.

² Эргоним (от греч. *εργο* – «дело, труд, деятельность») – собственное имя делового объединения людей.

Данный способ предполагает перевод многословных названий путем точной передачи смысла названия, а при отсутствии такой возможности – передачу названия точным произношением. Как правило, применение данного способа позволяет точно передать смысл прилагательного в названии и, по возможности, передать смысл оставшейся части названия. Например, при переводе урбанонимов *Грэсовское кольцо (Gresovskoe Koltso)* и *Нефтеюганское шоссе (Nefteyuganskoye Shosse)* для передачи смысла лучше применить комбинационный способ, максимально приближенный к оригиналу и способствующий правильному использованию информации, в данном случае для ориентирования по карте: *Gres Roundabouts* и *Nefteyugansk Motorway*.

На сайте для путешественников *Travel Guide* [7] упоминаются достопримечательности Сургута, в частности Храм Преображения Господня, название которого переведено как *Church of the Holy Transfiguration*, что позволяет точно отразить полный смысл данного экклезионима на английском языке.

Разновидностью урбанонимов также являются эргонимы, т. е. названия предприятий и учреждений. На Интернет-сайте, рекламирующем выставки в разных городах [6], указаны основные градообразующие предприятия Сургута с использованием комбинационного способа, например: ОАО «Тюменьэнерго» переводится *Tyumenenergo OJSC* с предваряющим уточнением - *Electric power energy*, что обеспечивает полное раскрытие смысла данного названия. Сургутский хлебозавод переводится как *Surgut Bakery*, Сургутский молокозавод – *Surgut City Dairy Plant*, Сургутский мясозавод – *Meat processing plant "Surgutsky" ltd.*, пивзавод – *Brewery "Surgutsky"*. Такой перевод обеспечивает точность передачи смысла урбанонимов для зарубежных пользователей Интернет-сайтов, где содержится информация о Сургуте [5, с. 276].

Таким образом, изучение урбанонимов города представляет собой научно-лингвистическую и социокультурную ценность, а также позволяет раскрыть лингвокультурный и исторический контекст городского лингвистического ландшафта.

Литература

1. Казакова Т. А. Практические основы перевода [Лексические приемы перевода]. СПб. : Союз, 2001. 320 с.
2. Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1991. 35 с.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская; изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 192 с.
4. Разумов Р. В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX вв. (на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля) : автореф. дис. ... канд. филол. наук.. Ярославль, 2003. 19 с.
5. Симонова О. А., Ситникова А. Ю., Семилеева Ю. А. Урбанонимы Сургута и способы их перевода на английский язык // Перевод в меняющемся мире: материалы Межд. науч.-практ. конф., г. Саранск, 19-20 марта 2015 г.; редкол.: Н. В. Буренина (и др.). М. : Азбуковник, 2015. С. 272–276.
6. Сургут // Экспонет.ру. URL: <http://www.exponet.ru/exhibitions/countries/rus/cities/surgut/index.en.html> (дата обращения: 14.02.2017).
7. Сургут // Travel Guide. URL: <http://www.my-world-travelguides.com/surgut-russia.htm> (дата обращения: 14.02.2017).

УДК 881.111'25=161.1

*Ткаченко Л. И., Чмых И. Е.
Tkachenko O. I., Chmykh I. E.*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ

SOME ASPECTS OF FEATURE FILM TITLE TRANSLATION

Статья посвящена проблеме перевода названий художественных фильмов. В работе рассматриваются типы трансформаций и стратегий перевода, необходимых для успешной работы будущего переводчика.

The paper covers feature film title translation issues. It considers translation transformation and strategies leading to successful performance of a translator-to-be.

Ключевые слова: заголовок, киноискусство, приемы, трансформации, переводческие стратегии.

Keywords: title, cinematography, techniques, transformation, strategies.

Не вызывает сомнения, что теле- и видеопродукция является одной из наиболее предпочитаемых в современном потребительском мире. Нередко именно этот тип феноменов культуры становится основным источником и транслятором как образа своей культуры, так и чужой. Сегодня основной проблемой, вызывающей интерес лингвистов, является перевод названий художественных фильмов. Прежде чем рассматривать лингвистические особенности перевода названий кинофильмов, необходимо выяснить, что же такое кинематограф, фильм и художественный фильм. «Кинематограф – это комплекс устройств и методов, обеспечивающих съемку и демонстрацию фильмов» [5]. Иногда также упоминается как синематограф и кинематография. Кинематограф был изобретен в конце XIX века и стал крайне популярен в XX веке. Этот вид искусства тесно связан с технической основой кинематографа, и киноиндустрия (кинопромышленность) – отрасль экономики, производящая кинофильмы, спецэффекты для мультипликаций и кинофильмов и демонстрирующая эти произведения для зрителей.

Киноискусство – это литература, изобразительное искусство, театр и музыка, соединенные в одно целое, поэтому говорят, что 28 декабря 1895 года родилась новая муза – муза кино. «Фильм – термин, который относится к кинематографии и ее истории. Художественный фильм – это произведение киноискусства, имеющее в основе сюжет, воплощенный в сценарии и интерпретируемый режиссером, который создается с помощью актерской игры, режиссерского, операторского и прочих искусств» [1]. В более общем смысле под художественным фильмом понимается фильм как продукт художественного творчества, создаваемый не только с помощью актерской игры, но любыми другими предварительно подготовленными средствами, например, с помощью средств мультипликации. Такой фильм может быть создан и в формах документального и научно-популярного фильма.

Кинематограф – один из популярнейших видов развлечения в нашем обществе. Важной частью успеха фильма в прокате является его название, так как привлекательным названием привлечь проще, чем непосредственным сюжетом фильма. Согласно исследованиям [2; 4; 5], около восьмидесяти процентов читателей печатных изданий обращают внимание на заголовки. И чем более кричащий этот заголовок, тем больше вероятность, что на него обратят внимание. Так же дело обстоит и с кино. Едва взглянув на название, можно определить, захотите ли вы потратить свое время на просмотр.

Создатели стараются давать своим работам короткие и интересные наименования, вследствие того что название призвано завлекать наибольшее количество публики. Название фильма должно быть сравнительно ясным по содержанию и запоминаться без усилий. Это маркер, выражающий суть фильма в очень сжатой форме, оно определяет основную идею в двух-трех словах. При переводе названий фильмов зачастую возникают следующие вопросы: адаптировать ли названия фильмов под менталитет конкретной страны или придерживаться дословного перевода, может ли переводчик исказить суть названия, привнося свой смысл?

При переводе названий кинофильмов используются переводческие трансформации, поскольку они относятся к группе перевода художественных текстов. Так как при переводе потери неизбежны, существует ряд преобразований, которые позволяют сохранить адекватность перевода. Термин «переводческая трансформация» используется многими переводоведами (Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер, Р. К. Миньяр-Белоручев, Я. И. Рецкер и др.). Л. С. Бархударов определяет переводческие трансформации как многочисленные и качественно разнообразные преобразования, которые используются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности») перевода, невзирая на расхождения в формальных и семантических системах двух языков [2]. По мнению В. Н. Комиссарова, переводческие трансформации есть преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле. И поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц [4]. Ниже приведем несколько наиболее значимых иллюстрирующих примеров, согласно классификации В. Н. Комиссарова:

1. *Прием лексических добавлений.* Используется в тех случаях, когда смысл раскрыт не полностью и требуются дополнительные лексические единицы. Например: “Bean” («Мистер Бин») (реж. Мел Смит, 1997). При переводе было добавлено определяющее слово «мистер», подразумевая, что Bean - это фамилия.

2. *Прием опущения.* Это тип трансформации используется в обратных случаях, когда есть смысл опустить семантически избыточные слова, значения которых оказываются нерелевантными или легко восстанавливаются в контексте. Например: “Voyage of Time: Life's Journey” («Путешествие во времени») – пример семантической избыточности; «парные синонимы» – параллельно употребляемые слова с близким значением.

3. *Прием перемещения лексических единиц.* Если слово нельзя употребить в том месте, где оно стоит в оригинале (в частности из-за сочетаемости слов), есть смысл использовать его в другой части высказывания. Например, приемом перемещения может служить название фильма “Home alone” (реж. Крис Коламбус, 1990), которое было переведено на русский язык как «Один дома» [4].

Следует отметить, что при самом переводе и адаптации названий фильмов большую сложность вызывает использование переводческих стратегий. Как показывает исследование, наиболее распространенными являются следующие:

1. Прямой или дословный перевод названий фильмов на русский язык. Стратегия применяется в том случае, если в оригинале присутствуют неперебиваемые реалии и конфликт между формой и содержанием.

2. Трансформация названия, необходимость которой вызвана разнообразными факторами: лексическими, стилистическими, функциональными, прагматическими. При адаптации недостаточность дословного перевода дополняется различными переводческими трансформациями, которые описывались выше.

3. Полная замена названия кинофильма, если невозможно досконально передать смысл. Прагматическая адаптация вызывается определенными пластами лексики, с которыми

соотносятся реалии, фразеологизмы, авторское словотворчество, так как они несут определенную смысловую нагрузку, что становится непонятным при дословном переводе.

Приведем примеры используемых переводческих стратегий. Чаще всего оригиналы названия соответствуют стилистике русского языка, отвечают маркетинговым и рекламным функциями и могут считаться достаточно адекватным способом перевода:

➤ *дословный перевод*: “Pirates of the Caribbean: The Curse of the Black Pearl” (2003) – «Пираты Карибского моря: Проклятие черной жемчужины»;

➤ *трансформация*: “Theory of Everything” (2014) – «Вселенная Стивена Хокинга» (использовано имя известного ученого для привлечения внимания, когда название не отвечает требованиям маркетологов, либо оно будет непонятно российскому зрителю, названия кинофильмов полностью меняют. Можно отметить, что часто замена названия может быть не совсем удачной, а иногда может больше соответствовать концепции фильма, чем оригинальное название);

➤ *калькирование*: “Zootopia” (2016) – «Зверополис» (калькирование часто используется для передачи биоэквивалентной лексики, что необходимо в данном случае.

Примеры лексико-семантических замен:

➤ *конкретизация*: “Whiplash” (2013) дословно звучит как «Приступ», но в русском прокате получило название «Одержимость»;

➤ *генерализация*: “The Fault in Our Stars” (2014) – «Виноваты звезды» (использована генерализация во избежание нагромождения);

➤ *модуляция*: “Cast away” (2000) – «Изгой»;

➤ *транслитерация*: “Gran Torino” (2008) – «Гран Торино» (зачастую в названия присутствуют имена собственным, географические названия, и даже слова, которые придумали сами создатели фильма, то есть определенные реалии, не имеющие аналогов в русском языке);

➤ *транскрибирование*: “Gandhi” (1982) – «Ганди» [1].

Таким образом, проблема перевода названий кинофильмов на сегодняшний день остается многогранной. Исследование особенностей перевода заголовков художественных произведений, в том числе названий кинофильмов, позволит обогатить переводчика новыми знаниями и будет способствовать совершенствованию его профессиональных навыков.

Литература

1. 250 лучших фильмов [Электронный ресурс] // КиноПоиск: сайт. URL: <https://www.kinopoisk.ru/top/> (дата обращения: 11.04.2017 г.).
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М. : Междунар. отношения, 1975. 240 с.
3. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. М. : ЧеРо, 1999. 136 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1990.
5. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширява [и др.]; РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М. : Флинта: Наука, 2003. 840 с.
6. Лазарева Э. А. Заголовок в тексте. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1989. 96 с.

ПЕРЕВОДЫ

УДК 001:62+62:1

Оттута Ж.
(перевод Мархинина В.В.)

ТЕХНОНАУКА: МЕЖДУ ТЕХНОФОБИЕЙ И ТЕХНОФИЛИЕЙ

В 1950 году Пьер Дюкасс, философ и историк технологии, подчеркнул трудность философского осмысления техники, описав при этом три типичных, но неадекватных отношения к ней: антитехнизм, технофилию и равнодушие¹. Первое отношение объясняется тем, что оно принадлежало к «очень старой традиции недоверия к искусственности» и, напротив, «доверия к естественному порядку»; традиции, характерной как для мыслителей прошлого, так и настоящего времени. Технофилию он считал феноменом, лежащим «по определению» за пределами философии, поскольку она предполагает, что возможно техническое решение любой проблемы. Приверженец технофилии, соответственно, оценивает противоположную позицию как самоубийственную (для человека. – Прим. пер.), к чему склоняются, к сожалению, многие мыслители, относящиеся к технике положительным образом. Что касается позиции равнодушия, она основывается на иллюзии «декларируемой нейтральности технологии», что на деле означает отсутствие философского интереса к проблеме. Как бы то ни было, скажем сразу, что дебаты по вопросу о технике не могли приобрести значительной остроты.

В своей презентации философии техники² Жан-Ив Гоффи (Jean-Yves Goffi) отмечает: «Перечисление современных авторов, которые разделяют позицию технофобии составил бы очень длинный, практически незавершимый, список» (там же, с. 11). Эта оценка относится, в частности, к французским философам и интеллектуалам.

I. Технофобия и автономность технонауки

В первой половине двадцатого века два мыслителя повлияли на понимание техники: Ж. Эллюль (J. Ellul) и М. Хайдеггер. Понимание техники первым должно было стать своего рода архетипом анти-технократической позиции и технофобии, содержащим пункт, почти карикатурно подражающий обвинениям в адрес современного искусства: предположение о независимости ее развития. В 1954 год он писал (что можно прочесть в работе «Техника как вызов века»³): «Техника автономна <...>. Она является первичной по отношению к экономике и политике <...> технические условия являются причиной социальных, политических и экономических явлений. Техника определяет все, несмотря на заблуждение заносчивого человека, утверждающего, что его философские теории от века и донныне имеют определяющее воздействие на власть, а политические режимы имеют решающее значение в эволюции общества <...>. Автономность техники является манифестом, направленным против моральных и духовных ценностей. Мораль позволяет судить по поводу моральных вопросов; но к техническим проблемам она не имеет никакого отношения. <...> человек все меньше и меньше участвует в создании техники, которая становится своего рода фатальностью, поскольку техника является автоматической комбинацией возникших ранее элементов» (там же, с. 121–123).

¹ Les techniques et le philosophe, PUF, 1958.

² La philosophie de la technique, PUF, 1988.

³ Armand Colin.

Автономия техники характеризуется следующим:

- тем, что технические возможности реализуются в движении техники, исходящем из ее внутренней собственной цели; люди не выступают в качестве векторов, определяющих императивы техники;

- конструкцией технологии как совокупности средств, находящихся на службе людей, как мифом технонауки, являющимся универсальным, всеобъемлющим и замыкающим передачу отчетов (о технических решениях) внутри отдельных культур, на самом же деле, техника планетарна, что дает полное право утверждать: научные законы универсальны. Технолога действительна для решения любой задачи, и наиболее эффективные решения везде одинаковы, несмотря на различия культур и традиций, которые она обходит, оказывая услуги, либо устраняет; поэтому техника тоталитарна;

- техника и наука не могут представлять собой подлинную культуру, потому что они предлагают свои решения по мере необходимости, не оставляя возможности выбора между освобождением и пленом; истинная культура всегда символична и традиционна, коренится в неповторимой истории и в определенном местообитании;

- в связи с этим техника антигуманистична; единственным способом противостоять этому является возвращение к традиции, к символичности цивилизации и слова, а именно – к христианской культуре. «Культура техники по существу невозможна», – подчеркивает Эллюль в 1987 году⁴, иное мнение есть «злоупотребление смыслом и нонсенс».

II. Критика мифа автономности технонауки

Критика мнения об автономности науки и техники была подготовлена в принципиальных моментах в основном двумя философскими течениями: феноменологией и Франкфуртской школой.

С точки зрения феноменологии это мнение является выражением опасной иллюзии, связанной с неверной настроенностью сознания значительной части западных интеллектуалов, состоящей в отрицании субъективности и intersubjectивности бытия и духа как источников знаний о мире, в том числе технонаучного подхода, представляющего эти знания в качестве объективных и независимых. Мишель Генри в недавнее время вновь актуализировал эту критику с позиции той феноменологии жизни, которая представляет технонаучную цивилизацию как «варварскую» и требует от жизни и субъективности отказа от опредмечивания; отказа как способа избежать боли и страдания объективированного состояния. «Жизнь, которая отрицает себя, самоотрицание жизни, это важная черта, определяющая современную культуру в качестве научной культуры» (*La Barbarie*, с. 93). Автономизация техники явится конечным определением процесса, начинающегося, по крайней мере, с институционализации современной математизированной и технизированной науки, выносящей субъективность за скобки. С феноменологической точки зрения стремление к независимости по отношению к (интер)субъективности обречено на провал, и вера в такой путь развития науки и техники является ошибкой. Эта ошибка или ведет в тупик, или к вырождению (науки и техники), что смертельно опасно для судьбы человечества.

В перспективе политической и социальной философии, вдохновляемой Франкфуртской школой, а также в перспективе социологии социального конструктивизма науки и техники, развиваемой в Соединенных Штатах с 1980-х годов, мнение об автономности технонауки обличается как очень похожее на мистификацию, подпитываемую некоторыми слоями общества, обнаруживающими свою заинтересованность в том, чтобы поддерживать иллюзию западного сознания о несчастной судьбе (Запада. – Прим. пер.). Люди всегда хотели планировать в политическом, экономическом и юридическом ключе технонаучное развитие. Идеология автономности

⁴ *Le bluff technologique*, Hachette, p. 175 – 182.

этого развития преследует пользу социального меньшинства, идентифицируемого порой как «техно-капиталистическое» и не замечающего возможных негативных последствий технопрогресса для остальной части общества. Задача в том, чтобы открыть глаза тем, кто страдает от непричастности к движению, определяющему форму власти, или тем, кто решил отстаивать свои собственные интересы. Необходимо, чтобы плоды технаучного развития присваивались всем обществом и чтобы выбор, которым следует руководствоваться, делался всеми заинтересованными и должным образом информированными сторонами. Выбор должен делаться в свете практического разума, который с обязательностью предполагает аргументированное, всеобщее и свободное обсуждение. Это идеал, который невозможно осуществить здесь и сейчас (*hic et nunc*), но уже сейчас и всегда он должен вдохновлять наши обсуждения и наши позиции. В таком случае исключается неодолимая необходимость, фатальность или автоматизм технаучного развития, все зависит лишь от коллективных решений, более или менее сознательных, рациональных и независимых от предубеждений. Философия социальной политики вдохновляет позицию Апеля-Хабермаса полагать, что эти решения могут и должны стать более рациональными и тем самым более универсальными и уважающими общечеловеческие интересы. Этот рациональный универсализм, характерный для современных, так сказать, «гуманистов», является важной составной частью социальной философии и текущей современной политики⁵.

Но критика мнения об автономности науки и техники не обязательно подразумевает только отмеченную позицию. Философы постмодерна и коммунитаряны также считают, что руководство технаучными разработками должно создать прецедент коллективных решений. Тем не менее они считают, что различные общины могут сделать выбор в пользу социально различающихся форм управления технаучными разработками, различные варианты всегда только более или менее унифицируются, но не являются универсальным решением. Императив рациональности, предписывающий стремиться к осуществлению универсального принципа, сам по себе представляет собой своего рода идеологию, которая вместе с некоторыми другими западными традициями послужила образованию определенного сообщества, которое теперь, однако, прекращает расширять свой контроль над человечеством, в частности, и с помощью возможностей, открываемых технауками.

Все эти социальные и политические философии были отвергнуты Ж. Эллюлем, который рассматривает их лишь как различные иллюстрации образцов тонкой техники рациональности.

III. Хайдеггерская технофобия

Подоплекой концепции Хайдеггера является реакция на современную технауку, аналогичная реакции Ж. Эллюля. В «*Эссе и конференциях*»⁶ (французский перевод: Gallimard, 1958), в которых содержится текст, озаглавленный «Вопрос о технике», опубликованный в 1954 году, речь идет главным образом о глубинном значении техники, примитивной и современной. Хайдеггер интерпретирует технику или, сказать точнее, современную технауку как крайний результат истории Бытия, то есть, попросту говоря, как историю того, каким образом западный человек в течение 2500 лет отвечает на вопрос наиболее существенным образом в контексте философского вопроса: что такое бытие? В чем смысл бытия? Прежде всего, надо учесть первый ответ, самый изначальный и самый точный, поскольку он был дан еще на заре греческой философской мысли: бытие суть фюзис. Фюзис – это все то, что растет, расцветает и раскрывает себя. Быть-в качестве Природы (фюзис) – значит включать в себя все, и человека в том числе. Но это также в некотором смысле и человеческая забота, потому что не все, что процветает, процветает, развертывая себя. *Techné* – это знание-и-умение, которыми владеет человек, призванный

⁵ Например, J. Habermas, *La technique et la science comme idéologie*, 1968.

⁶ Перевод на французский: Gallimard, 1958.

помочь в разработке и открытии того, что в фюзис требует участия человека. Эта «техническая» помощь должна быть почтительной, такой, чтобы она не привела к истощению бытия. Изначально положение, в котором фюзис отводит человеку роль «technites» (искусника – Пер.).

Но на протяжении западной истории, протекавшей сначала через платоновский идеализм, когда институт теоретической науки был отделен от технической деятельности, затем через декартовский институт современного научного проекта, в котором культивируются мастерство и господство человеческого субъекта над Природой, чему способствует расчет, осужденный на языке ницшеанского нигилизма, – ситуация, наконец, приходит к тому, что свободно принимаются решения, имеющие глубинное значение, но не предназначенные для чего-то иного кроме того, чтобы увеличить мощь технических средств, в результате чего первоначальный смысл техники утрачивается. Современная технонаука – не более чем конкретизация оперативного проекта мастерства как абсолютной и тоталитарной характеристики метафизики. Это предызображение в спекулятивной и символической форме абсолютного теоретического знания современной технонауки. Что нам остается делать после такой истории?

Фюзис – природа – объективируется и операционализируется, сводится к фундам энергии и используемых материалов без каких-либо ограничений; концепция техники как набора средств подчиняется человеческим целям манипуляции и универсальной операции. Эта концепция также применима к человеку, так как он является частью природы и тоже конкретизирован и операционализирован. Данная концепция антропоцентристской и инструменталистской техники ассоциирована с идеологией современного гуманизма и современного нигилизма.

Эта редукция отношения человека к тому, что есть, к чисто произвольному манипулированию, является следствием забвения бытия и его смысла, что равнозначно регрессу бытия. На самом деле, человек продолжает принадлежать бытию, но он полагает, что бытия больше нет. И он страдает именно от той истории, которая привела от первоначального *техне* к современной технонауке. Хайдеггер обозначает сущность последней словом *постав* (Gestell), который вызывает идею структуры всеохватывающей системы, что доминирует и мобилизует для своего функционирования и самоподдержания все сопряженное с ней, в том числе человека. То есть в определенном смысле можно говорить, что, по Хайдеггеру, техника обладает автономией. Она, по-видимому, является инструментом на службе человека, но поработает человека так же, как природу, она создает положение, когда человек неограниченно эксплуатирует не только природу, но и самого себя. Тем не менее в то же время эта автономия техники является иллюзией. Технонаука зависит от остатков бытия или, точнее, от его крайне отчужденных форм и, в частности, от отчужденности современного человека от бытия. Радикально недостоверная манера, в которой человек отвечает отныне на вопрос о бытии и его смысле, состоит вот в чем: в полном сокрытии и подмене размышления манипуляторской деятельностью, напоминающей калькуляцию и измерение, безразличные к смыслу и жертвующему им.

Каков выход из этого исторического тупика? Спасение, на самом деле, не зависит от самого человека, он в лучшем случае может лишь подготовиться к приходу или возвращению смысла (бытия). Решение, очевидно, не просматривается в области техники как таковой. Шанс на спасение состоит в обновлении мышления-речи на основе возрождения уважения к традиционным языкам и герменевтики их слушания. Самая острая угроза кроется в неожиданном месте: в технаучном или технологическом применении самого языка посредством разработки искусственных языков, его компьютерных и кибернетических приложений, совершенно равнодушных к их традиционным и естественным истокам, так как язык есть, по определению, бытие человека и дом бытия. Хайдеггер, наконец, критикует современную крайнюю форму

технонауки, выражающуюся во введении человека в заблуждение относительно смысла и ценности бытия, фюзис, бога... Хайдеггеру ближе глубинная экология, нежели технонаучный и антропоцентрический прагматизм.

Как у Эллюля и других мыслителей, последнее, сказанное в период позднего творчества, слово Хайдеггера обращается к языку, потому что человек – существо языка, символическое животное, способное знать, что спасение только в восстановлении его положения в символическом качестве, а не в форме оперативной самоидентичности. Но, в отличие от Эллюля, это символическое спасение остается у Хайдеггера неопределенным: это не привилегированная конкретная традиция, такая, как христианская религия, поскольку (как полагает Хайдеггер) пути языка бесчисленны.

IV. Философия технофилии и гуманности

В конце пятидесятых годов философ Жильбер Симондон (Gilbert Simondon) представил свои тезисы об индивидуации, а именно в работе «*О способе существования технических объектов*»⁷ (*Du mode d'existence des objets techniques*), демонстрирующие позицию технофилии и гуманности, в которых развиты идеи предыдущих публикаций и имеется в виду задача минования ловушки сциентизма и технократизма.

Симондон предьявляет счет технофобии и антитехницизму, квалифицируя их как недостаток культуры и культурный анахронизм, что не отличалось от диагноза Ч. П. Сноу, который тот поставил в 1959 году в своих лекциях о «двух культурах» (литературной и научной) (в расширенном переиздании⁸. Традиционная культура с доминирующей в ней литературой (беллетристикой) продолжает формировать элиту, хотя уже не подходит для освоения и социального регулирования современного технонаучного универсума. Она включает в себя устаревшие представления о технике и отношении человека к природному миру, а также устаревшие представления о технологии, такие как, например, представление технологии в виде гигантского набора инструментов, в то время как техника приобрела уже более сетевой, системный и охватывающий характер. Неспособность доминирующей культуры на интеграцию с современной технонаукой создает ряд пагубных эффектов: сопротивления, дисфункции, чувства отчуждения и страдания, что является выражением технофобии. Эта неспособность к (техническому) обучению вызывает разделение между сведущими и всеми другими, теми, кто в технонаучном плане являются недееспособными. Разделение приводит, во-первых, к хаотическому распространению технического бескультурья в обществе, поскольку культура не распространяется упорядоченным образом; во-вторых, последствием становится реакционный упадок традиционной культуры, поскольку она не принимается технонаучной реальностью. С точки зрения Симондона, очерченная ситуация не является фатальной: техничность или технонаука сами по себе не есть нечто антикультурное, они лишь не совместимы с устаревшей культурой. Средства, предлагаемые Симондоном для преодоления кризиса современной цивилизации, заключаются в развитии культуры в гармонии с окружающим миром, что включает в себя соответствующее представление техники и науки средствами информации, образования и повышение культурного уровня, что не отличается от той программы, которая была реализована в эпоху Просвещения и в Энциклопедии восемнадцатого века. Новая культура будет иметь универсальный характер, так как она будет включать в себя законы – научные и технологические, которые являются универсальными, независимыми от верований и идеологий отдельных лиц, принадлежащих различным общинам. Симондон готов признать автономию технонауки в той мере, в какой она заключается в признании объективного, независимого от человеческой субъективности существования ограничений и физических, и технофизических стандартов, так как любое отступление от них представляет риск для

⁷ Aubier, 1969.

⁸ В расширенном переиздании: *The two cultures and a second look*, Cambridge University Press, 1969.

жизнеспособности и процессов передачи данных об окружающей среде, а технофизические модели последней делает недостаточно функциональными и эффективными. Он подчеркивал, что первые замыслы освобождения принадлежат первым философам-физикам-инженерам, людям, способным совладать с физико-технической объективностью, что не проще, чем иметь дело с особенностями политического сообщества.

«Фалес, Анаксимандр, Анаксимен являются, в первую очередь, техниками. Мы не должны забывать, что первому появлению идеи индивидуальной свободы и бескорыстной рефлексии мы обязаны техникам, то есть людям, которые были в состоянии высвободиться из пут сообщества путем прямого диалога с миром. <...> Свободными индивидами являются те, кто занимается исследованиями, устанавливая связи с объектами за пределами общества. <...> Человек не только *zoon politikon*, он также *zoon technikon* и технические коммуникации имеют характер универсальности⁹».

Эта позиция технофилии и гуманистичности, подчеркивающая значение эмансипации и универсальности, близка к идеалу модерна. Симондон сделал немало такого в некоторых аспектах своих произведений и, между прочим, в раскрытии взаимосвязи между техникой и обществом в целом, что дает основания для интерпретации его творчества как «постмодерна»: подчеркивание разнообразия индивидуации, важность потенциальных возможностей, сингулярностей и т. д.

Тем не менее Симондон остается традиционным (не «постмодернистским». – Прим. пер.) мыслителем, поскольку твердо выступает за использование техники *самодетельным человеком* с целью повышения его роли в восстановлении физической среды, то есть среды обитания, не созданной человеком. Символический, или – что тоже – культурный, план модифицируется и осовременивается. С помощью новой и эволюционирующей культуры, символизируемой включенной в нее средой, преобразованной новой техникой, люди окажутся способными к саморазвитию и должны будут развиваться. Ясно свидетельствует об этом следующий пассаж, названный «*Способ существования технических объектов*» (*Du mode d'existence des objets techniques*) [там же, с. 227]: «Нельзя говорить о человеческой реальности, если не иметь в виду, что *человеческая действительность должна изменяться, а именно – культурой* (...), в которую должна быть инкорпорирована техника как особая дисциплина труда; культурой, которая должна включать в себя технические ансамбли и базовые знания о природе, чтобы быть в состоянии регулировать человеческую жизнь в соответствии с функционированием технических ансамблей. Культура должна оставаться выше любой техники, но она должна включать в себя содержание точного знания и интуицию схем работы реальной техники» (курсив – Ж. О.).

Жизнь Симондона – это жизнь человека техники и науки своего времени, которому предыдущая эпоха передала плоды умопомрачительного развития технонауки коммуникаций, биотехнологий и биомедицинской технонауки. Это развитие поставило на повестку дня вопрос об объективизации и технонаучном оперировании тем, что можно было бы назвать ближайшей физической средой личности и в целом человека, а именно: человеческое тело, включая мозг и геном. Удающиеся случаи такого оперирования и технофизических модификаций наводят на мысль, но не дают ответа на вопрос: «Что такое человек?». Однако же открываются головокружительные перспективы, бесконечно умножаются возможности свободного творчества и поиска и вместе с тем демонстрируются открытия, относящиеся к символическому и технофизическому будущему человечества. Но ситуация также несет в себе и риски отчуждения, господства технофизических социальных групп, поскольку они контролируют все другие условия (человеческой жизни), что, возможно, будет более опасным и эффективным, чем господство, устанавливаемое посредством тоталитарных идеологий. Согласно

⁹ *L'individuation psychique et collective*, Aubier, 1989, p. 262 – 265.

сообщениям, дискуссия между Питером Слотердайком (Peter Sloterdijk) и Юргеном Хабермасом, которая произошла в последние месяцы XX века¹⁰, вызвала бурные отклики среди немецких, а затем и французских интеллектуалов. Слотердаjk вызывающе смело поставил под вопрос состоятельность гуманистических идеалов (l'humanisme symboliste), в то время как Хабермас отверг безрассудно скандальную антропотехнологию; отметим, что позиция Симондона, бесспорно, ближе к позиции Хабермаса. Хотя Симондон нацелен на примирение противоположностей, он продолжает размышлять о функциях пар более или менее традиционных различий техники и культуры, материи и духа, физического и психического. Он рассматривает техническое оборудование одновременно и как внутрикультурный, и как внекультурный феномен, поскольку продолжает отождествлять символическое и язык, не различая природу материального и технические изощрения, характер вымышленного и искусственного. В той степени, в какой он придерживается современного рационализма, он останавливается перед возможностью распространения постмодернистского гуманитарного техносимволизма, развивая в разных направлениях технонауку в единстве с творческим символизмом разнообразного плана.

Мы рассмотрим эту последнюю тенденцию, как она представлена в творчестве американского философа медицины и биоэтики Г. Т. Энгельгардта (Hugo Tristram Engelhardt), демонстрирующего позицию, которую мы квалифицируем как эволюционную технофилию.

V. Технонаука и постмодернизм: эволюционная технофилия

Вот фрагмент основной работы Энгельгардта¹¹: «Мы больше не видим себя в центре вещей, обитая вместо этого на безвестной планете, находящейся на орбите незначительной звезды, являющейся, в свою очередь, элементом одной из бесчисленных галактик. (...) В нашей природе обнаруживается продукт случайности. (...) Так как медицина и медико-биологические науки дают все больше способов для перестройки и изменения человеческой природы, мы обеспокоены не только тем, в чем состоит предназначение мужчины и женщины, но и тем, чем они должны бы стать на том пути, который ведет нас к реконструкции нас самих. Альтернативы на такого рода пути предполагают необходимость опоры на моральные, эстетические и другие ценности (...), а также на мнения о том, что является естественным или неестественным. Это еще дистанция между нами как людьми и нами как теми, кто больше, чем человек. Эта дистанция является разрывом между существом, которое мыслит и манипулирует объектами и объектами его мышления. Поскольку мы как личности способны интерпретировать, усматривать и надеяться на нечто небывалое, постольку можем и решить, является ли наше место лучшим в космосе. Если мы находим его неудовлетворительным, то можем строить планы изменения нашего положения. (...) В будущем наша способность принуждать и манипулировать человеческой природой в соответствии с целями, поставленными по отношению к определенной личности, возрастет. (...) Если задуматься о долгосрочной перспективе, то контуры будущего можно вполне достоверно представить в главных чертах, поскольку жизнь нашего вида определяется свободой и технологическим прогрессом. (...) В долгосрочной перспективе нет никаких оснований полагать, что наш вид продолжит эволюцию в единственном варианте (эволюционного пути). Можно утверждать, что возникнет столько видов, сколько их будет содержаться в ауре возможностей в виде предложений по существенному преобразованию человеческой природы в соответствии с новыми условиями существования в окружающей среде или оснований для отказа участвовать в этом». Технофилия постмодерна и эволюционизма порывает с догмой модерна, закрепленной в RDTs (Recherche et Développement TechnoScientifiques – Исследования и Развитие

¹⁰ Ср., например, *Le Monde des débats*, oct 1999.

¹¹ *The foundations of bioethics*, Oxford University Press, 1996, p. 412 – 413; 417.

ТехноНаук): единственного и универсального направления прогресса человечества. Данная догма является лишь выражением определенной мифологии как мироощущения и истории Запада. Вместо того чтобы считать технонауки и верования чем-то внеисторическим, следует подходить к их пониманию как укорененных в определенных традициях и сообществах и независимых от господства над ними со стороны иных сообществ, так как это доминирование не более чем историческая случайность, и надо понимать, что никакое юридическое установление не должно было иметь трансцендентного характера, чтобы оказаться узаконенным.

Это восстановление контекста технонаук включает в себя также идею диверсификации: в различных общинах и различных культурных традициях, вполне возможно, необходимы их собственные RDTs, составленные избирательно, согласно их образности, символизации, ценностям, и для различных целей. Будущее человечества постмодерна открывает многообразную (*buissonnement*) эволюцию, в которой свободно сочетаются техники и символы.

Упомянутая техно-символическая диверсификация означает, в конечном счете, по Энгельгардту, становление индивида личностью, определяет его автономию, его способность свободного выбора. Таким образом, речь идет о тех людях, которые оказываются способными принимать решение об объединении в общину по мере того, как у них возникают схожие ценности и цели. Человек не характеризуется какой-то единственной физической формой, например формой тела, собственно антропоморфность его телесным формам придает то, что они принадлежат представителям человеческого вида. Вот почему люди могут составлять коллективы, в которых совершенно свободно объективируются и изменяются человеческие тела индивидов, соглашающихся или требующих проведения соответствующих операций.

Жан-Франсуа Лиотар также обращает внимание на операции по изменению тела посредством технонауки, но его оценка имеет критический характер: она содержит тенденцию осуждения такого рода объективаций технонауки как кульминации проекта власти модерна на деле.

«Технонауки реализуют проект модерна: человек становится хозяином и владельцем природы. В то же время природа безнадежно дестабилизируется: то, что называется именем «природа», воспринимает все составляющие человеческого субъекта: его нервную систему, его генетический код, его корковый компьютер, его визуальные датчики, слух, системы коммуникации, в том числе языковой, групповую организацию и т. д. и, наконец, его наука, его технонаука тоже становится частью природы»¹².

В данной цитате указывается не только на объективации тела, включая мозг и геном, но и на объективации технонаучных возможностей отношений субъектов, конституирующих интерсубъективную и субъективную реальность: язык, социальность. Это описание исходит из презумпции конца оппозиции между культурой символичности, языка-мышления, с одной стороны, и, с другой стороны, технических и природно-физических образований. Все, образующее в его целом традиционный дух, идеальность, трансцендентальность, имманентность, натурализуется, материализуется и технонаучно операционализуется. Тотальность парных концептуализаций, составляющих структуру традиционного (включающего модерн) философствования, становится теперь неуместной. Однако если мы будем следовать этой мысли радикально, то вряд ли сможем сохранить идею автономного субъекта, за исключением случаев унаследованной фикции определенной традиции (традиции модерна, уж точно), а вместе с этой фикцией – риски, уводящие все дальше и дальше от убеждений, ценностей и идеалов, которые вдохновляли традицию, на почве которой возникла идея человека как автономного субъекта. В цитате Энгельгардта постмодернистский техно-символический пространственно-временной

¹² *Le postmoderne expliqué aux enfants*, Galilée. Paris, 1988.

горизонт открывается в более широком эволюционном горизонте космического пространства и времени, полагающем перспективу земной природе и человеческой истории. Такая перспектива – перспектива грандиозно далекого времени, которая в истории философствования еще далеко не осмыслена с точки зрения потребности действий в соответствии с ней и способностей человека соответствовать ей. При этом следует подчеркнуть хрупкость и непредвидимость форм жизни и, вследствие этого, их мутационный характер и эволюционную непредсказуемость, а также многообразие возможных вариантов будущего, разрушительную роль случайностей и изобретений, случайных кристаллизаций космических сообщений и неслыханных историй... Необходимо также отметить творческое начало человека и его роль в изобретении будущего. Предлагается иметь в виду многообразную трансцендентность человеческого вида, его техно-символизм.

Идеи техно-символического постмодерна состоят в открытии будущего, бесконечно умножающего ожидания, в сохранении духа приключений, творчества, исследования, (культурного) наследия и изумления. Вне этого единственной перспективой человеческого вида является его физическое уничтожение. (Конечно, и) на пути, предлагаемом техно-символическим постмодерном, риск полного исчезновения (человеческого вида) сохраняется, но это перестает быть (его) фатальной судьбой, которая сегодня в качестве конкретной возможности пришла на смену воображаемой метафизике традиционной теологии, признающей трансцендентность человечества лишь в исключительно символическом ключе.

Но постмодерн должен быть действительно *пост*-модерном, в то время как до осуществления человечеством на обозначенной основе большинства современных идеалов на практике еще очень далеко. Постмодерн, кроме того, предполагает заботу о памяти и сохранении доступа к нашему наследию: доступа к формам жизни и биоразнообразия, доступа к символическим культурам языкового разнообразия, а также техно-разнообразия. Современность не поддерживает такого рода озабоченность; для нее скорее характерна установка на видение исторического прошлого как того, в противоположность чему должно быть выстроено рациональное будущее. Постмодерн отводит особое внимание признакам богатства разнообразия в противовес монотонии рационального модерна.

Постмодерн по-прежнему призывает стремиться к уменьшению страданий, но не только людей, как того жаждал модерн, но и всякой жизни. Необходимо, чтобы страдание перестало быть одной из ведущих лабораторий будущего, трансцендентности и созидания.

Однако же постмодерн не может не существовать, так как он отстаивает хаотическое пространство или, больше того, полное уничтожение доминирования всякой альтернативы, которая хотела бы утвердиться в своей единственности. Мир такого рода (как мир постмодерна) не обогащает, а, напротив, обедняет (человека). Именно этот постоянный риск насилия бедности, которая является продолжением рациональных идеалов модерна, должен без конца напоминать о положении и индивидов, и сообществ в мире постмодерна. Тем не менее это наше указание (на существование постмодерна) само по себе никогда и ни по каким претендующим на разумность доводам не должно служить обоснованию легитимации отношений господства, иначе мы утверждали бы в истории (навсегда) лишь позицию силы.

Примечание переводчика: статья переводится на русский язык впервые. Предлагаемый вниманию читателей оригинал текста статьи “La technoscience entre technophobie et technophilie” (Qu’est-ce que la vie?: Conférence du 19 janvier 2000. Vol. I; Michaud Y. (ed). O. Jacob, 2000) размещен в Интернете в открытом доступе по адресу: <http://download2.cerimes.fr/canalu/documents/utls/download/pdf/190100.pdf>.

НАШИ АВТОРЫ

Будникова Наталья Николаевна – магистр филологии, старший преподаватель кафедры русской филологии, мировых языков и перевода, Восточно-Казахстанский государственный университет имени Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Budnikova Natalya Nikolayevna – Master's Degree (Philology), Senior Lecturer, Department of Russian Philology, World Languages and Translation, Eastern Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

E-mail: nbh177@mail.ru

Иванов Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Ivanov Aleksander Sergeevich – PhD (History), Associate Professor, Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: 88d@bk.ru

Задорожная Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Zadorozhnyaya Olga Anatolyevna – PhD (History), Associate Professor, Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: zadorozhniaya.olga@yandex.ru

Кирилюк Денис Валериевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Kirilyuk Denis Valerievich – PhD (History), Associate Professor, Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: denkik@rambler.ru

Кондакова Любовь Юрьевна – библиограф, Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина, г. Сургут, Заслуженный деятель культуры ХМАО – Югры

Kondakova Lyubov Yuryevna – Bibliographer, Central City Library named after A. S. Pushkin, Surgut, Honoured Cultural Worker of KhMAO – Ugra

E-mail: cbs@slib.ru

Кузнецова Анастасия Александровна – ассистент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Kuznetsova Anastasia Aleksandrovna – Assistant Professor, Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: smirnova_aa@list.ru

Курнос Валерий Валерьевич – аспирант, Сургутский государственный университет

Kurnosov Valeriy Valeryevich – Postgraduate, Surgut State University

E-mail: wampovorot@mail.ru

Мархинин Василий Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Сургутский государственный университет

Markhinin Vasiliy Vasilyevich – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of Department of Philosophy, Surgut State University

E-mail: markhinin@yandex.ru

Мархинин Василий Васильевич (мл.) – кандидат философских наук, доцент кафедры политико-правовых дисциплин, Сургутский государственный университет

Markhinin Vasiliy Vasilyevich (jr.) – PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Political Science and Law, Surgut State University

E-mail: textref@rambler.ru

Полторжицкая Галина Ивановна – доцент, старший преподаватель кафедры русской филологии, мировых языков и перевода, Восточно-Казахстанский государственный университет имени Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Poltorzhitskaya Galina Ivanovna – Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Russian Philology, World Languages and Translation, Eastern Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

E-mail: gaipol61@mail.ru

Прищепа Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Prishchepa Alexander Ivanovich – Doctor of Sciences (History), Professor, Department Russian History, Surgut State University

E-mail: aiprishepa@yandex.ru

Пуртова Виктория Сергеевна – старший преподаватель кафедры политико-правовых дисциплин, Сургутский государственный университет

Purtova Viktoriya Sergeevna – Senior Lecturer, Department of Political Science and Law, Surgut State University

E-mail: viktoriya-purtova@yandex.ru

Сергиенко Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Сургутский государственный университет

Sergienko Natalya Anatolyevna – PhD (Philology), Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Surgut State University

E-mail: nas_surgut@mail.ru

Симонова Ольга Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания английского языка и перевода, Сургутский государственный университет

Simonova Olga Alekseevna – PhD (Education), Associate Professor, Department of English Language Methodology and Translatology, Surgut State University

E-mail: soa27@mail.ru

Ситникова Анастасия Юрьевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Сургутский государственный университет

Sitnikova Anastasia Yuryevna – PhD (Education), Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Surgut State University

E-mail: sitnikova_surgu@mail.ru

Солодовников Александр Юрьевич – доктор географических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела экологии Тюменского отделения «СургутНИПИнефть», г. Тюмень

Solodovnikov Alexander Yuryevich – Doctor of Sciences (Geography), Associate Professor, Head of Scientific-research Department of Ecology, Tyumen Department, SurgutNIPIneft, Tyumen

E-mail: Solodovnikov_AU@surgutneftegas.ru

Стась Игорь Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии, старший научный сотрудник Югорской лаборатории археологии и этнологии, Сургутский государственный университет

Stas Igor Nikolaevich – PhD (History), Senior Lecturer, Department of General History and Archaeology, Senior Researcher, Ugra Laboratory of Archaeology and Ethnology, Surgut State University

E-mail: igor.stas@mail.ru

Ткаченко Лейла Ильясовна – студент, Сургутский государственный университет

Tkachenko Leila Pyasovna – Student, Surgut State University

E-mail: ilitu05@yandex.ru

Ушакова Надежда Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политико-правовых дисциплин, Сургутский государственный университет

Ushakova Nadezhda Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Department of Political Science and Law, Surgut State University

E-mail: ushakova_nv@rambler.ru

Чмых Инна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания английского языка и перевода, Сургутский государственный университет

Chmykh Inna Evgenyevna – PhD (Education), Associate Professor, Department of English Language Methodology and Translatology, Surgut State University

E-mail: inna_eug@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Статья и сведения об авторах должны быть представлены в разных файлах, которые передаются вложением в электронное письмо, отправленное по адресу: `chalova_ar@surgu.ru`. Название файла должно содержать фамилию автора (Иванов_статья.doc; Иванов_сведения.doc).

Редакция оставляет за собой право сокращения и редактирования статей. В случае направления рукописи на доработку исправленная статья (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через неделю. Недопустимо предоставление в редакцию статей, опубликованных ранее либо направленных в другие издания. Статьи, не соответствующие требованиям, не рассматриваются и не возвращаются. Авторы несут ответственность за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов.

Для всех категорий авторов публикации бесплатны.

Все авторы должны предоставить **информацию о себе на русском и английском языках:**

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень (если есть);
- звание (если есть);
- должность;
- место работы (без аббревиатур);
- электронный адрес.

Образец оформления сведений об авторе

Иванова Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Сургутский государственный университет

Ivanova Anna Ivanovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Surgut State University

E-mail: ivanova@mail.ru

В файле, содержащем информацию об авторе, также должны быть указаны:

- адрес с почтовым индексом;
- контактные телефоны.

Образец

628412, Сургут, ул. Университетская, д. 7, кв. 32
89221234567

Объем статьи: от 10000 до 20000 печатных знаков (с пробелами), включая аннотацию, ключевые слова, библиографию и иллюстрации.

Структура статьи

1. Индекс УДК (по левому краю).
2. Фамилия (полностью), имя, отчество (инициалы) автора на русском и английском языках (полужирным курсивом, по центру).
3. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима) на русском и

английском языках (прописными буквами, жирным шрифтом, по центру). Точка после названия не ставится.

4. Аннотация статьи на русском и английском языках (до 8 строк). Слово «аннотация» не пишется.

5. Ключевые слова (3-6 слов) на русском и английском языках.

6. Текст статьи (введение, основная часть, заключение).

7. Литература (пристатейный библиографический список источников, на которые автор ссылается в тексте).

Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторах должны быть переведены профессиональным переводчиком.

Образец оформления статьи

УДК 37.012.3

Белоглазова Т.В., Ставрук М.А.

Beloglazova T.V., Stavruk M.A.

**РАЗВИТИЕ ЛИНГВОГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ
ПОСРЕДСТВОМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ**

**STUDENTS' LINGVOHUMANITY CULTURE DEVELOPMENT
BY MEANS OF ACADEMIC MOBILITY**

В статье рассматривается формирование лингвогуманитарной культуры студентов через призму культурологического подхода. Особое внимание уделяется развитию социокультурной компетентности студентов, состоящей из социолингвистического, социально-психологического компонентов с учетом национально-специфических моделей поведения.

The relevance of this article is to consider the formation of lingvohumanity culture of students through the prism of cultural approach. Particular attention is paid to the development of socio-cultural competence of students consisting of sociolinguistic, socio-psychological components, taking into account specific national behavior.

Ключевые слова: лингвогуманитарная культура, академическая мобильность студентов, высшее образование, культурологический подход, лингвострановедческий компонент, коммуникативная деятельность.

Key words: lingvohumanity culture, academic mobility of students, higher education, cultural approach, lingvoculture-study component, communicative activity.

Оформление статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе Word, шрифт TimesNewRoman, кегль 12, интервал 1, абзацный отступ – 1,25 см, поля: верхнее 2,3 см, нижнее 2,4 см, левое 2,2 см, правое 2,2 см.

Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию. Использование цветных заливок и выделений не допускается. Все сокращения и аббревиатуры, кроме общепринятых, должны быть расшифрованы при первом упоминании. Единицы измерения даются в соответствии с Международной системой СИ.

На все таблицы, схемы и иллюстрации должна быть сделана ссылка в тексте с указанием их номера.

Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, иначе при изменении границ страницы элементы могут смещаться. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми. При создании таблиц и диаграмм в Excel обязательно прилагается исходный файл в формате .xls.

Рисунки могут быть выполнены только в форматах .gif, .jpg, .tif.

В диаграммах должны быть подписаны оси координат (при наличии), указаны единицы измерения, объяснены все условные обозначения. В подписях рисунков шрифт 10, жирный, точки нет, выравнивание по центру. В примечаниях к рисункам и таблицам шрифт 10, обычный, выравнивание по ширине.

Библиографические ссылки в тексте статьи выделяют квадратными скобками, указывая номер источника в списке литературы (например, [2]). Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер источника и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [10, с. 81]. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой: [1; 3; 14].

У каждой публикуемой научной статьи должен быть пристатейный библиографический список, содержащий сведения о других документах, цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи.

Источники приводятся в алфавитном порядке. Упорядочение изданий осуществляется по первой букве первого слова библиографического описания. Если первая буква повторяется – соблюдается алфавит второй, третьей и последующих букв. Источники на иностранных языках указываются в конце списка.

На все источники, включенные в список литературы, должна быть сделана ссылка в тексте.

Образец оформления списка литературы

Литература

1. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психолингвистика: теория речевой деятельности : учеб. пособие для студентов педвузов. М. : Астрель ; Тверь : АСТ, 2006. 319 с. (Высшая школа).

2. Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и он-лайн сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/>(дата обращения: 25.11.2006).

3. Карпов В. П. Освоение газовых и нефтяных ресурсов Ямала в 1960–80-е годы // Горные ведомости. 2007. № 12. С. 80–93.

Сведения о включенных в список литературы документах должны быть оформлены в соответствии с требованиями журнала.

Образцы оформления библиографических ссылок

10. Валукин М. Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М. : ГИТИС, 2006. 251 с.

8. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования : сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования ; под ред. А. Е. Марона. М. : ИОВ, 2007. 118 с.

12. Ефимова Т. Н., Кусакин А. В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.

11. Лешкевич И. А. Научное обоснование медико-социальных и организационных основ совершенствования медицинской помощи детскому и подростковому населению г. Москвы в современных условиях : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001. 76 с.

7. Канарский Д. И. Успех как механизм конституирования социальной реальности (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2000. 23 с.

2. О рынке ценных бумаг : федер. закон Рос. Федерации от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 марта 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 апр. 1996 г. // Рос. газ. – 1996. – 25 апр.

1. О производственных кооперативах : федер. закон Рос. Федерации от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 апр. 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 20, ст. 2321. – С. 4966–4979.

20. Приемопередающее устройство : пат. 2187888 Рос. Федерация. № 2000131736/09 ; заявл. 18.12.00 ; опубл. 20.08.02, Бюл. № 23 (II ч.). 3 с.

4. ГОСТ Р 7.0.4–2006. Издания. Выходные сведения. Общие требования и правила оформления. М., 2006. II, 43 с. (Система стандартов по информ., библи. и изд. делу).

Библиографическая ссылка на издание, имеющее более трех авторов

5. Логинов С. И., Басова О. Н., Ефимова Ю. С., Гришина Л. И. Физическая активность человека как фактор адаптации к условиям Югорского Севера // Физиологические механизмы адаптации человека : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 26 октября 2010 г. Тюмень: Лаконика, 2010. С. 34–36.

Фамилии авторов такого документа приводятся в том порядке, в котором они перечислены в исходном тексте.

Библиографические ссылки на электронные ресурсы

1. Дирина А. И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право : сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).

9. О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 нояб. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографические ссылки на архивные документы

15. Гуцин Б. П. Журнальный ключ : статья // ПФА РАН. Ф. 900. Оп. 1. Ед. хр. 23. 5 л.

7. Розанов И. Н. Как создавалась библиотека Исторического музея : докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки РСФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л.14.

12. Гребенщиков Я. П. К небольшому курсу по библиографии : материалы и заметки, 26 февр. – 10 марта 1924 г. // ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 45. Л. 1–10.

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№ 1 (35)
2017

Подписано в печать 13.06.2017 г. Дата выхода в свет 22.06.2017 г.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 11,4.
Тираж 200. Заказ № П-82.

Оригинал-макет подготовлен в редакции журнала
«Северный регион: наука, образование, культура»
(3462) 762-988

Отпечатано в Издательском центре СурГУ.

Адрес учредителя, издателя и типографии:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-31-79.

Цена свободная.